

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
XLVIII

№ 4
октябрь-декабрь 2018

ТАШКЕНТ
2018

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор

Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ

Валерий ГЕРМАНОВ

Роман ДОРОФЕЕВ

Татьяна КОТЮКОВА

Вадим МУРАТХАНОВ

Рубен НАЗАРЬЯН

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Кирилл СУЛТАНОВ

Алексей УСТИМЕНКО

Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 1: Иеромонах Серафим (Суторихин), 1920-е годы (С. 44).

Стр. 2: Леонид и Вячеслав Егоровы. Вячеслав Егоров с епископом Токийским и Японским Сергием (Тихомировым) (1913 г.). Иеромонахи Лев, Гурий и Иннокентий (С. 14).

Стр. 3: Семья Суторихиных (г. Слободской, начало 1930-х). Возле дверей келии о. Серафима (Самарканд, середина 70-х) (С. 44).

Восток Свыше. 2018, № 4 (XLVIII)

Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

...Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Алексей ДЬЯЧКОВ. Первые апостолы 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*
Поэтул. 325 лет преставления святителя Досифея, митрополита
Молдавского (13 декабря 1693 года) 6

Новостные страницы *иеромонаха Михаила (СТОЛЯРОВА)*
Первый съезд православной молодежи, «Русские писатели
в Средней Азии» и другие события 12

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

**Тема: «Среднеазиатские пути» Александро-Невского братства
(к 100-летию со дня основания)**

Дмитрий ПАВЛОВ. Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова) 15

Александр ГАЛАК. «Высший подвиг – в терпении, в любви и мольбе...»
Жизнь архимандрита Серафима (Суторихина) 44

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Всеволод СТРАТОНОВ. Туркестан. Главы из воспоминаний
«По волнам жизни». Публикация, предисловие и примечания
Татьяны Котюковой 67

Эссад БЕЙ. Последний потомок Тамерлана. Глава из книги «Белая Россия.
Люди без родины» (1932). Перевод с итальянского и предисловие
Михаила Талалая 97

ПРОЗА

Николай ИЛЬИН. Телеграмма сапоги 103

Александр КОЛМОГОРОВ. Рецепт ханумок 112

Содержание (окончание)

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О человеке, его природе и его предназначении. О телесном здоровье
и медицине 118

Размышления над Евангелием: страницы *протоиерея Сергея СТАЦЕНКО*
В чем состоял подвиг жен-мироносиц? 122

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь». Избранные записи
в Фейсбуке последних лет 125

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА*
Неостывшая память 138

Авторы номера 141

Содержание журнала «Восток Свыше» за 2018 год 142

Алексей ДЬЯЧКОВ

Первые апостолы

На мелководье видно, как песок
из-под стопы взвивается и кружит,
и оседает. Терпкий запах стружек,
и сладкие – олифы и досок,
и воска – завораживают. Лодка
скользнула по волне и встала кротко.

*Как будто стороной прошла гроза,
потом светает рано и бывало.*
Не помню слов, но то, что Он сказал,
когда мы весла подняли, запало.
И я все думал, расправляя сеть,
о Пришлеце. И думал поглазеть.

Потом забыл. И ночью, взяв улов
богатый, и не вспомнил бы, Иаков
не помяни о Нем... Как будто знаком
невидимым отмечен. От голов,
склоняющихся в сумраке у края
к волне, струились, чешуей играя,
карасики и окуньки. Малек.

Зачем Он к нам пришел? Что мы для Бога,
коль вправду Он мессия? Как далек
Он должен быть от нас, когда дорога
моя и братьев в море, а не в храм.
Заря росла и приближалась к нам.

Календарные страницы *главного редактора*

Поэтул

*325 лет преставления святителя Досифея, митрополита Молдавского
(13 декабря 1693 года)*

С утра он заперся и велел никого не пускать. Спросил чернила, пристроился поближе к тусклому оконцу. Прислуга прислушивалась. За дверью было тихо, только изредка доносились глухие шаги взад-вперед и негромкое бормотание.

Владыка стихи сочинял.

«Doamne, se sa inmultara...» Третий псалом. За окном потемнело, видно, новая туча напозла на солнце, и без того неяркое. Потемнели страницы Псалтыри. Велеть, что ли, чтобы свечи зажгли? Впрочем, не нужно. Зайдут, насуетят, взбаламутят. Он еще с ясской школы наловчился писать в потемках... «Doamne, se sa inmultara...»

Господи! почто те возрастают,
Что стрелы в меня посылают,
Толпою великою окружают,
В море словеснем меня потопляют...

Да, и окружают, и потопляют, и не одного его, раба Божия Досифея. Пронесутся через Молдавию то турецкие, то крымские, то польские рати. «Молдавия – как перепелиное поле, всяк в ней охотится», шутят поляки.

Что остается ему, избранному год назад митрополитом этого поля перепелиного? Этой бедной земли, истоптанной копытами иноземных ратей? Только, запершись в покоях, переключивать молдавскими стихами Псалтырь... Зачем? Что за причуда? Вот и опять потемнело; нет, без свечей не обойтись...

Он родился в Сучаве, древней столице Молдавского княжества. Правда, ко времени его рождения в 1624 году столица была перенесена в Яссы. О прежней славе Сучавы напоминала лишь Тронная крепость, место коронации молдавских господарей.

Юного Дмитрия Барилэ, как звали будущего митрополита, отправили учиться в новую столицу – Яссы, в школу при монастыре Трех Святителей.

Было время недолгого, но пышного расцвета книжности и искусств. Господарь

Василий Лупу строил церкви и монастыри; открыл в Яссах Василианскую академию, где была отпечатана первая книга на молдавском... Лупу умел ладить и с Оттоманской Портой, и с мятежным Богданом Хмельницким, и с дружественной и расчетливой Москвой.

В соборе Трех Святителей Дмитрий мог видеть красочные росписи, выполненные русскими изографами, которых господарь Лупу пригласил из Москвы.

Школа при соборе, где учился Барилэ, была учреждена по образцу Киевской коллегии. Живое участие в ней принял знаменитый киевский митрополит Петр Могила, сам бывший родом из Молдавии. Из Киева были посланы в ясскую школу ученые мужи и учебные книги. Были среди книг, возможно, и пособия по пиитическому искусству, которым уже тогда интересовался будущий митрополит..

Потом был Львов, средоточие тогдашней православной учености, и учеба в знаменитой Братской школе. Школа, существовавшая к тому времени более полувека, не уступала университету. Кроме богословия в ней преподавались древние языки, философия и семь свободных искусств, *artes liberales*: грамматика, логика, риторика, арифметика, геометрия, музыка и астрономия. И пиитика – образованному человеку надлежало быть сведущим и в правилах стихосложения.

На дворе стояла эпоха Контрреформации. Католичество пыталось вернуть себе потерянное влияние. Покуда битву за умы выигрывали протестанты, открывая везде свои школы и коллегии, используя новейшие на то время педагогические методы и научные теории; католики же обучались в монастырях и по старинке. Тридентский собор (1545) постановил, чтобы в каждой епархии создавались свои «рассадики» (*seminaria*) знаний.

Следом стали открывать свои семинарии православные и униаты; львовская Братская школа станет одной из первых православных школ нового образца. Позже неподалеку от нее откроют свой коллегийум иезуиты, одним из воспитанников которого стал старший современник Барилэ, Богдан Хмельницкий...

Львовскую школу Барилэ окончил эрудитом и полиглотом: кроме церковнославянского, греческого и латыни он изучит древнееврейский, русский, польский и украинский. Перед усердным юношей открывалось блестящее светское поприще. Но он отправился в монастырь Пробота, неподалеку от родной Сучавы. Принял монашеский постриг под именем Досифей. Став через несколько лет настоятелем обители, он обновит и улучшит монастырскую школу, которая взрастит многих образованных монахов.

Находил проботский игумен время и для трудов литературных. В 1650 году перевел на молдавский «Историю» Геродота, снабдив ее стихотворным предисловием, и «Хронику Матфея Кигалы», повествовавшую о великих событиях от сотворения мира. А также «Поучения» византийского кесаря Василия своему сыну Льву о том, каким должен быть православный государь, – наставление правителям своего времени.

А время было сложным и беспокойным.

Сентябрь 1653 года. Господарь Василий Лупу свергнут и бежал к крымскому хану; молдавский трон занял Георгий Стефан.

Январь 1654 года. В Переяславе на собрании запорожского казачества во главе с Хмельницким было положено объединить земли Войска Запорожского с Царством Московским.

Молдавия оказалась меж двух огней. С одной стороны – Московия с Украиной, с другой – Польша с Крымским ханством. Господарь Стефан колебался. То «держал дружбу» с Хмельницким и вел переговоры о переходе в русское подданство, то оказывал помощь полякам...

Июль 1655 года. В Польшу вторглось двадцатипяти тысячное шведское войско, поддержанное казаками Хмельницкого и трансильванским князем Ракоци. Шведы взяли Краков и Варшаву. Оттоманская Порты, недовольная усилением Ракоци, снаряжала войска в Молдавию и Трансильванию.

Господарь Стефан слал в Москву письма, прося царя прислать помощь «для защиты его и молдавской земли от турков». Московским послам удалось отговорить султана начинать войну, но господарю Стефану это не сильно помогло. В марте 1658 года под давлением Порты Стефан был смещен, господарем стал Георгий Гика.

Беспокойное время, тревожное.

Лучше всего отсидеться за монастырскими стенами или уехать куда подальше, чтобы в тиши и покое заниматься делами литературными.

Bene qui latuit, bene vixit, писал Овидий. Эти слова сделал своим девизом знаменитый современник Досифея, Рене Декарт, нашедший убежище от свиста ядер в мирной Голландии. «Хорошо прожил тот, кто хорошо таился».

Затаиться Досифею было не суждено.

Овидий с Декартом, возможно, были правы. Но более прав был Сказавший: *И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит она всем в доме* (Мт. 5, 15).

В 1658 году игумен Досифей был хиротонисан во епископа и назначен служить в город Хуши, а через два года – на более высокую кафедру, в Роман.

В Романе он служил почти двенадцать лет.

Один за другим сменились восемь господарей. Свирепствовала чума, росли налоги. Настал голод, и вместо хлеба ели болотный рогоз.

В 1671 году владыка Досифей стал митрополитом Сочавским и всей Молдавской земли. Посещал монастыри, налаживал духовную жизнь, поддерживал и ободрял простой народ. Не забывал при этом и труды свои пиитические...

Зажгли свечи. Зажгли, а толку нет. Сочинять все равно темно. Мысли, одна другой тревожней, стучатся в голову.

«Doamne, ce sa inmultara...»

«Господи! почто те возрастают...»

Второй год митрополичьего его служения, а покоя все нет. Снова разгорелась вражда между Стамбулом и Варшавой. Смерчем пронесли войска султана Мехмеда через бедную его Молдавию, «поле перепелиное»... Время ли стишками тешиться?

Inter arma silent Musae. «Среди орудий музы молчат».

Что же его Муза все не желает умолкнуть, подзуживает его, водит рукою с пером?

Ну, переложит он сладкозвучным молдавским наречием Псалтырь. А где издать? Были и в Молдавии свои толковые печатники, – кого войной разметало, кого чума подкосила. Печатни все ветхие, доброго типографского набора днем с огнем не отыщешь. Не то что в Венеции или в немецких землях, с их благоустроенными печатнями и книжными лавками. А в городе Франкфурте, что на реке Майн, даже, сказывают, каждый год бывает особая ярмарка, где только книгами торгуют. Попадались и ему немецкие книги, добрая работа. И переплет надежный, и бумагу потрогать приятно. Не то что здесь...

Для чего же он, отложив дела архиерейские, то бродит по тесным своим покоям, бормоча и вздыхая, то, как пылкий юнец, бросается к бумаге и гусиному перу? Вот уже и свечи оплыли, и листы исписанные кипой лежат... Для чего?

Если б хоть краешком проникнуть мыслию в будущее, прозреть судьбу стихотворного труда своего...

Будущее же было таким.

«Псалтырь» будет отпечатана в следующем, 1673 году. Да, не в Молдавии, а недалеко от Львова, в Уневском монастыре. Но переведенные Досифеем псалмы разлетятся по Молдавии, из уст в уста, и станут частью словесности народной.

А еще через год придется сочавскому митрополиту уйти в польские земли. Господарь Петричейку выступит против Порты в союзе с Польшей; одновременно будет искать дружбы с Москвой; Досифей поддержит Петричейку. И оба отправятся в изгнание. Для Досифея оно, правда, будет недолгим. В начале 1675 года он вернется в Яссы, а летом следующего года вновь займет митрополичью кафедру.

И снова примется за переводы и дела издательские. Переведет на молдавский и издаст «Божественную Литургию», «Псалтырь в прозе», «Молитвенник», «Поэму о господах Молдавии», «Паремийник»...

Все эти книги будут отпечатаны уже в Яссах. По просьбе митрополита, из Москвы, от патриарха Иоакима, в 1679 году было прислано «тиснение типографийское». Свою благодарность послу Ивану Белевичу, чьими трудами типографский набор был доставлен, митрополит выразит четверостишием на последней странице «Молитвенника»: «Ionasco Bilevici ci-au pusu nevointa...»

Ионашко Белевич взял труд изрядный,
Из Москвы станок доставил печатный;
Дай-то Бог, чтоб славное его имя
В книге жизни стояло со святыми!

Посвятит митрополит стихотворение и московскому патриарху Иоакиму (позже патриарх откликнется и на просьбу Досифея прислать бумагу для печатанья «Прологов»):

Laudata s-aiba direptulu pomana
In ceriu si pre lume fara de prighana,
Ca si de la Moscva luciaste lucoare,
Intinzind lungi radze si bun nume supt soare.

Достойно всяко, поистине, даренье
На земле иметь и на небе хваленье.
И из Москвы сияние нам излилось,
Посылая лучи и всякую милость.

Такова была эта эпоха – эпоха барокко, торжественной и одновременно изящной поэзии. Таков был этот митрополит-поэт, по-молдавски – «поэтул». Все вызывало в нем прилив вдохновения: и библейский стих, и подвиги древних, и доставка «типографийского тиснения»...

Кроме дел пиитических приходилось брать участие и в политических.

12 сентября 1683 года турецкая армия будет разгромлена под Веной. Господарь Петричейку вернется в Молдавию, попытается изгнать турок и перейти в русское подданство. Главную роль в этом Петричейку отводил Досифею.

В 1684 году митрополит отправится во главе посольства в Москву. Но добраться сможет только до Киева; здесь его задержат. То ли из-за чумы, то ли из-за того, что в Москве не очень доверяли Петричейку, долго жившему в Польше и вернувшемуся к власти благодаря польской помощи. А положение в Молдавии все ухудшалось: к княжеству подступило объединенное турецкое и крымское войско; обещанная помощь из Польши всё не шла.

Досифей томился в Киеве и слал в Москву воззвания. «Пославши войска против агарянов, ускорите, да не погибнем. От иные бо страны ниоткуда надежды о избавлении, токмо на святое вы царство».

В «святое царство» послов так и не пустят. Щедро наградив, отправят во свояси.

Польша, наконец, вступит в Молдавию, но потерпит от турок поражение. Досифей вынужден будет снова уйти с отступающими польскими войсками.

Начнется второе его изгнание, самое долгое. Он обоснуется неподалеку от Львова, в Стрые, вместе с верным ему клиром. И снова будет писать в Москву: уже не о военной помощи для господаря, а о милостыне для присных своих.

«Я, смиренный Сочавский митрополит, сущий в отдалении от земли своей... с частью братии от клира, уцелевшей от острия меча и разграбления и гнева войска из Молдавии, – ныне странничаем во граде Стрию и чаем, дабы наша земля успокоилась, и тогда, приняв изъявление, возвратимся... в наше отечество в град Сочаву, разоренную и запущенную от агарянского частого попрания и насильных лютых бед...»

В другой раз митрополит отправит в Москву в дар частицы мощей и свои труды; оттуда ему пришлют запрошенную архиерейскую мантию, взамен обветшавшей, и милостыню. В феврале 1691 года митрополичий посланник снова побывает в Москве и передаст просьбу стареющего Досифея: пока не пресекла его коса смерти, позволить вернуться в край родной...

Вернуться ему так и не удастся. Молдавией будет править неграмотный и жестокий Константин Кантемир; Досифея, не поддерживавшего его политику, Кантемир невзлюбит. Как говорится в одной из хроник, Кантемир даже устроил, чтобы патриархи наложили на Досифея запрещение. «Но, – добавляет хронист, – ничто не потревожило его, так что люди говорили, что он святой».

Досифей переберется в Жолков, город поблизости от Львова. Здесь, глядя на

невысокие холмы и серенькое морозящее небо, он в последний раз вспомнит родную Молдавию, ее солнце, ее виноградники... В 1693 году он завершит в Жолкове свой земной путь.

Но это все пока в будущем. Пока же митрополит, затворившись от людей и волнений, переводит Псалтырь. Вот уже до восьмого псалма дошел, любимого своего. «Doamne, Domnul nostru, cum t-ai facut nume...»

Господи, Господь наш, утвердил Свое имя,
Что чудятся ему во всей вселенной зримей!

Текут строки рекою, шире Прута и Днестра, одна другую нагоняет, одна за другой о брег сладостно плещет. Что пред этим потоком заботы суетные, огорчения мира сего? Что пред ним господарский гнев и милости господарские? Что они пред той любовью Божией, которая изливается Им через Его творения?

Зрю я небеса, что Ты соделал перстами
И украсил оные своими трудами;
Луне велел, чтоб то росла, то убывала,
И солнце утвердил, светло чтобы сияло.
Звезды яркие, чтобы ночью светили,
Даровал нам тож, чтобы довольны тем были.
Что есть человек, что Ты его поминаешь
И зело о пользе его промышляешь?

И правда: что есть человек, что суть вечные заботы и тревоги его? Взгляни на небо, подивись звездному хору, поклонись Творцу. И отойдут тревоги, и заботы удалятся.

Не многим чем от ангелов во всей их славе
Умалил Ты его во владенье и праве.
Возложил на главу его знания корону,
Научил доброте и всякому закону.

Для того, верно, и трудится он, плетя словеса и прилагая рифму к рифме. Дабы учился народ доброте и всякому закону. Напитался Словом на природном своем языке, во внятных ему красотах элоквенции. Ибо ни один народ, ни одно племя не выстоит, не вооружившись своими словесными стрелами; иначе так и останется «полем перепелиным»...

И светлая, как речная вода, радость заливают митрополичье сердце. И светлеет за окном, и свечи, уже почти догоревшие, горят веселее.

И лишь легкий, знакомый каждому пииту горьковатый шепоток шелестит в темноте, куда свет свечной не доходит.

Ну да, неплохо, неплохо... Только сыровато пока, тут и тут править еще надо... А это вот никуда не годится; и не только это, а многое, многое... Да и зачем столько бумаги было изводить? Зачем?..

Задумается поэтул. Вздохнет, перекрестится... и пишет, пишет дальше.

Новостные страницы иеромонаха Михаила (СТОЛЯРОВА)

Первый съезд православной молодежи, «Русские писатели в Средней Азии» и другие события

Юбилеи и памятные даты. Начнем, по традиции, с торжеств и юбилеев. Это, прежде всего, 65-летие архипастыря Ташкентской епархии, главы Среднеазиатского митрополичьего округа митрополита Ташкентского и Узбекистанского Викентия. 4 октября его приехали поздравить многочисленные архиереи и священнослужители из разных епархий РПЦ, а также верующие Екатеринбургской и Ташкентской епархий. В тот же день в Русском драматическом театре Узбекистана прошел большой праздничный концерт «День русской культуры».

15 апреля свое 80-летие отметил старейший клирик епархии, митрофорный протоиерей Михаил Котляров. Митрополит Викентий вручил маститому протоиерею патриаршую награду – орден прп. Серафима Саровского I степени.

Важной датой в духовной жизни не только Ташкентской епархии, но и всей Русской Православной Церкви стала сотая годовщина расстрела императора Николая II и его семьи. 15 мая в конференц-зале Духовно-административного центра епархии прошла конференция, посвященная 150-летию со дня рождения последнего российского императора и столетию убиения царской семьи.

В ночь с 16 на 17 июля, во время «Царских дней» в Екатеринбурге, паломники из Средней Азии приняли участие в Крестном ходе от Храма-на-Крови до монастыря Царственных страстотерпцев в урочище Ганина Яма.

А 22 декабря, в день почитания иконы Пресвятой Богородицы «Нечаянная Радость», митрополит Викентий совершил освящение первого в Средней Азии храма в честь святых царственных страстотерпцев. Этот трехуровневый храм расположен на территории Духовно-административного центра Ташкентской епархии, рядом со Свято-Успенским кафедральным собором.

В числе других прошедших в епархии юбилейных торжеств можно назвать еще две даты. 31 мая, в день 95-летия со дня архиерейской хиротонии святителя Луки (Войно-Ясенецкого), была отслужена праздничная Божественная литургия и проведена Пятая ежегодная конференция «Духовное наследие и вклад в медицину святителя Луки (Войно-Ясенецкого)».

27 июня, в ознаменование пятилетия со дня обретения чудотворного образа Пресвятой Богородицы «Тихвинская Слезоточивая», в главном храме епархии была отслужена Божественная литургия. Ее совершили глава Округа митрополит

Ташкентский и Узбекистанский Викентий, епископ Душанбинский и Таджикистанский Питирим и епископ Бишкекский и Кыргызстанский Даниил.

Святыни. Верующие епархии имели возможность поклониться доставленным в Ташкент святыням: ковчегу с частицей мощей святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси (19 апреля); доставленному из афонского монастыря Зограф чудотворному образу святого великомученика Георгия Победоносца и ковчегу с частицами святых мощей и Честного и Животворящего Креста Господня (23 июня); ковчегу с частицами мощей преподобных старцев Оптинских (10 июля); чудотворному образу Пресвятой Богородицы «Всецарица» и ковчегу с частицами святых мощей с Афона (2 октября), ковчегу с частицей святых мощей мученика Виктора (23 ноября).

Выставки, форумы, фестивали. 19–22 апреля в Ташкенте прошла ежегодная международная книжная выставка-форум «Радость Слова». В 2018 году выставка расширила свои границы. Мероприятия и Богослужения с участием главы Среднеазиатского митрополичьего округа митрополита Викентия и Председателя Издательского совета Русской Православной Церкви митрополита Калужского и Боровского Климента прошли в Самарканде и Ташкенте. В рамках форума прошли презентация фотовыставки «Святитель Патриарх Тихон», посвященной 100-летию восстановления Патриаршества в России; молодежный брейн-ринг «Император Николай II и его время»; презентация собрания трудов Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, выпускаемых Издательством Московской Патриархии, а также книги митрополита Калужского и Боровского Климента «Аляска».

С 6 по 10 октября в Ташкенте прошел первый Съезд православной молодежи Среднеазиатского митрополичьего округа. В работе этого форума приняли участие молодые верующие из приходов Ташкентской, Душанбинской и Кыргызстанской епархий, а также из Калужской епархии. В рамках форума также прошли VI научно-просветительские чтения «Судьбы христианства в Средней Азии: история и современность». Кроме того, участники смогли посетить Самарканд, помолиться у гробницы пророка Даниила, побывать в православных храмах и осмотреть исторические памятники этого древнего города.

С 27 сентября по 3 октября на соборной площади ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора прошла Пятая международная православная выставка-ярмарка. В ней приняли участие представители храмов и монастырей Православной Церкви из России, Белоруссии, Украины, Греции, Сербии и Палестины. На стендах участников были представлены иконы, церковная утварь, духовная литература и т.д. 1 октября для посетителей выставки выступал оркестр «Consonansa» при Ташкентской и Узбекистанской епархии.

22 декабря, в дни Рождественского поста, в Ташкенте прошел первый Фестиваль постной кухни. Свою снедь представили Свято-Троицкий Никольский женский монастырь, Свято-Успенский кафедральный собор, Немецкий и Азербайджанский культурные центры. Мастер-классы по приготовлению постных блюд провели игумен Гермоген (Ананьев), насельник и келарь московского Свято-Данилова монастыря, и шеф-повар Олег Ольхов (Москва).

В фестивале принял участие праздничный хор Свято-Данилова монастыря, исполнивший богослужебные песнопения во время Всенощного бдения 22 декабря

и Литургии 23 декабря и выступивший с отдельным концертом в конференц-зале епархии.

О других **культурных событиях** в жизни Епархии. В рамках проекта Душанбинской и Таджикистанской епархии «Русские писатели в Средней Азии» в Ташкенте и Самарканде прошли встречи с известными российскими литераторами – прозаиками Виктором Николаевым (29–30 мая), Алексеем Варламовым (16 октября), публицистом протоиереем Владимиром Вигилянским и поэтом Олесей (Ольгой) Николаевой (25–27 октября).

Творческий коллектив епархиального отдела «Сретенье» взял несколько первых премий на Международном фестивале вокально-хоровой и фортепианной музыки имени священномученика митрополита Серафима (Чичагова) «Сила веры», который прошел в Санкт-Петербурге 9–11 декабря.

4 декабря в Государственной Консерватории Узбекистана состоялась премьера оратории «Страсти по Матфею» митрополита Илариона (Алфеева). Концерт был организован при поддержке Министерства культуры, республиканских специальных музыкальных академических лицеев им. В. Успенского и им. Р. Глиэра.

«Виноградная лоза». 18 августа в ташкентском Свято-Троицком Никольском женском монастыре прошла презентация Центра по поддержке семьи и семейных ценностей «Виноградная лоза». В задачи Центра входит проведение консультирования пар, готовящихся к Таинству венчания; профилактика домашнего насилия (психологическая и юридическая помощь); духовное окормление, медико-социальное и юридическое сопровождение беременных, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, и т.д. С 3 сентября при Центре начали действовать курсы для будущих родителей, чтобы они правильно подготовились к важному этапу в их жизни – рождению малыша. Все услуги Центра оказываются на благотворительной основе.

Рукоположения и постриги. 7 июня в Свято-Троицком Георгиевском мужском монастыре города Чирчика принял постриг насельник обители, студент подготовительного курса Ташкентской Духовной семинарии инок Тихон (Чумаков). В монашестве ему наречено имя Иоанн. А 28 июня там же монах Иоанн был рукоположен во иеродиакона.

27 августа в Свято-Троицком Георгиевском мужском монастыре был совершен постриг в Великую схиму иеромонаха Аввакума (Назарова) и монахини Татианы. В схиме им были наречены имена Гавриил и Агафья.

17 декабря в ташкентском Свято-Троицком Никольском женском монастыре был совершен иноческий постриг, который сподобились принять четыре послушницы этой обители: послушница Наталья была пострижена с именем Варвара, послушница Ксения – с именем Иулиания, послушница Валентина – с именем Ксения и послушница Раиса – с именем Екатерина.

31 декабря в Свято-Успенском кафедральном соборе в сан диакона был рукоположен выпускник Ташкентской Духовной семинарии Павел Былин.

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Тема: «Среднеазиатские пути» Александро-Невского братства
(к 100-летию со дня основания)

Дмитрий ПАВЛОВ

Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова)

От редакции: ВС начинает публикацию глав из книги Д. Павлова «Митрополит Гурий (Егоров): жизнь и служение (1891–1965)», посвященной жизни одного из выдающихся архипастырей Русской Православной Церкви середины 20 века, исповедника, прошедшего в годы гонений тюрьмы, лагеря и ссылки. За 19 лет архиерейского служения он возглавлял семь кафедр, первой из которых была Ташкентская (1946–1953 годы); кроме того, в 1933–1945 годы будущий митрополит проживал в Ташкенте и Фергане. Книга планируется к выходу в издательстве Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) во второй половине 2019 года. Монография написана на основании архивных источников, большинство которых публикуется впервые. Текст публикуется в сокращенном варианте.

Детские и юношеские годы. Обучение в Духовной академии. Пострижение в монашество и рукоположение

Вячеслав Михайлович Егоров родился 1 (14) июля 1891 года в городке Опеченский посад Боровичского уезда Новгородской губернии. Родители его – Михаил Афанасьевич Егоров и Екатерина Степановна (урожденная Селюхина) – были петербургские мещане. Михаил Афанасьевич владел артелью ломовых извозчиков; Екатерина Степановна занималась семьей и домом. В семье Егоровых было пятеро детей: Николай, Вера, Василий, Леонид и самый младший – Вячеслав.

Егоровы, хотя и были петербуржцами, очень ценили свой городок, в котором возник их род, – Опеченский посад, находящийся в 30 километрах от Боровичей. Там у них сохранился дом, сад и родные могилы. Пращуром Егоровых был генерал-аншеф¹ Певцов. Его сын Георгий влюбился в крепостную девушку, но отец молодого человека не дал благословения на этот брак. Тогда Георгий ночью похитил девушку, обвенчался с ней ночью в деревенской церкви и остановился с молодой женой в Опеченском посаде. Там он купил 200 десятин земли, построил два дома и зажил сельской жизнью. Георгия Певцова местный народ называл Егором – отсюда его потомки стали называться Егоровыми. Митрополит Гурий позже делился, что очень гордится своим новгородским происхождением. Однажды, прочитав в

одном историческом сочинении характеристику новгородцев как племени энергичного, деятельного, но в то же время своевольного, митрополит сказал, что он по своему нраву именно такой и есть².

Родители Вячеслава были глубоко верующими людьми. Однако имя своему младшему сыну они дали, не считаясь с церковной традицией – выбирать из имен тех святых, память которых отмечается в даты, совпадающие или близкие ко дню рождения ребенка. Вячеслав родился в июле, а память святого князя Вячеслава Чешского празднуется Церковью в марте и сентябре.

Вячеслав рано осиротел. Мать умерла от туберкулеза вскоре после рождения младшего сына. Отец поехал в баню, напарившись, выпил холодного портера, сел в сани и умер по дороге домой; лошадь привезла его уже мертвым³.

Пятерых сирот семьи Егоровых приютили их бездетные родственники из Петербурга – дядя Яков Степанович Селюхин (заведовал Александро-Невским рынком) и его жена Ольга Александровна. Сам митрополит Гурий позже вспоминал:

Дядя и тетя нас любили, старались, чтобы мы не замечали своего сиротства. Мы по гроб жизни благодарны им за их святое дело. Это с их стороны был подвиг самопожертвования⁴.

Но все равно детям не хватало настоящей материнской любви. Уже в преклонных годах митрополит Гурий делился:

Я не знал материнской ласки и теперь чувствую, что мне ее не хватает. Без нее и я стал, может быть, слишком рассудителен и недостаточно ласков к своим духовным детям⁵.

Однажды в детстве Вячеславу стало грустно, и он об этом сказал своей тете, ожидая утешения. Она в ответ ему равнодушно сказала: «Что же, тебе музыкантов привести, что ли?»⁶. Этот ответ запомнился ему на всю жизнь. Дядя старался проявить внимание к Вячеславу, звал его «малышом». Как-то на даче Вячеслав сказал дяде, что ему скучно. Тот ответил, что такое бывает, когда детям нечего делать; и добавил: «Ну, пойди погуляй»⁷.

Лидером среди детей Егоровых был старший брат, Николай, будущий профессор теоретической механики петербургского Технологического института; все братья старались равняться на него. Под руководством Николая Вячеслав перечитал всех классиков⁸.

Но больше всего дружил Вячеслав с братом Леонидом, бывшим всего на два года его старше. Митрополит Гурий любил показывать картину Валентина Серова «Дети», отмечая, что изображенные на ней два мальчика напоминают ему его самого и брата Леонида. Вячеслава почти не наказывали, а вот Леониду за строптивость попадало часто. На убеждения тети брат Вячеслава часто отвечал: «А я не хочу». Однажды дядя рассердился, стал бить Леонида розгой, а Вячеслав в это время в соседней комнате дрожал и плакал от жалости к нему. Этот случай так запомнился детям, что, уже будучи взрослыми, братья вспоминали его. Митрополит Гурий отметил этот случай в своих воспоминаниях: «Вот какой глубокий след оставляют на душе детей физические наказания. Конечно, применять их не следует»⁹.

Очень любил Вячеслав бывать в рыбном магазине: мог стоять часами около аквариума. Спустя годы у митрополита Гурия появился маленький бочонок из-под

маринованных огурцов, в котором плавали две крошечные рыбки, привезенные из Крыма. Позднее ему подарили настоящий большой аквариум, с освещением, водорослями, красивыми ракушками и со множеством рыб¹⁰... Также на Вячеслава производили очень большое впечатление звуки петербургского двора: голос бабы, торгующей клюквой, крики старьевщика, музыка шарманщика. Особенно велико было счастье детей, когда на улице раздавался приятный голос: «Моррожено, моррожено!»¹¹.

Митрополит Гурий рассказывал, как в дом его дяди приезжал святой праведный Иоанн Кронштадтский. Ездил он в обыкновенной карете, которую узнавал народ, сбегавшийся из домов и с рынков. Приезжая к Якову Степановичу, отец Иоанн первым делом спрашивал о нуждах семьи. Потом молился и обязательно садился пить чай.

Помню, у нас был такой круглый стол. О. Иоанн наливал чай на блюдечко, поил с него ребят. Лицо у него было такое доброе. И все мы тут стояли. Я был вот такой,¹² –

вспоминал митрополит Гурий, показывая рукой на метр от пола (Вячеславу тогда было примерно семь лет). Возможно, эти посещения и пробудили в мальчике желание стать священником, так что он «даже засыпал в детстве со сложенными для священнического благословения пальцами...»¹³.

Любил митрополит Гурий рассказывать о своих походах в детстве в церковь, куда они ходили с братьями и дядей каждую субботу и воскресенье. После службы за обедом дядя спрашивал Вячеслава, как самого младшего: «Ну, Витя¹⁴, расскажи, какое сегодня читали Евангелие?». Когда стали постарше, дядя спрашивал: «А что сегодня в Апостоле читали?». Если Вячеслав не рассказывал, то дядя стыдил его перед всеми. Тогда мальчик стал заранее просматривать Евангелие и Апостола, чтобы лучше усвоить их содержание¹⁵.

Любили Вячеслав и Леонид играть на дорожках двора Александро-Невской Лавры. Вдоволь набегавшись и наигравшись, дети подходили к монаху на монастырской кухне и просили налить им квасу. Монах наливал им кружку и давал огромный ломоть черного хлеба. Когда дети стали постарше, они встречали на прогулках в Лавре митрополита Антония (Вадковского)*. Они всегда подбегали к нему и просили благословения¹⁶. И кто знает, может, это благословение и привело позже братьев Егоровых в стены Лавры уже монахами и руководителями Александро-Невского братства...

Когда пришло время, Вячеслава отдали учиться в Петровское коммерческое училище в Петербурге. В училище упор делался на такие предметы, как бухгалтерия и товароведение. В то же время идеально преподавался французский язык – на уроках учитель не произносил ни одного слова по-русски. Прекрасно вел свой предмет преподаватель физики, Николай Васильевич Трифонов, но в то же время отличался циничным безбожием. Как-то раз на уроке он позволил себе антирелигиозный выпад, но Вячеслав удачно его парировал, так что физик не нашелся, что ответить. Когда Вячеслав Егоров позже стал иеромонахом и служил в Александро-Невской Лавре, ему пришлось отпевать одного человека. Имя и отче-

* Антоний (Вадковский; 1846–1912) – с 1898 г. до самой кончины – митрополит Санкт-Петербургский и Ладоский. (Прим. ВС.)

ство покойного показались ему очень знакомы; это оказался тот самый физик...¹⁷

Коммерческое училище финансировали богатые купцы, поэтому там были талантливые преподаватели. Но дух разгульного купечества проникал внутрь стен училища. Нередко в старших классах сыновья купцов, приходя на занятия, с восторгом рассказывали о своих ночных похождениях...

Однажды в классе была затеяна игра – каждый называл букву, с которой начиналась его будущая профессия. Вячеслав назвал букву «М», и никто не смог отгадать замысел его будущего. А он задумал слово «монах»...

В школе меня мальчишки называли монахом. Однажды к нам в класс пришел новый преподаватель, очень солидный, почтенный человек. Он стал знакомиться с нами. Когда дошла очередь до меня (а я был старостой класса), мальчишки закричали: «Он монах, он первый ученик». Учитель выслушал все это и сказал: «Что он первый ученик, это делает ему большую честь и является его большой заслугой. А монахом быть также очень хорошо». А я всегда краснел. И тогда, помню, покраснел от слов учителя. Мальчишки были посрамлены и с тех пор больше меня так не звали¹⁸.

Каждое лето Вячеслав обязательно куда-нибудь ездил, вырабатывая себе маршрут для путешествия по железной дороге, парходом и пешком.

Мне было тогда лет пятнадцать. Я очень любил ходить пешком в одиночестве. За плечами котомка с необходимыми вещами, полотенце, мыло, хлеб. И идешь себе один и испытываешь какое-то особенное, восторженное чувство. Никаких тревог, никаких забот. На душе так спокойно. Перешел успешно в другой класс, ничего не беспокоит. А кругом русская природа, лесочки, река, песок прибрежный, трава. Все это звучало в моей душе какой-то непередаваемой, чудной музыкой¹⁹.

В этих поездках Вячеслав часто посещал и монастыри.

В 1911 году он окончил с отличием училище, получив степень кандидата коммерческих наук. В качестве награды ему подарили книгу М.М. Тареева «Основы христианства». Выпускнику предложили на выбор перспективные служебные места – либо работать в банке, либо заведовать финансовой частью русского консульства в итальянском городе Бари, куда, к мощам святителя Николая Мирликийского, приезжало много русских паломников.

Но Вячеслав отказался от этих предложений и стал готовиться к поступлению в Санкт-Петербургскую духовную академию. Для поступления необходимо было сдать экзамены по латинскому и греческому языкам и написать сочинение по богословию. Осенью 1912 года Вячеслав выдержал вступительные испытания и был принят²⁰.

К моменту поступления Вячеслава в Духовную академию изменилась ситуация в семье его дяди – умерла супруга Якова Степановича, и тот женился снова. Будучи взрослым человеком, Вячеслав не мог оставаться в дядиной семье, которая стала для него уже не совсем родной. Он решил обратиться к опытным и прозорливым старцам с вопросом о выборе жизненного пути. В конце мая 1913 года он поехал в Оптину пустынь к старцам Анатолию (Потапову) и Нектарию (Тихонову) с целью получить от них благословение на монашество и священство²¹.

Вячеслав отправился к старцу Анатолию, в приемной которого ожидало своей

очереди около ста человек. Келейник старца уточнил у Вячеслава, кто он, откуда и по какому вопросу. Молодой человек сообщил ему, что он студент Духовной академии, и назвал свое имя. Чуть позже келейник чудесным образом пригласил «брата Вячеслава» к старцу. Вячеслав было возразил, что не его очередь, но келейник сказал, что батюшка зовет. Старец Анатолий принял его в своей келии, и оказалось, что он все знает: он обладал даром прозорливости и ему была открыта душа человека. Старец посоветовал Вячеславу монашество и священство. То же самое сказал молодому человеку и старец Нектарий, которого посетил Вячеслав в той же поездке²².

В то время недалеко от Оптиной пустыни проживал священник Георгий Косов²³, которого в народе звали «отец Егор». Вячеслав решил посетить и его. Эта встреча с простым сельским священником, имевшим дар прозорливости и чудотворения, благотворно отразилась на последующем пастырском служении Вячеслава Егорова. Служить в этом сельском приходе неподалеку от города Козельска отца Егора благословил старец Амвросий Оптинский. Приход был очень запущенный и бедный, церковь – деревянная, ветхая. Сначала отец Егор не хотел там служить, пришел в отчаяние. Но старец Амвросий не разрешил ему бросить это место и говорил, что он еще построит каменную церковь. Священник послушался старца. Отец Егор был большой молитвенник, служил каждый день. Поначалу народу в церкви было мало, потом стали ходить все больше и больше. Сбылись слова прозорливого старца Амвросия – дела прихода поправились, настоятель воздвиг новый прекрасный храм... Отец Егор принял Вячеслава у себя на квартире и также благословил его на монашество и священство²⁴.

В 1913 году во время летних каникул Вячеслав Михайлович по приглашению епископа Сергия (Тихомирова) побывал в Японии²⁵. В 1912 году скончался святой равноапостольный Николай (Касаткин), просветитель Японии. Его дело продолжил епископ Киотский Сергий (Тихомиров), пребывавший с марта 1908 года помощником начальника Миссии в Японии, а прежде – ректором Санкт-Петербургской духовной академии. С епископом Сергием Вячеслав Михайлович был знаком давно – еще мальчиком он приходил к нему, пил чай, иногда прислуживал ему в алтаре храма. После отъезда епископа Сергия в Японию в 1908 году связь между ними продолжалась. На присланной из Токио фотографии сделана надпись: «Милому другу Вите. Сердечно любящий епископ Сергий. 21 декабря 1911 г./ 3 января 1912 г. Токио»²⁶.

Митрополит Гурий часто потом вспоминал Японию. Однажды, отдыхая там за городом, Вячеслав Михайлович попросил благословения пойти погулять одному, пока епископ Сергий был занят своими делами. В горах молодой человек наткнулся на языческий храм, где таинственно горели светильники и молились люди. Когда он вернулся назад, ему объяснили, что это посещение было опасным для жизни – эти люди могли и убить его, так как у них это священное место²⁷. Там же, в Японии, с Вячеславом произошел другой неприятный случай. Будучи хорошим пловцом, он один пошел купаться в Тихом океане. Когда он уже хотел выйти на берег, то не мог этого сделать – какая-то неведомая сила тащила его назад. Наконец, он догадался подплыть как можно ближе к берегу и, не вставая на ноги, вылез на сухой песок. Подбежавший к нему обеспокоенный японец объяснил, что в этом месте песок пропитан водой на большую глубину, образуя плавун, не вы-

держивающий веса человека. Многие в этом месте выбивались из сил и тонули²⁸.

Необыкновенно яркими были впечатления Вячеслава Михайловича от Церкви в Японии. Однажды он наблюдал в православном молитвенном доме в одном японском селении, как в момент богослужения в храм забежал мальчик лет двенадцати. Японцы предоставляют детям полную свободу и относятся к ним с уважением. К мальчику подошел асан – «дедушка Церкви», почтенный старик с седой бородой. Он не стал бранить мальчика, а спокойно ему сказал: «Не кричи, здесь нельзя кричать». Мальчик затих, с удивлением глядел по сторонам и, указав на изображение Спасителя на стене, спросил: «А кто это?». «Это Иса (Иисус)», – ответил асан и начал потихоньку рассказывать мальчику о значении икон, постепенно раскрывая ему жизнь Иисуса Христа. «Вот он родился, – сказал асан, – а это Его распяли». «А почему?» – прервал мальчик. «За нас, – ответил асан, – а вот Он воскрес!». «А можно сюда ходить?» – спросил мальчик. «Можно, но только кричать здесь нельзя»²⁹.

В другой раз мальчик опять пришел, потом еще раз, но уже не один, а со своей сестрой лет восьми. Дома теперь уже вдвоем дети рассказали, что видели. Родители-язычники были против того, чтобы дети ходили в христианский храм, но под влиянием рассказов мальчика отец семейства выразил желание посмотреть богослужение. И вот явилось в православный храм все семейство – мальчик и девочка, уже крещенные, и отец-язычник. Вскоре отец и мать этих детей стали христианами и радушно принимали в своем доме епископа Сергия и Вячеслава Михайловича. Только бабушка мрачно сидела в отдалении. «Но и она примет христианство, но позже, еще через год», – сказал про нее епископ Сергий, зная об этом по своему опыту. Так в Японии постепенно распространялось Православие. Вячеслава Михайловича поразили энтузиазм, высокая сознательность и организованность, с которыми японцы принимали новую для себя религию. Видя миссионерское рвение молодого человека, епископ Сергий предложил ему по окончании Духовной академии приехать в Японию. Вячеслав с радостью принял это предложение, но Божий Промысл распорядился по-другому.

В 1914 году началась Первая мировая война... Деятельность Петроградской духовной академии существенно осложнилась. Летом 1914 года объявили мобилизацию как студентов, так и молодых преподавателей и служащих академии. По предложению ректора Петроградской академии епископа Анастасия был организован особый лазарет для больных и раненых воинов под названием «Летучий (или стационарный) имени преподобного Серафима Саровского лазарет русских духовно-учебных заведений». 9 сентября 1914 года в академическом храме отслужили молебен перед отправлением в Минск этапного лазарета Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений Российской империи.

Взяв академический отпуск, Вячеслав Егоров пошел на фронт в передовой лазарет братом милосердия. Несколько месяцев он провел в окопах на Минском фронте и таскал раненых. Но на передовой не выдержало его здоровье – в феврале 1915 года у него открылся туберкулез легких; пришлось демобилизоваться. Весенние месяцы он провел на берегу Черного моря и с осени 1915 года продолжил занятия в академии³⁰.

Вячеслав подал прошение о постриге и одновременно написал письмо в Японию епископу Сергию с просьбой о благословении на монашество. Ответ пришел

по телеграфу: «Бог благословит постриг Вячеслава Егорова». Постриг состоялся 4 (17) декабря 1915 года, совершил его ректор Петроградской духовной академии епископ Ямбургский Анастасий (Александров). Товарищи Вячеслава, присутствовавшие на постриге, говорили потом, что он свои ответы – «Ей, Богу содействующему, святой Владыко» – давал громко и радостно, так что от пострига осталось впечатление как от свадьбы. Друзья подарили ему образ Спасителя в терновом венце кисти В. Васнецова, с памятной гравировкой:

Радуйтесь, усовершеншайтесь, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны, и Бог любви и мира будет с вами (2 Кор. 13, 11). На молитвенную память дорогому отцу Гурию, подъявшему в назидание многих ярем в юности своей, – горячо любящие друзья: священник Николай Чепурин, иеромонах Серафим, Петр Шуваев, Георгий Алексеев, Сергей Бутузов, Владимир Веревкин, Иоанн Виноградов, Леонид Егоров, Александр Попов, Александр Протопопов, Николай Тернигорьев, Владимир Цан. 4 XII 1915³¹.

Святой, в честь которого называли постригаемого, был архиепископ Казанский Гурий († 1563). Выбор святого был не случаен, так как архиепископ Гурий был известен своей миссионерской деятельностью – он обратил множество казанских татар в православие. Будущее показало, что этот выбор в какой-то степени оправдался в судьбе и деятельности митрополита Гурия. Святитель Гурий Казанский был человеком кротким, любил свою Родину, под конец жизни стал очень болезненным. Все это было характерно и для митрополита Гурия. Согласно житию, архиепископ Казанский Гурий преставился ко Господу 4 декабря (ст. ст.), поэтому митрополит Гурий отмечал свои именины именно в этот день (в календаре имя святителя Гурия поставлено на 5 (18) декабря³²).

5 (18) декабря епископ Анастасий рукоположил монаха Гурия в иеродиакона (в день памяти преподобного Саввы Освященного), а 6 (19) декабря, в праздник святителя Николая Мирликийского, – в иеромонаха. Митрополит Гурий очень любил эти три даты – 4 (17), 5 (18) и 6 (19) декабря и всегда старался служить в эти дни Божественную Литургию³³.

«Братья Егоровы». Александро-Невское братство

После рукоположения иеромонах Гурий развил энергичную пастырскую деятельность. Ему было поручено священнослужение по воскресным и праздничным дням в церкви подворья Покровского монастыря на станции Плюсса Лужского уезда³⁴.

Во времени посвящения иеромонаха Гурия его старший брат Леонид окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, был учеником известного в будущем филолога Николая Державина (тогда – приват-доцента). Потом он поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, проучился там три курса. Будучи студентом академии, преподавал словесность в средних учебных заведениях столицы. В 1915 году Леонид был пострижен в монахи Александро-Невской Лавры с именем Лев, рукоположен во иеродиакона и иеромонаха³⁵.

Пламенное желание вести миссионерскую работу зародилось у иеромонаха Гурия в Японии, в 1915 году. Но активно вести ее ему пришлось не в Японии, а в родном городе, на Лиговском проспекте. В 1916 году иеромонах Гурий вместе со своим братом иеромонахом Львом и иеромонахом Иннокентием (Тихоновым) развили интенсивную миссионерскую деятельность. Просвещать пришлось не язычников. «Братья Егоровы» (так стали называть в народе иеромонахов Льва и Гурия) вместе с иеромонахом Иннокентием «пошли в народ» – обратились преимущественно к рабочим. На Лиговском, или Лиговке, можно было снять жилье по самой низкой цене. Молодые миссионеры сняли на Лиговке комнату и проводили в ней беседы с народом, рассказывая события из Священного Писания и сопровождая рассказ показом диапозитивов. Иеромонах Иннокентий разъяснял народу богослужение. Очень многие посещали эти беседы. Дело Егоровых имело успех.

На лето 1916 года братья Егоровы получили в свое распоряжение старую баржу на Малой Невке, где совершали Литургию и продолжали беседы. В храме на барже прислуживал некий монах Сергей. Иеромонах Гурий однажды застал его лежащим на палубе и греющимся на солнышке. «Ты бы хоть вымыл палубу», – сказал ему иеромонах Гурий. «Зачем мыть, лишь бы спастись», – ответил монах Сергей, неохотно принимаясь за дело. Этот рассказ митрополита Гурия был не случаен – он терпеть не мог лености, неряшливости и небрежности. Сам он никогда не терял времени даром: или занимался физическим трудом, или работал над книгой, особенно любил готовиться к предстоящему богослужению. С удовольствием принимал участие в прогулках, полагая, что прогулка является лучшим отдыхом, полезным для тела и души³⁶.

Одновременно со священнослужением иеромонах Гурий посещал занятия в Археологическом институте и продолжал учебу в Петроградской духовной академии. В мае 1917 года он закончил академию со степенью кандидата богословия, защитив кандидатскую диссертацию по истории Русской Церкви на тему «Японский миссионер архимандрит Анатолий (Тихай)» под руководством профессора Б.В. Титлинова³⁷.

Научный руководитель иеромонаха Гурия Борис Васильевич Титлинов был личностью неординарной. С 1909 года он преподавал в Санкт-Петербургской духовной академии, в 1916 году был удостоен степени доктора церковной истории. В 1917–1918 годах Б.В. Титлинов являлся членом Всероссийского Поместного Собора, на котором выступил против восстановления Патриаршества. В 1917 году издавал в Петрограде «Церковно-общественный вестник», в начале 1918 года – воскресную газету «Мир Божий». В 1922 году Титлинов стал одним из главных идеологов обновленческого раскола, активно участвовал в работе обновленческих «соборов», состоял членом «Священного Синода» и Ленинградского Епархиального управления обновленцев. С 1924 года Б.В. Титлинов читал лекции, с марта 1927 года исполнял обязанности проректора, а затем, с августа 1927-го до 1929 года, – ректора обновленческого Ленинградского Богословского института. В 1930 году он был арестован ОГПУ по обвинению в антисоветской агитации и отправлен на Соловки. В 1932 году освобожден досрочно по причине пересмотра дела. Ввиду запрещения проживать в Ленинграде, поселился в городе Луга, где его застигла

война и немецкая оккупация. В 1943 году Б.В. Титлинов работал заместителем бургомистра Луги, позже исполнял обязанности бургомистра. По приглашению немецких родственников в январе 1944 года выехал с семьей в Ригу, а оттуда в Германию. Дальнейшая судьба Титлинова неизвестна³⁸...

В июле 1917 года иеромонах Гурий был принят в число братии Александроневской Лавры, получив послушание казначея обители. Но уже в конце 1918 года Духовный Собор Лавры освободил его от должности казначея, чтобы он, как образованный монах, мог проповедовать. Этим иеромонах Гурий занялся вместе со своим братом иеромонахом Львом и иеромонахом Иннокентием в молодежном кружке, созданном 8 марта 1918 года при Лавре³⁹.

Необходимо отметить, что в мае 1917 года, после увольнения на покой митрополита Питирима (Окнова), на епархиальном съезде проходили выборы Петроградского архиерея. 24 мая (6 июня) большинством голосов был избран епископ Гдовский Вениамин (Казанский). На следующий день Синод утвердил его архиепископом Петроградским и Ладужским. 13 (26) августа 1917 года архиепископ Вениамин был возведен в сан митрополита. Жители Петрограда его очень хорошо знали и горячо любили. Епархией он управлял, будучи еще первым викарным епископом, и на этом посту стал «другом чердаков и подвалов»⁴⁰.

Теперь миссионерская деятельность трех молодых иеромонахов обрела иные формы, чем до революции. Уже не они «ходили в народ», а народ шел к ним. По Петрограду разнеслась слава о «братьях Егоровых». Однажды иеромонах Гурий представился митрополиту Антонию (Храповицкому), который не знал его раньше. Когда он назвал свою фамилию, митрополит Антоний воскликнул: «А, братья Егоровы, как вас не знать, вся Россия знает братьев Егоровых»⁴¹.

В те же годы иеромонах Гурий познакомился с Патриархом Тихоном – несколько раз он ездил к нему в Москву по поручению митрополита Вениамина. Когда же Патриарх в 1918 году приехал в Петроград, митрополит Вениамин представил ему молодых иеромонахов. В ответ на это Патриарх сказал: «Ну кто же их не знает: Иннокентия, Гурия, Льва. Их надо выдвигать»⁴².

Все это происходило в тревожное время.

С одной стороны, 15 августа 1917 года в Москве открылся Поместный Собор, на котором состоялось избрание Патриарха, вселявшее надежды на лучшее бытие Церкви в новых исторических условиях. С другой стороны, октябрьские события того же 1917 года разрушали эти надежды. 23 января 1918 года вышел Декрет Совнаркома об отделении Церкви от государства. Был упразднен институт военного духовенства, отменены все выплаты на содержание храмов и священнослужителей, запрещено преподавание Закона Божия в учебных заведениях. В это же время началась кампания по изъятию святых мощей. Сложившуюся ситуацию усугубили суровая зима и голод в 1918 году.

Александроневская Лавра продолжала оставаться духовным и церковно-административным центром Петроградской епархии. В Лавре разместилось Богословско-пастырское училище. Сюда в сентябре 1919 года переехал Петроградский Епархиальный совет. Лаврские богослужения собирали огромное количество верующих. Митрополит Вениамин, как священноархимандрит Александроневской Лавры, ревностно следил за неукоснительным соответствием совершае-

мых в лаврских храмах служб церковному уставу. Обитель привлекала повышенное внимание большевистских вождей, в том числе лично Ленина и Дзержинского, – они считали ее одним из возможных «очагов контрреволюции». В 1918 году власти дважды предпринимали попытки изъять мощи святого благоверного князя Александра Невского⁴³.

На фоне этих событий возникло Александро-Невское братство.

Началось все с того, что 13 января 1918 года Комиссариат государственного призрения издал распоряжение о реквизиции жилых помещений Александро-Невской Лавры, в том числе и покоев митрополита, на свои нужды – под богадельни и приюты. В ответ на это распоряжение властей состоялось два собрания духовенства и прихожан города, на которых было решено не допустить изъятия имущества у монастырей и храмов. Переговоры настоятеля Лавры епископа Прокопия (Титова) с местными властями в Совнаркоме не принесли положительных результатов. К настоятелю с соответствующим мандатом явился комиссар М.С. Иловайский, требовавший сдачи Лавры со всеми капиталами, движимым и недвижимым имуществом, но получил отказ. Трагическое столкновение произошло 19 января (1 февраля), когда Иловайский прибыл в сопровождении семнадцати красногвардейцев и матросов. После ареста настоятеля в лаврских церквях ударили в набат, на который сбежался народ. Отряд частично разоружили, но вскоре прибыло подкрепление с пулеметами. В неравной борьбе был смертельно ранен настоятель храма в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость» протоиерей Петр Скипетров, обратившийся со словами увещевания к красногвардейцам. Искали иеромонаха Гурия (Егорова), участвовавшего в разоружении красногвардейцев. Для острастки народа солдаты стреляли в воздух из пулеметов, но в ответ на запугивания все больше людей прибывало в обитель. Красногвардейцы были вынуждены отступить. Верующие отстояли Лавру.

Митрополит Вениамин благословил совершение общегородского крестного хода в защиту Церкви. В воскресенье 21 января (3 февраля) с 11 часов утра к Лавре потянулись крестные ходы от всех петроградских храмов. К часу дня около двухсот шествий слились в один крестный ход. Лаврская площадь не смогла вместить всех верующих, и они заполнили все прилегающие улицы. Во втором часу дня под звон колоколов вышел крестный ход из Лавры во главе с митрополитом Вениамином. Очевидец этого события писал:

Это было нечто грандиознейшее, совсем необычайное. <...> Около Александро-Невской Лавры собралось от 200 до 500 тысяч участников религиозного торжества. <...> Казалось, что первый день Святой Пасхи случился в этом году 21 января!⁴⁴

Именно в этот день, после совершения молебна на Лаврской площади, было образовано «Братство по защите святынь Александро-Невской Лавры». Но в данном виде Александро-Невское братство просуществовало недолго – к осени 1918 года, после исчезновения угрозы ликвидации Лавры, деятельность его постепенно прекратилась. Правопреемником стала другая организация, созданная 8 марта 1918 года при Лавре как молодежный кружок из мирян и монахов. Создали и возглавили этот молодежный кружок, как упоминалось выше, три молодых иеромонаха – Иннокентий, Гурий и Лев.

Митрополит Вениамин поручил трем иеромонахам организовать приход, в котором при совершении церковных служб и таинств могли бы участвовать (петь, читать, прислуживать) все желающие – как взрослые, так и дети. В Духовском корпусе Александро-Невской Лавры, где располагались митрополичьи покои, была большая прекрасная церковь Успения Божией Матери. Как было заведено, церковь при архиерейских покоях называлась Крестовой. Она представляла собой прямоугольный зал, вмещавший около тысячи человек⁴⁵. В январе 1919 года митрополит Вениамин предоставил эту церковь молодежному кружку и поручил иеромонаху Гурию попечение о ней.

1 февраля 1919 года при Крестовой церкви было окончательно образовано Александро-Невское братство⁴⁶.

Иеромонах Иннокентий (Тихонов), уже будучи епископом, в письмах из ссылки так осмысливал цель создания братства:

Братство есть старая, но забытая и обновляемая форма церковной жизни. Оно есть жизнь Церкви в Церкви, Которая не есть какое-то внешнее учреждение, но напротив семья наша, истинное единение наше во Христе⁴⁷ <...>

Братство есть единственно истинная в условиях нашего времени форма Церковного единения, форма такая притом, какую, думается, не разрушат и самые врата ада. <...> Молитесь о Братстве, как о великой милости, посланной Вам Господом Богом. Дорожите им и радуйтесь, что через него Вы приобщены к телу Церкви, в которой и спасение себе получите, берегитесь и гордости от сознания милости Божией. Работайте Господеви со страхом и радуйтесь, молитесь с трепетом, боясь потерять по гордости дары милости Божией. С благоговейным страхом живите в благодатном братском единении, памятуя, что оно есть «Церковь Бога живаго»...⁴⁸

Братство быстро росло и к началу 1920 года достигло численности около 100 человек. В состав братства входили самые разные слои населения – мещане, рабочие, ломовые извозчики, представители интеллигенции, в том числе профессора петроградских вузов. Братство имело пять основных целей деятельности: 1) участие членов братства в богослужении, 2) просветительская (преподавание детям Закона Божия), 3) издательская деятельность, 4) благотворительная деятельность (помощь бедным, посещение больных в больнице), 5) «политический красный крест» (забота об арестованных и заключенных по религиозным делам)⁴⁹.

Среди тех, кто принимал активное участие в организации братства, были: старший брат иеромонахов Гурия и Льва – профессор технологического института Н.М. Егоров, заведующий Богословско-пастырским училищем И.П. Щербов, Л.Д. Аксенов и др. Из первых членов братства, состоявших в нем вплоть до его уничтожения в феврале 1932 года, можно назвать: Анастасию Заспелову, Веру Заспелову, Ольгу Волкову, Прасковью Иванову, Пелагею Геращенко, Веру Клочкову, Ольгу Нелидову, Марию Маракушину, Екатерину Помылеву (после войны – монахиня Пюхтицкого монастыря Евгения) и многих других. Принимались в братство все желающие, «преданные религии люди»⁵⁰.

Основой духовной жизни членов Александро-Невского братства являлись ежедневные богослужения в Крестовой церкви, которые часто возглавлял митрополит Вениамин. Нередко совершались ночные богослужения, очень любившиеся братчикам. Службы длились дольше, чем в приходских храмах, совершались с точным соблюдением устава. Практиковалось строго уставное чтение и общена-

родное пение. У братства были два собственных хора, которыми руководили иеромонахи Иннокентий и Гурий. Богослужения совершались ежедневно, Литургия начиналась в семь часов утра и заканчивалась в половине девятого. После службы устраивались общие трапезы.

По инициативе иеромонаха Иннокентия, специалиста по литургике и церковной археологии, а также прекрасного знатока устава и старинных знаменных распевов, был введен братский порядок службы, заключавшийся в максимальном приближении к уставу.

Основными целями Александро-Невского братства были: 1) «чисто церковное возрождение» богослужебного устава, 2) борьба с «торгашеством в церкви» (отсутствие продажи свечей и просфор, бесплатное совершение треб), 3) реформа церковного пения (отказ от светского исполнения партиями) и «пение по обиходу», чтобы «народ легко мог петь с нами». Помимо этого члены братства бескорыстно исполняли все обязанности по обслуживанию храма (певцов, чтецов, пономарей, уборщиков и др.)⁵¹. За каждой службой произносились проповеди.

Крестовую церковь посещало большое количество верующих. Рядом находился Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры, возглавлял его наместник – архимандрит Николай (Ярушевич), чьи проповеди отличались особой красотой. Однажды в обоих храмах одновременно собирали деньги на Богословский институт. В Крестовой церкви перед сбором пожертвований иеромонах Лев произнес проповедь. Он обратился к присутствовавшим в храме со словами: «Давайте не то, что вы приготовили для нищих, а все, что у вас есть в кошельках»⁵². Слова иеромонаха Льва по своей силе потрясли народ так, что многие буквально вытряхивали свои кошельки. Когда деньги отправили в собор, оказалось, что в небольшой Крестовой церкви собрали больше, чем в огромном соборе.

В 1919–1920 годах в братство вступили многие учащиеся Богословско-пастырского училища, в котором преподавали руководители братства – иеромонахи Иннокентий и Гурий. Около трети слушателей училища в 1920 году составляли прихожане Крестовой церкви. При этом оба иеромонаха продолжали повышать свое образование и заниматься научной деятельностью. Иеромонах Гурий после окончания Духовной академии записался вольнослушателем на историко-филологический факультет Петроградского университета и посещал занятия в период 1917–1922 годов (окончил его без сдачи экзаменов)⁵³.

Иеромонах Иннокентий в 1915–1917 годах занимался в Петроградской духовной академии русской церковной вещевой археологией в качестве профессорского стипендиата по кафедре церковной археологии и христианского искусства. Не прекратил он эти занятия и после закрытия академии, завоевав известность и уважение в ученом мире. В январе 1919 года иеромонах Иннокентий был избран Русским отделом Государственной археологической комиссии на почетную должность ученого секретаря комиссии по секции церковных древностей.

В своих воспоминаниях один из членов Александро-Невского братства, Н.А. Мещерский, так охарактеризовал иеромонаха Гурия:

В отличие от о. Иннокентия, он [иеромонах Гурий] больше обращал внимание на внутреннюю духовную сторону, на духовное аскетическое направление. Он был тоже очень хороший

проповедник, необыкновенный духовник, очень обаятельный и приятный человек, он умел привлекать к себе самых разных людей⁵⁴.

Членами братства становились и учащиеся Богословско-пасторского училища и Богословского института. Закрывая духовные учебные заведения, власти, в то же время, не препятствовали на первых порах открытию богословских курсов для подготовки священнослужителей с ограничением по возрасту (не моложе 18 лет) и с условием изъятия из программы курсов общеобразовательных предметов⁵⁵.

В частности, 17 (30) сентября 1918 года, в один день с закрытием Петроградской духовной семинарии, по благословению митрополита Вениамина (Казанского) было открыто Богословско-пастырское училище. Заведующим его был назначен преподаватель семинарии Иван Павлович Щербов⁵⁶.

И.П. Щербов разработал «стройную систему религиозного образования» как сети богословских школ разного типа: 1) Богословский институт как высшее духовное учебное заведение; 2) Богословско-пастырское училище как среднее; 3) Богословские курсы как низшая школа во всех благочиннических округах и богословские кружки при приходских церквях. В Богословском институте предполагалась научная постановка в изучении богословских предметов, с исследованием и разработкой первоисточников. В Богословско-пастырском училище предусматривалась догматическая постановка – изучение научных выводов без самостоятельного исследования первоисточников⁵⁷.

Вопрос об учреждении Богословского института был принят на общем собрании уполномоченных 26 приходских общин Петрограда и его окрестностей 30 сентября (13 октября) в Лаврских покоях митрополита Вениамина. 23 января 1920 года митрополит Вениамин совершил в помещении института молебен и открыл под своим председательством первое заседание Совета. Совет избрал ректором института заместителя Александро-Невской Лавры архимандрита Николая (Ярушевича), проректором И.П. Щербова. Но через неделю, 30 января, архимандрит Николай отказался от должности ректора, и на его место 6 февраля был избран протоиерей Николай Чуков. 20 апреля 1920 года в Богословском институте начали читать лекции⁵⁸.

В связи с открытием Петроградского Богословского института Богословско-пастырское училище было преобразовано. Обучение было сокращено с трех до двух лет, ограничено только богословскими науками. Занятия проходили в разных помещениях Александро-Невской Лавры. Заведующий Богословско-пастырским училищем И.П. Щербов читал христианскую апологетику. Его помощник иеромонах (потом архимандрит) Иннокентий (Тихонов) – литургику. Иеромонах Гурий (Егоров) преподавал Священное Писание Нового Завета, его брат, иеромонах Лев, – дидактику Закона Божия и руководил практическими занятиями по этому курсу⁵⁹.

В начале апреля 1919 года 57 членов Александро-Невского братства подписали коллективное обращение к митрополиту Вениамину, прося поощрить труды их «ревностных руководителей» – иеромонахов Иннокентия и Гурия золотыми наперсными крестами. Митрополит Вениамин написал на прошении, что иеромонах Иннокентий награжден Патриархом Тихоном, а иеромонаху Гурию препо-

дается архипастырское благословение с выдачей установленной грамоты. Действительно, иеромонах Иннокентий удостоился награды от Патриарха 16 апреля 1919 года, а иеромонаху Гурию наперсный крест вручили годом позже – 27 апреля 1920 года⁶⁰.

Значительные преобразования в жизни Александро-Невского братства произошли в 1920 году. В соответствии с требованиями советских властей, при монастырских храмах должны были существовать приходские советы из мирян. Митрополит Вениамин своей резолюцией восстановил существовавший прежде приход при Скорбященской надвратной церкви Лавры. Исполнение обязанностей по приходу было возложено на заведовавшего Крестовой церковью иеромонаха Гурия, при участии иеромонахов Иннокентия и Льва. Вскоре по требованию городских властей пришлось образовать еще один приходской совет – общелаврский, во главе с наместником архимандритом Николаем (Ярушевичем). В церковный совет, состоявший из 36 человек, также вошли иеромонахи Иннокентий, Гурий и Лев. С февраля 1920 года братство начало издавать машинописный вариант «Приходской хроники Скорбященской Лаврской (Крестовой) церкви», в котором большое внимание уделялось духовно-просветительской деятельности⁶¹.

После запрещения советским государством преподавания Закона Божия в школах братчики делали все возможное, чтобы в народе не угасла вера. По благословению митрополита Вениамина были заведены специальные кресты, хоругви, иконы и облачения для детей, которые участвовали в богослужениях и крестных ходах. Лаврские иноки и миряне из братства вели 69 детских кружков, в которых изучался Закон Божий. Занятия в основном проходили по воскресеньям в помещениях при Крестовой церкви. Большое внимание уделялось катехизации детей – их учили церковному пению, церковнославянскому языку, проводили для них сокращенную Литургию, на которой дети пели, читали и помогали священнику. Приходской совет призывал использовать новые средства для привлечения детей. Они расклеивали вокруг Лавры красочные объявления о занятиях, давали задание детям – привести из школы хотя бы одного нового ученика, раздавали брошюры после детских богослужений, часто устраивали детские праздники⁶².

Александро-Невское братство занималось и благотворительной деятельностью. Братчики посещали больницы, богадельни, приюты, занимались раздачей продовольствия, одежды, денежных пособий нуждающимся. Активно работала так называемая «больничная миссия», в которой состояли специально выделенные братчицы. Многие из них сами трудились медсестрами и врачами. По благословению своих духовных отцов девушки поступали в медицинские училища или на курсы медсестер. Забота об арестованных и осужденных выражалась в материальной помощи и духовной поддержке при личных свиданиях с заключенными. Особенно эта деятельность активизировалась после арестов руководителей братства и части его активистов⁶³.

Откликнулось братство и на голод, охвативший страну после гражданской войны. Весной 1922 года при Лавре был открыт на средства богомольцев Свято-Духовской и Крестовой церковью пункт питания для голодающих. Заведующим питательным пунктом был назначен иеромонах Лев⁶⁴.

5 мая 1920 года в помещении Крестовой церкви Александро-Невской Лавры состоялась общецерковная конференция, на которой решили объединить все существующие в Петрограде братства. На конференции был принят общецерковный устав, написанный иеромонахами Иннокентием, Гурием и Львом. Высшим органом союза определили общецерковное собрание, которое устраивалось не реже одного раза в год и выбирало совет. В совет на правах несменяемых членов обязательно входили духовные руководители братств, включая иеромонахов Иннокентия, Гурия и Льва. Иеромонах Гурий был выбран старшим секретарем совета, отвечавшим за составление протоколов⁶⁵.

К весне 1921 года общецерковный союз объединял уже более десяти братств; стали возникать братства и в других городах Петроградской епархии. В начале августа 1921 года прошла 2-я общецерковная конференция. Иеромонах Гурий составил принятую на конференции «Памятку братчику и братчице», в которой были изложены главные правила религиозно-нравственной жизни:

1) Живи под руководством духовника. 2) Неси послушание по указанию руководителя братства <...>. 3) Соблюдай молитвенное правило <...>. 4) Посещай братские богослужения, собрания и праздничные службы. 5) Будь скромн в одежде, в прическе и во всей своей жизни. 6) Неси слово Христово детям, подросткам, молодежи и взрослым. 7) Почитай каждого лучше себя⁶⁶.

После 2-й общецерковной конференции Александро-Невское братство сохранило свой авторитет, оставаясь самым влиятельным и активным братством. Руководители братства, понимая угрозу закрытия монастырей, решили приступить к созданию новых монашеских общин и подготовке образованных молодых людей к принятию пострига. Для этого были созданы женский и мужской кружки по подготовке монашествующих⁶⁷.

Сохранилось довольно критическое описание «женских кружков», принадлежавшее современнику этих событий, известному петроградскому священнику протоиерею Михаилу Чельцову**.

Около каждого молодого священника, и, тем более, архиерея, образуется толпа почитательниц, сопровождающих его на каждом шагу, почти обязательно присутствующих за его богослужением, повсюду распространяющих славу о нем, горой, с пеной у рта защищающих его от нападков недоброжелателей или просто равнодушных к нему... <...> Стали образовываться по приходам с разными целями и задачами разнообразных служений так называемые братства, которые почти исключительно составлялись из женщин – чаще всего не из старых и даже не из пожилых, – почему иногда и именовались они «сестричествами». <...> Впервые такое женское окружение появилось около каждого из трех молодых, энергичных, деловых монахов лаврских: Иннокентия (потом епископа Ладожского), Гурия и Льва (братьев Егоровых)⁶⁸.

Руководителем «женского монашеского кружка», учрежденного 16 октября 1921 года, избрали иеромонаха Гурия. На собрании он разъяснил братчицам смысл создания монашеского кружка и стоящие перед ним задачи:

Влечение к монашеству есть закономерная потребность человечества, необходимо под-

* Михаил Чельцов (1870–1931) – протоиерей, богослов. Причислен к лику святых РПЦ в чине священномучеников. (Прим. ВС.)

держат и направить стремящихся к этой цели. Наилучший способ к тому – совместное изучение как истории монашества, так и вообще вопросов к нему относящихся⁶⁹.

Членом кружка могла стать любая женщина, «имевшая личное стремление к монашеству». Иеромонах Гурий предложил на последующих занятиях систематически изучать творения святых отцов, начав с азбуки монашества аввы Дорофея. Братчице Н.С. Чистоткиной поручили к ближайшему собранию подготовить доклад на тему: «История возникновения женского русского монашества». Собравшиеся братчицы под руководством иеромонаха Гурия единогласно приняли два первых общих правила поведения членов монашеского кружка:

Причащение Святых Таин не менее 4-х раз в год (во все установленные Церковью посты).
2) Соблюдение поста во все установленные Церковью сроки. Исключение допустить лишь для немощных, неимущих и «несвободных» в пище⁷⁰.

«Мужской монашеский кружок», или «кружок образованных иноков и стремящихся к иночеству», возник, по благословению митрополита Вениамина, чуть ранее – 18 августа 1921 года. Собрания кружка проходили сначала в Федоровском подворье, позже в Крестовой церкви Александро-Невской Лавры, а к весне 1922 года – в Троице-Сергиевском Патриаршем подворье в квартире настоятеля архимандрита Сергия (Шейна). Первым руководителем мужского монашеского кружка был избран архимандрит Иннокентий, а к апрелю 1922 года его сменил на этом посту иеромонах Гурий. Мужской монашеский кружок имел своей целью «выяснение вопросов монашеской жизни и распространение идей монашества, особенно среди учащих»⁷¹.

Для участия в кружке необходимо было «иметь личное стремление к монашеству». На 2 апреля 1922 года в кружке состояло 24 члена из числа иноков Лавры и мирян. Имелось специальное общежитие в стенах Александро-Невской Лавры, с общей молитвой и трапезой. За семь месяцев существования мужского монашеского кружка состоялось 10 собраний, на которых было прочитано 13 докладов, помимо этого читалось «Добротолюбие». Члены кружка вели активную церковную работу, проповедовали в петроградских храмах. Три члена кружка приняли монашеский постриг в Крестовой церкви: В.С. Веревкин, с именем Варсонофий, В.М. Сацердотский, с именем Варлаам, С.Е. Советов, с именем Пантелеимон⁷². В мужском монашеском кружке состоял лаврский насельник иеродиакон Варнава (Муравьев), впоследствии преподобный Серафим Вырицкий⁷³.

В 1921 году иеромонах Иннокентий (Тихонов) был возведен в сан архимандрита, а 10 апреля 1922 года состоялась его хиротония во епископа Ладожского, совершенная митрополитом Вениамином и его викариями.

А вскоре, 11 апреля 1922 года, во вторник Страстной седмицы, в Крестовой церкви за Литургией Преждеосвященных Даров митрополит Вениамин возвел иеромонаха Гурия в сан архимандрита⁷⁴. Правящий архиерей наградил архимандрита Гурия посохом со словами напутствия: «Дается Вам посох в знак особого служения Вашей молодежи»⁷⁵.

Первый арест и тюремное заключение

1922 год стал переломным в истории Александро-Невского братства – над ним нависла угроза уничтожения.

Власти приступили к широкой антирелигиозной кампании, поводом к которой стали последствия страшного голода в Поволжье. Несмотря на добровольную помощь Церкви голодающим, ВЦИК 22 февраля 1922 года издал Декрет об изъятии церковных ценностей. Патриарх Тихон отреагировал на этот Декрет своим посланием, в котором назвал насильственное изъятие богослужебных предметов святотатством и запретил общинам передавать церковную утварь государству. Но в то же время Первосвяtitель призывал верующих к милосердию и щедрости в вопросе сбора средств для голодающих. В Петрограде митрополит Вениамин, стремясь избежать столкновений и конфликтов, согласился уступить ценности без насильственного изъятия, как добровольную жертву. Об этом он сообщил в своем послании от 5 марта 1922 года⁷⁶.

Архимандрит Гурий поддержал позицию правящего архиерея и принял участие в передаче ценностей из Крестовой церкви. 12 мая 1922 года было произведено вскрытие мощей святого благоверного князя Александра Невского и изъятие серебряной раки в Свято-Троицком соборе. Вскрытие производилось священнослужителями; при нем присутствовали представители советской власти, митрополит Вениамин и епископ Петергофский Николай (Ярушевич). Мощи были перенесены в алтарь собора, а раку перевезли в Эрмитаж⁷⁷.

Казалось, что запланированная властями кампания изъятия церковных ценностей прошла в Петрограде в соответствии с их планами и потому нет никакой причины для репрессий духовенства. Но в мае 1922 года власть, желавшая раздробления и ослабления Церкви, сумела инициировать в ней обновленческий раскол. Удар по Церкви был нанесен изнутри. 9 мая 1922 года в Москву прибыли из Петрограда представители «прогрессивного духовенства»: протоиерей Александр Введенский, священники Владимир Красницкий и Евгений Белков, псаломщик Стефан Стадник. После консультаций с ГПУ вечером 12 мая они были допущены к Патриарху Тихону, находившемуся под домашним арестом на Троицком подворье, и потребовали от Первосвяtitеля отказаться от Патриаршей власти. 19 мая 1922 года начало функционировать созданное обновленцами неканоническое «Высшее церковное управление» (ВЦУ). 29 мая обновленцы организовали так называемую «Живую церковь» и приняли решение готовить «Поместный собор» для закрепления церковной реформы⁷⁸.

Тем временем в Александро-Невскую Лавру явился 26 мая «полномочный ВЦУ» протоиерей А. Введенский и пытался склонить на свою сторону митрополита Вениамина. Петроградский архиерей не стал вступать с ним в переговоры, но сказал, что не позволит священникам своей епархии учинять самочинного соборща и что Введенский, Красницкий и Белков подлежат отлучению от церковного общения впредь до раскаяния. Обновленцы не изъявили желания принести покаяние, и 28 мая митрополит Вениамин в Николо-Богоявленском соборе зачитал постановление, которым они отлучались от церковного общения. В ответ на эти действия ВЦУ 30 мая «отстранило» митрополита Вениамина от управления Петроградской епар-

хией. В печати началась его травля, обновленцы обвиняли в отказе жертвовать церковные ценности на нужды голодающих. Митрополит Вениамин был помещен под домашний арест.

В этой связи представляет интерес перехваченное ГПУ письмо-донос одного из служащих Лавры, направленное протоиерею А. Введенскому. В частности, в этом письме анонимный автор рекомендовал в целях благополучного приезда нового обновленческого «владыки» аннулировать Александро-Невское братство:

Затем обратите особое внимание на Братство Лавры. Закройте его поскорей. Имейте ввиду, что Ваше отлучение составлено Иннокентием Тихоновым и по его настоянию послано, вопреки мольбам епископов Алексия и Николая к митрополиту не делать этого. О. Иннокентий вернулся из Ладogi и всю ночь просидел у митрополита, составляя эту грамоту. Вообще все дела митрополита решали: Иннокентий, Гурий, Лев, Парийский, Н.М. Егоров, проф. Аксенов и более видные братчицы⁷⁹.

30 мая во временное управление Петроградской епархией вступил первый vikарий – епископ Ямбургский Алексий (Симанский). Введенский пытался воздействовать на vikариев, с целью добиться отмены наложенного на обновленцев отлучения. 1 июня Введенский от собравшихся в Александро-Невской Лавре vikарных епископов: Ямбургского Алексия, Кронштадтского Венедикта (Плотникова), Петергофского Николая (Ярушевича) и Ладожского Иннокентия (Тихонова) ультимативно потребовал снятия наложенного митрополитом Вениамином отлучения, однако те отказались это сделать.

В ночь с 1 на 2 июня 1922 года Петроградским ГПУ был арестован митрополит Вениамин, отказавшийся выполнить требование Введенского и Бакаева. Следом за митрополитом Вениамином были арестованы vikарные епископы Венедикт, Николай и Иннокентий, заведующий митрополичьей канцелярией протоиерей Михаил Чельцов и помощник секретаря митрополита Л.Н. Парийский. Арестованных разделили и поместили в разные тюрьмы Петрограда. Введенский и Бакаев угрожали митрополиту Вениамину судебным процессом с вынесением смертного приговора.

5 июня под председательством епископа Алексия в помещении Богословского института состоялось собрание духовенства Петроградской епархии, на котором присутствующие более 150 священников приняли резолюцию:

Просить Советскую власть об освобождении – на поруки всего духовенства г. Петрограда – митрополита Вениамина как совершенно непричастного, по нашему глубокому убеждению, к контрреволюционным выступлениям и действиям каких-либо политических партий⁸⁰.

Но обновленцы с помощью лжесвидетельств и доносов использовали обвинение в контрреволюционности, чтобы убрать со своего пути священноначалие и верное своей законной власти духовенство. В Петрограде прошел судебный процесс над 86 священнослужителями и мирянами, которых обвинили в надуманной организации сопротивления изъятию церковных ценностей. Репрессии обрушились на руководителей и активистов петроградских братств. Осведомитель ГПУ донес, что в городе идет агитация против «прогрессивного духовенства», которой якобы руководят архимандрит Гурий и иеромонах Лев, а во главе братства стоит епископ Иннокентий. И буквально через несколько часов после ареста митропо-

лита Вениамина, вместе с епископом Иннокентием ГПУ арестовало архимандрита Гурия и нескольких братчиц. Остальных стали подвергать усиленным допросам, чтобы сфабриковать отдельное дело православных братств. 16 июня арестовали иеромонаха Льва⁸¹.

24 июня из Москвы прибыл В. Красницкий, который в ультимативной форме потребовал от епископа Алексея признать ВЦУ и вступить в обязанности председателя планируемого обновленческого Петроградского Епархиального управления (ПЕУ). Епископ Алексей подал в ВЦУ прошение об отпуске, сложил с себя обязанности по управлению Петроградской епархией и уехал в Псков. Тем временем, 26 июня 1922 г. без пострижения в монашество был рукоположен во «архиепископа Петроградского и Гдовского» протоиерей Николай Соболев, настоятель Введенской церкви на Петроградской стороне. 28 июня было образовано обновленческое Петроградское Епархиальное управление, в этот же день состоялось собрание благочинных Петрограда, на котором большинством голосов были признаны лозунги «Живой церкви»: женатый епископат, пресвитерское церковное управление под председательством епископа и др.

1 июля ВЦУ официально отстранило от управления Петроградской епархией епископа Алексея согласно его прошению. Епископ Лужский Артемий (Ильинский) признал обновленцев. Епископ Иннокентий (Тихонов) находился в заключении. В Петрограде на свободе оставался единственный законный архиерей – епископ Петергофский Николай (Ярушевич).

Еще 17 июня, согласно резолюции епископа Алексея, епископ Николай вступил в полноправное управление Александро-Невской Лаврой. Духовный центр епархии не мог остаться без внимания обновленцев. Епископ Николай понимал, что открытое противостояние обновленцам будет грозить закрытием Лавры. Поэтому он предоставил насельникам, не желавшим оставаться в обители под обновленческим руководством, бессрочные отпуска и содействовал их переходу в другие храмы. Сам наместник Лавры, ссылаясь на болезнь, оставил управление обителью. Исполнять обязанности наместника стал архимандрит Иоасаф (Журманов), полагавший, что ради сохранения монастыря можно пойти на компромисс: признать обновленческое епархиальное управление и прекратить поминовение Патриарха за богослужением. 14 сентября ПЕУ официально назначило архимандрита Иоасафа настоятелем Александро-Невской Лавры. В октябре из монастыря были окончательно изъяты мощи святого благоверного князя Александра Невского⁸².

Тяжелым ударом по жизни Петроградской епархии стал процесс над митрополитом Вениамином (Казанским). Следствие обвинило Патриарха Тихона и митрополита Вениамина в том, что они «с другими князьями церкви» «вели контрреволюционную деятельность на территории Российской Республики» и, «следуя зарубежным директивам, вступили на путь борьбы с Советской властью». Трибунал постановил: «На основании вышеизложенного упомянутую активную группу в лице Казанского, Новицкого, Ковшарова, Елачича, Чукова, Плотникова, Богоявленского, Огнева, Шеина, Чельцова М. – подвергнуть высшей мере наказания – расстрелять»⁸³.

Митрополит Вениамин, архимандрит Сергей (Шеин), И.М. Ковшаров и Ю.П. Но-

вицкий были тайно расстреляны в ночь с 12 на 13 августа 1922 года на Пороховых в районе Ржевского полигона.

К концу лета 1922 года казалось, что победа обновленцев является безоговорочной – по всей стране более половины епархиальных архиереев признали ВЦУ. В Петрограде праздновало победу ПЕУ. Только порядка десяти храмов не признали обновленческую власть. Но в то же время все чаще стали раздаваться голоса священнослужителей и мирян, требовавших восстановления законной церковной власти. В Петрограде эти настроения послужили причиной возникновения движения за чистоту Православия и привели к зарождению широкого народного движения – Петроградской автокефалии. Каноническим обоснованием послужили: постановления Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 20 ноября 1920 года о возможности создания временных церковных автономий, послание митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского) от 27 мая 1922 года – об управлении епархией епископом, пребывающим в духовном единении с Патриархом, в случае невозможности связи с последним, и послание заместителя Патриарха митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского) от 18 июня 1922 года к архипастырям и всем чадам Церкви. В послании митрополита Агафангела власть и деяния обновленцев объявлялись незаконными, а епархиальным архиереям, лишенным Высшего церковного руководства, предписывалось управлять епархиями самостоятельно впредь до восстановления Высшей церковной власти.

26 августа 1922 года группа духовенства и мирян Петроградской епархии во главе с епископами Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) подала в Петроградский губисполком заявление с просьбой о регистрации образованного, ввиду отсутствия канонического церковного центра, автокефалического (независимого) религиозного объединения. Губисполком отмалчивался полтора месяца, при этом власти пытались с помощью репрессий покончить с новым, набиравшим силу движением. По обвинению в контрреволюционной деятельности 21 октября 1922 года⁸⁴ в Петрограде арестовали епископа Ямбургского Алексия (Симанского) и подвергли административной высылке в Казахстан на три года. Арестовали и группу священников-автокефалистов, которых также сослали на три года в Среднюю Азию.

Возвращаясь к вопросу об обвинении руководителей и членов петроградских братств, отметим, что братства были для властей большим препятствием. И прежде всего им мешало в достижении поставленных целей Александро-Невское братство, имевшее большое влияние в Петрограде. Но доказать противодействие членов братств изъятию церковных ценностей ГПУ не удалось. Тем не менее, 26 июля 1922 года следователи составили бездоказательное обвинительное заключение в отношении тридцати двух человек, с обвинением их в контрреволюционной деятельности. Организация Александро-Невского братства в годы гражданской войны была объявлена «преступлением». Чтобы не возбудить недовольство народа после арестов, а тем более после расстрела митрополита Вениамина, власти пошли на относительно мягкие наказания членам и руководителям братств. Большинство арестованных братчиков освободили, кроме семи человек, в числе которых были епископ Иннокентий, архимандрит Гурий и иеромонах Лев. ГПУ

передало их дело в трибунал, который сфабриковал еще одно обвинительное заключение. В итоге ГПУ 14 сентября 1922 года приняло постановление выслать семерых обвиняемых, в том числе епископа Иннокентия и архимандрита Гурия, из Петроградской губернии на два года «как политически неблагонадежных». Вынесенное решение нуждалось в утверждении со стороны центральных инстанций, по причине чего 4 января 1923 года было составлено третье обвинительное заключение с обвинением арестованных в агитации против изъятия церковных ценностей и в организации шествия верующих в знак протеста против ареста митрополита Вениамина (согласно вынесенному приговору, епископу Иннокентию и архимандриту Гурию изменили место ссылки на Туркестан). В результате осудили только основателей Александро-Невского братства⁸⁵.

Последствия репрессий оказались тяжелыми. Большинство братств прекратили свое существование, оставшиеся были вынуждены перейти на полуподпольные формы деятельности. После ареста епископа Иннокентия, архимандрита Гурия и иеромонаха Льва Александро-Невское братство возглавил молодой, богословски образованный иеромонах Варлаам (Сацердотский). В результате захвата обновленцами власти в Петроградской епархии и Александро-Невской Лавре братство было вынуждено уйти из Крестовой церкви. Осенью 1922 года были созданы две общины сестер в Петрограде и Петергофе⁸⁶.

Как отмечает историк А.Л. Беглов⁸⁷, «общины, изначально созданные как подпольные», явили собой в 1920-х годах новый тип нелегальных монастырей. Эти общины возникли благодаря естественному притяжению к их руководителям людей, стремившихся к духовной жизни, – в основном это были представители молодежи. Целью было сохранение института монашества в условиях массового закрытия существовавших ранее монастырей, в том числе посредством тайных монашеских постригов.

Первую общину образовали наиболее близкие к архимандриту Гурию его духовные дочери, которым он передал свое благословение на осуществление давно задуманного намерения. После этого Мария Карловна Шмидт, ее племянница Ольга Костецкая и освобожденные братчицы Вера Киселева и Евгения Миллер сняли для совместного проживания большую квартиру на Конной улице. Первоначально старшей сестрой общины была Мария Карловна, принявшая до этого монашеский постриг. Но в начале 1923 года монахиня Мария была вынуждена оставить общину и Петроград⁸⁸, после чего старшей сестрой общины стала Ольга Костецкая, учившаяся в Богословском институте. В дальнейшем численность общины увеличилась до 8-10 человек за счет вступления активных членов Александро-Невского братства⁸⁹.

Правила, по которым жили сестры, были выработаны архимандритом Гурием и дополнены членами общины под руководством иеромонаха Варлаама. Составленные архимандритом Гурием незадолго до его ареста 1 июня 1922 года, первоначальные правила внутренней жизни общины были близки к монастырскому уставу. В частности, они предусматривали:

Общность имущества, общую кассу, общий стол, общую молитву, обязательное посещение церкви, обязательное воздержание от посещений кино и театров, воздержание от употребле-

ния мяса и спиртных напитков, строгое соблюдение постов, воздержание от общественной работы, которая направлена к разрушению религии⁹⁰.

А.С. Борисова на допросе 6 марта 1932 года отмечала:

Большинство проживающих в общине сестер, в том числе и я, считали монашество высшим идеалом христианского совершенства. Однако, осуществить его могли, благодаря политике советской власти, направленной к ликвидации монашества, – лишь внутри себя⁹¹.

По этой причине сестры не принимали монашеский постриг и продолжали работать в различных светских организациях. Тем не менее, община на Конной улице стала первым, но в то же время достаточно успешным опытом осуществления намерений архимандрита Гурия создать полулегальные «монастыри в миру».

Вторая община сестер была создана при церкви преподобного Серафима Саровского на подворье Серафимо-Дивеевского монастыря в Старом Петергофе. В июне 1922 года настоятелем этого храма назначили насельника Лавры, члена Александро-Невского братства, иеромонаха Варсонофия (Веревкина). Первоначально община состояла из двух человек: старшей сестры Нины Сергеевны Яковлевой и Анастасии Сергеевны Заспеловой. В 1923–1924 годах, когда община получила возможность возделывать участок земли, число сестер увеличилось до пяти; в таком составе община оставалась до момента ее разгрома в 1932 году. Правила жизни петергофской общины были строже, чем на Конной улице: все сестры оставили прежние места работы, прислуживали в церкви и пели в хоре, занимались огородным хозяйством и кустарным промыслом (шили одеяла). Община носила строго монашеский характер, хотя сестры и не принимали постриг. Они должны были ежедневно посещать церковь, им запрещалось ходить в кино, театры, клубы, читать советскую литературу и участвовать в советской жизни. Устраивались общие трапезы и совместные чтения Евангелия, на которые приглашалась местная молодежь. Окормлявший общину иеромонах Варсонофий благословил каждую из сестер четками и монашеским пояском, но носить монашескую форму не велел по причине того, что в советских условиях осуществить монашеский обет можно было только тайно. Обе общины весь период своего существования продолжали оставаться составной частью Александро-Невского братства, которое в 1922–1924 годах участвовало в борьбе с обновленчеством.

Архимандрит Гурий через четыре месяца в тюрьме заболел сыпным тифом; его поместили в тюремную больницу имени Гааза, в которой он находился до 31 мая 1923 года. В дневнике, который вел в это время, архимандрит Гурий писал:

Чем больше сижу, тем яснее чувствую, что внутренняя свобода, освобождение духа от грехов, во много раз дороже освобождения из тюрьмы. Я теперь отчетливо вижу, что заключение дано мне для внутреннего очищения. Для того – и насильственный Затвор. Для того – и зависимость от других, и строгость обращения, и тревожная неизвестность будущего, и удаления от человека, и малый вообще круг обращающихся лиц, и множество свободного времени, и возможность много читать... И горе мне, если выйду отсюда таким же, каким и вошел! В эту минуту мелькает мысль: «еще сроку на покаяние»⁹².

28 июня 1922 года архимандрит Гурий сделал в дневнике запись о том, что, в

отличие от воли, в тюремной обстановке «обучаешься терпению и благодущию»⁹³.

Будучи во 2-м исправдоме, он отмечал 22 августа 1922 года, что в камере его окружали «люди верующие, живущие вопросами веры». И хотя шум и разговоры мешали читать и сосредоточиться, все же преобладала радость от возможности постоянного общения с людьми. В сердце же ощущалась «постоянная любовь ко всем “сидящим” вместе» и не было никакого недовольства и раздражения⁹⁴.

В октябре 1922 года епископа Иннокентия сослали в Архангельск, летом 1923 года перевели в поселок Усть-Цильма на реке Печора. Иеромонаха Льва в то же время отправили в ссылку в Оренбург, потом он отбывал срок в Западно-Казахстанской области⁹⁵. Уже из ссылки епископ Иннокентий в своем Рождественском послании 1923 года Александро-Невскому братству образно описал положение руководителей братства:

Знаю и то, что не полна будет радость Ваша, так как мыслями своими не отойдете Вы и в момент самой возвышенной радости от нас, в меру дарований своих и носимой нами благодати священства глаголавших Вам слово Божие. И от меня, в моем здесь удалении от сокровищ церковной поэзии и красот уставной службы. И от огненного отца Льва, в его «Египте» и словом, и молчанием, и молитвой проповедующего. И от кроткого отца Гурия, который, кажется, горчайшую чашу испивает в своем ужасном «вертепе» и «яслях» тюремно-больничной жизни. Все, что я слышал и читал о его положении там, меня в тревожный ужас приводит. Надобно все меры принять, чтобы облегчить ему это положение...⁹⁶

В другом письме от 22 марта 1923 года епископ Иннокентий сообщил:

Мне телеграфом, а затем письмом дали знать о болезни отца Гурия. Как много стоит ему пребывание в Петрограде и возможность общения с Вами. Да сохранит его Господь и скорее да воздвигнет со одра болезни и возвратит его Церкви Своей⁹⁷.

Пребывая в тюремной больнице, архимандрит Гурий находился в переписке со своими духовными чадами. В письме, написанном после Причастия в день Рождества Христова 1923 года, он писал:

Разбросала нас, ваших старших отцов, в разные края судьба по воле Божией... Одного к белым медведям, другого – к верблюдам⁹⁸, третьего к дикарям, и даже хуже – к людям без проблесков совести⁹⁹. Но мыслью мы трое – с Вами в храме, вместе молимся. <...> Желая, чтобы ясно чувствовали Вы не ослабевшую и вечно развивающуюся духовную молитвенную связь с нами. Мы знаем Вечного Бога, мы верим в вечность¹⁰⁰.

В другом письме конца 1922 года, отвечая на вопросы духовных чад, он писал:

Да, строг я был к Вам и даже более – суров. Почему так? Была ли суровость в отношении Вас внутри меня? Нет, наоборот, часто мне хотелось быть только добрым, ласковым отцом. Но вот – приходили Вы, и я чувствовал, что иначе относиться я не могу, я не должен был. <...> Бог меня будет судить, но мне казалось, что иногда жесткие тиски полезнее мягкой, ласкающей руки. Мне казалось, что для нас такое отношение (которое не было для меня деланным, а само собою выходило) поможет Вам отсесть многое лишнее и приучит к простоте и реализму. А последнее очень ценно¹⁰¹.

В мае 1923 года архимандрит Гурий сообщал о последствиях болезни:

Я уже поправился. Еще не уверенно пишет рука. С некоторым трудом иду по лестнице, ибо ноги «робеют». <...> Тиф давал [о себе] знать в мучительной боли ног по преимуществу. Натирания облегчали самое большее на четверть часа. Но помню, однажды я горячо молился преподобному Серафиму об облегчении, выпил воды из его источника, и сразу на целый час прошли боли, что было для меня большим облегчением и передышкой. Вся болезнь тянулась ровно месяц. Но пришлось еще пережить 1) сильную чесотку, 2) получить на самом крестце нечто вроде пролежня, и, в конце болезни, 3) воспаление лимфатических желез гортани (что мешало глотать даже полужидкую пищу). Болезнь на Вербной окончилась. С первого дня Пасхи поднялась температура и лихорадка от маленького куска твороженной пасхи. Только в Фомино воскресенье я смог стоя причаститься собственными руками... Но и сейчас руки пишут, иногда, не те буквы, какие нужны. Голова острижена. Борода снята... Утерять я всю «доброту зрака»¹⁰².

Еще во время болезни архимандрита Гурия начались хлопоты о его освобождении по состоянию здоровья, но власти отказали. По вопросу перемены места высылки необходимо было запрашивать Москву. Архимандрит Гурий решил отправиться в Архангельск и написал заявление о разрешении ехать за свой счет, без конвоира, а также просил предоставить несколько дней свободы для «ликвидации дел». В его тюремном дневнике появилась запись:

1) Надоело жить в притоне безработных воров, где слышится постоянно площадная брань и т.д. Почему-то мне кажется, что тут и армия спасения не подействовала бы. 2) «Самое главное», тяжело без богослужения. 3) Хочу воздуха, прогулок, – словом свободы. 4) Хочу церковного труда в приходской обстановке. 5) Боюсь, как бы Вл[адыка] Ин[нокентий] не уехал дальше (до моего приезда). Сейчас он служит за Архангельского архиерея, который уехал в Новониколаевск. А ведь пришьют женатого! Тогда Вл[адыка] Ин[нокентий] будет удален... Так я думаю, и таковы слухи. Почему-то называют Пинегу¹⁰³.

Под «женатым» архиереем архимандрит Гурий имел в виду обновленческого епископа, которого могут возвести на Архангельскую кафедру (обновленческим архиереям было дозволено жениться).

Ссылка в Усть-Цильму и Туркестан

В июне 1923 года архимандрита Гурия сослали в северный поселок Усть-Цильма на реке Печора (ныне – административный центр Усть-Цилемского района Республики Коми). В письме одной духовной дочери он сообщил о трудностях, которые пришлось испытать с момента выхода из тюремной больницы на Гороховой¹⁰⁴ до приезда в Усть-Цильму. На Гороховой были грязь, насекомые, теснота, множество подозрительных субъектов, тяжелый режим. В пересыльной тюрьме на Шпалерной¹⁰⁵ отсутствовало пространство для ходьбы, так необходимое в заключении.

Путь от Петрограда до Вологды был неплохим, но сказалась теснота. В Вологодской тюрьме пришлось спать на голом, грязном полу. Вареной пищи не было никакой, можно было получить только кипяток три раза в день. Но были и плюсы – неплохое отношение администрации и возможность целый день гулять на воздухе среди тополей и древних крепостных стен тюрьмы. О пути от Вологды до Архангельска архимандрит Гурий писал:

Тесно, комары, масса вшей, переполненные отделения для политических, так называемыми «политическими со взломом». Не раз я пожалел, что отказался от провожающего¹⁰⁶.

В Архангельске на пристани архимандрита Гурия встречали несколько «родных лиц» и проводили до тюрьмы, вызвав озлобление конвоира. Привели сначала в лагерь, через два часа почти ночью доставили в ГПУ. Спать пришлось на полу, в тесноте, невольно слушая скверные рассказы и брань. После ночлега был небольшой допрос у следователя по церковным делам. Через три дня архимандрита Гурия отправили в «исправдом», где он увиделся с епископом Иннокентием.

Потом было недельное плавание на товарном морском пароходе «Иртыш». Каюты архимандриту Гурию не дали, спать пришлось на палубе, прикрывшись промокшим брезентом. В устье Печоры ссыльных встретил полномочный представитель ОГПУ Кедров. Архимандриту Гурию предложил быть бухгалтером на баржелавке, которая с целью товарообмена поднималась до верховьев Печоры. Епископ Иннокентий одобрил это предложение, и архимандрит Гурий дал свое согласие. Прибыв на морскую пристань, расположенную в 60 верстах от устья Печоры, он расстался с епископом Иннокентием и прибыл на баржу-лавку.

До Усть-Цильмы добирались целую неделю в тяжелых условиях.

Спать пришлось, прижавшись спиной, из-за тесноты, к горячей печке, которую топили матросы, да ночью; по ночам же ходил студёный ветер от разбитого окна. К тому же, если бы не жалость добрых людей при остановках, пришлось бы вплотную голодать. Тут же возобновилась старая болезнь кишечника. Как я не простудился – не знаю. Мой сосед схватил чахотку¹⁰⁷.

В Усть-Цильме архимандрит Гурий отказался от должности на барже. Ему предложили хорошее место: он начал работать старшим счетоводом в Госпароходстве¹⁰⁸.

Побывал ссыльный архимандрит в рыбацком селении, расположенном за Северным Полярным кругом. В селении была церковь, «по архитектуре не старая». Здесь архимандрит Гурий провел несколько дней «относительной свободы», в том числе и свой день рождения 14 июля:

Я ездил на лодке за семь верст в село за соленой рыбой и молоком, и радовался свободе, как ребенок. Над головой часто пролетали утки, чирки, гагары, по берегам порхали кулики, на отмелях белелись чайки... Хорошо было!¹⁰⁹

В письмах архимандрит Гурий также сообщал, что имеет светлую комнату, работает с 11 до 17 часов, кроме праздников. Просил прислать ему труды святителя Иоанна Златоуста, преподобного Ефрема Сирина и службы на Успение Богородицы.

Цены на продукты были гораздо выше, чем в Петрограде, некоторые из продуктов отсутствовали вообще. В письме от 3 сентября архимандрит Гурий писал:

Изорвался я, обтрепался; утром, вечером слишком скудно и однообразно питаюсь: не потому что денег нет, или продуктов не найти, но потому что о питании нужно искать и хлопотать как раз в те часы, когда я нахожусь на службе¹¹⁰.

Архимандрит Гурий ожидал приезда монахини Марии (Шмидт) в помощь ему, для чего приготовил соседнюю комнату с русской печкой.

Однако печорская ссылка оказалась недолгой. Новым местом ссылки была определена Туркмения. Покидал Усть-Цильму архимандрит Гурий не без сожаления. В момент отъезда он написал в своем дневнике:

Но там остался маленький деревянный, но блестящий чистотой «собор». Там – молодой и церковно настроенный пастырь, проповедующий каждый праздник и воскресенье. Там есть хорик любителей, увлекающийся, правда, партесным пением, но поддающийся церковному влиянию. Там немало молодежи, ходящей и любящей церковь. Там были «Никодимы»^{**}, приходившие темным вечером вопрошать о вопросах веры, там остались юные души, учившиеся вере... Прощай Печера! И на тебе живут православные, добрые люди!¹¹¹.

В дневнике архимандрита Гурия период октябрь-декабрь 1923 года обозначен как «От оленей к верблюдам. Печера – Асхабад»¹¹². 13 октября архимандрит Гурий отметил, что они вместе с епископом Иннокентием сидят в маленькой, но теплой и уютной кают-компании океанского грузового парохода. Выйдя наверх на палубу, они долго любовались северным сиянием¹¹³.

11 ноября 1923 года архимандрит Гурий написал духовным чадам, что он и епископ Иннокентий хорошо устроились в вагоне поезда. В купе находились только они вдвоем, попутчики отнеслись к ним хорошо, в вагоне было «тихо и мирно, тепло». Давно уже не приходилось ездить им по железной дороге в таких хороших условиях¹¹⁴.

Везли в столыпинских вагонах. Это обыкновенные купированные вагоны. Только вместо дверей там решетка, и дверь сделана не против окна коридора. А по коридору ходит стража¹¹⁵.

Проезжали через Москву, планировали через семь дней быть в Ташкенте, где должен был определиться дальнейший маршрут. Монахиня Мария ехала со своими духовными отцами в том же поезде; покупала продукты на станциях и передавала им. Приближаясь 14 ноября к Оренбургу, архимандрит Гурий и епископ Иннокентий оба невольно запели: «Спаси Господи и помилуй всечестного отца нашего Льва и сохрани его на многие лета»¹¹⁶. Епископ Иннокентий и архимандрит Гурий знали, что иеромонах Лев был сослан в Оренбург, но им ничего не было известно о его дальнейшей судьбе.

После восьми дней пути архимандрит Гурий и епископ Иннокентий прибыли в Ташкент, где целый месяц провели в местной тюрьме.

Ташкентская тюрьма была очень оригинально устроена. Это большой двор, обнесенный дувалом. А вдоль стен – все отдельные комнаты с выходом во двор. Простые ворота отделяли нас от улицы. А под ними было большое пространство, так что видны были ноги прохожих. Меня с владыкой Иннокентием поместили в одну из этих комнат¹¹⁷.

В этой тюрьме был «самый снисходительный» надзиратель, который сообщил, что скоро их вызовут и отправят в Полторацк. (Так с 1919 года назывался тогда основанный в 1881 году Асхабад, ныне – Ашхабад). И действительно, архимандрита Гурия и епископа Иннокентия отправили в распоряжение полторацкого ГПУ. Ехать нужно было самостоятельно, но до поезда у них оставалось три свободных дня.

^{*} Никодим – фарисей, тайный ученик Христа. (Прим. ВС.)

15 декабря 1923 года архимандрит Гурий в письме сообщил, что они уже третий день на свободе в Ташкенте, осматривают город и делают закупки в дорогу¹¹⁸. В Ташкенте хотели зайти в привокзальную церковь, но, узнав, что она обновленческая, решили, что там «делать нечего». После этого отправились к благочестивой семье Тихоновых. Митрополит Гурий вспоминал позже: «Три дня мы были у Тихоновых, и как раз на мои именины. И я служил там у них»¹¹⁹. Именины архимандрит Гурий праздновал 17 декабря. По просьбе местных верующих епископ Иннокентий рукоположил иеродиакона Пахомия во иеромонаха, а другого священника постриг в монашество¹²⁰.

19 декабря архимандрит Гурий уже ехал с епископом Иннокентием в плацкартном вагоне в Полторацк¹²¹. В Полторацке они расстались. Архимандрита Гурия послали на станцию Каахка, а оттуда он был направлен за 20 километров в селение Арчиньян¹²². В этом селении, расположенном недалеко от персидской границы, проживали молокане – русские сектанты, переселенные туда еще царским правительством. Они были сильными, трудолюбивыми людьми, которые вели крепкое крестьянское хозяйство, молились и любили читать Библию. Архимандрит Гурий интересовался их жизнью, и они его очень любили. Проживал архимандрит Гурий в отдельном домике с садом. Вместе с ним жили священник Василий и монахиня Мария (Шмидт). Дни ссылки проходили в молитве и физическом труде, а свежий воздух и благоприятный климат укрепили его здоровье. С тех пор он полюбил Среднюю Азию¹²³.

Из двух сохранившихся писем архимандрита Гурия «пекинским сестрам» (так он называл группу сестер, старшей в которой была Анна Васильевна Кошкина, вошедшая в братство из Пекинского подворья в Петрограде) следует, что он имел возможность в Арчиньяне совершать в домашних условиях Божественную Литургию:

Получил я от М[арии] К[арловны] полотенце, вышитое Вашими руками, сделанное с большим вкусом. Но не на аналой положил я его, а на наш маленький престол и каждый раз, когда я совершаю Божественную Литургию, с любовью вспоминаю Вас¹²⁴.

В этой «вольной высылке» видится неизреченное милосердие Божие и Его всеблагий Промысл, претворивший злое намерение гонителей во благо гонимых¹²⁵. Иначе чем можно объяснить, что советские власти, пытаясь «усугубить» наказание, заменили архимандриту Гурию и епископу Иннокентию первоначальную ссылку на Север на пребывание в самой глухой части Средней Азии...

Продолжение следует.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Генерал-аншеф – в XVIII в. полный генерал, рангом ниже фельдмаршала.

² См.: Иоанн (Вендланд), митр. Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров). Исторические очерки. – Ярославль: ДИА-пресс, 1999. С. 85–86.

³ Там же. С. 86.

⁴ См.: Северин Г., прот. Жизнеописание митрополита Гурия. Симферополь: [б.и.], 2005. С. 7–8.

⁵ Иоанн (Вендланд), митр. Указ. соч. С. 87.

⁶ Там же. С. 87.

⁷ См.: Северин Г., прот. Указ. соч. С. 8.

⁸ См.: Зегжда С.А. Александро-Невское братство. Набережные Челны: ИД Новости мира, 2009. С. 128.

⁹ Цит. по: Северин Г., прот. Жизнеописание митрополита Гурия. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 9.

- ¹¹ Там же. С. 10–12.
- ¹² Цит. по: Зегжда С.А. Указ. соч. С. 124–125.
- ¹³ Там же. С. 124.
- ¹⁴ Так Вячеслава называли в детстве и юности.
- ¹⁵ См.: Северин Г., прот. Указ. соч. С. 12–13.
- ¹⁶ См.: Северин Г., прот. Указ. соч. С. 12–13.
- ¹⁷ См.: Иоанн (Вендланд), митр. Указ. соч. С. 87–88.
- ¹⁸ Цит. по: Зегжда С.А. Указ. соч. С. 126.
- ¹⁹ Цит. по: Там же. С. 127–128.
- ²⁰ См.: Автобиография епископа Ташкентского и Средне-Азиатского Гурия (Егорова) // Личное дело митрополита Гурия (Егорова). Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 5.
- ²¹ См.: Иоанн (Вендланд), митр. Указ. соч. С. 89.
- ²² Рассказ от 18 июля 1953 г. в день преп. Сергия Радонежского. См.: Зегжда С.А. Александро-Невское братство. С. 129–130.
- ²³ Протоиерей Георгий Коссов (1855–1928), служивший в селе Спас-Чекряк Орловской епархии, в 2000 г. был причислен к лику священоисповедников. См.: Зегжда С.А. Указ. соч. С. 130.
- ²⁴ Там же. С. 131.
- ²⁵ См.: Автобиография епископа Ташкентского... Л. 5-5об.
- ²⁶ Цит. по: Зегжда С.А. Указ. соч. С. 132.
- ²⁷ См.: Зегжда С.А. Указ. соч. С. 133.
- ²⁸ См.: Иоанн (Вендланд), митр. Указ. соч. С. 92.
- ²⁹ Цит. по: Северин Г., прот. Указ. соч. С. 20–21.
- ³⁰ См.: Автобиография епископа Ташкентского... Л. 5об.
- ³¹ Зегжда С.А. Указ. соч. С. 136.
- ³² 4 (17) декабря совершается празднование св. великомученицы Варвары, поэтому день святителя Гурия перенесен на следующее число
- ³³ См.: Иоанн (Вендланд), митр. Указ. соч. С. 93–94.
- ³⁴ См.: Автобиография епископа Ташкентского... Л. 5об.
- ³⁵ См.: Шкаровский М.В. Александро-Невское братство. 1918–1932 годы. СПб.: Православный летописец Санкт-Петербурга, 2003. С. 20–21.
- ³⁶ См.: Иоанн (Вендланд), митр. Указ. соч. С. 96.
- ³⁷ См.: Автобиография епископа Ташкентского... Л. 5об.-6; Галкин А.К. Гурий (Егоров Вячеслав Михайлович) (1891–1965), митрополит Симферопольский и Крымский // Православная энциклопедия. – М.: ЦНЦ Православная энциклопедия, 2006. Т. 13. С. 473–475.
- ³⁸ См.: Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. – М.: Общество любителей церковной истории, 2016. С. 535–536.
- ³⁹ См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 22.
- ⁴⁰ Зегжда С.А. Указ. соч. С. 139.
- ⁴¹ Цит. по: Иоанн (Вендланд), митр. Указ. соч. С. 98.
- ⁴² Цит. по: Там же.
- ⁴³ См.: Сурков С.А. Митрополит Николай (Ярушевич). – М.: Изд. Об-ва любителей церковной истории, 2012. С. 87–88.
- ⁴⁴ Цит. по: Галкин А.К., Бовкало А.А. Избранник Божий и народа. Жизнеописание священномученика Вениамина, митрополита Петроградского и Гдовского. – СПб.: Блокадный храм, 2006. С. 182.
- ⁴⁵ См.: Зегжда С.А. Указ. соч. С. 139.
- ⁴⁶ См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 22–23.
- ⁴⁷ Цит. по: Зегжда С.А. Указ. соч. С. 50.
- ⁴⁸ Цит. по: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 84–85.
- ⁴⁹ См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 24–25.
- ⁵⁰ Цит. по: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 25–26.
- ⁵¹ Из показаний иеромонаха Льва на допросе 27 июня 1922 года. Цит. по: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 27.
- ⁵² Иоанн (Вендланд), митр. Указ. соч. С. 98.
- ⁵³ См.: Автобиография епископа Ташкентского... Л. 6.
- ⁵⁴ Цит. по: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 30.
- ⁵⁵ См.: Александрова-Чукова Л.К. Митрополит Григорий (Чуков): Служение и труды. К 50-летию преставления // Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. 2006. Вып. 34. С. 57.
- ⁵⁶ См.: Сорокин В., прот. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). – СПб., 2005. С. 194–195.
- ⁵⁷ См.: Сорокин В., прот. Исповедник. С. 197.
- ⁵⁸ Там же. С. 216–221, 228–234.
- ⁵⁹ Там же. С. 251–252.
- ⁶⁰ См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 31–32.
- ⁶¹ Там же. С. 32–34.
- ⁶² Там же. С. 37–39.
- ⁶³ Там же. С. 39–41.
- ⁶⁴ См.: Сурков С.А. Указ. соч. С. 92.
- ⁶⁵ См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 42–43.
- ⁶⁶ Цит. по: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 52.
- ⁶⁷ См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 53.
- ⁶⁸ Чельцов Михаил, прот. В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. / Публ. В.В. Антонова. // Минувшее: исторический альманах. Т. 17. – М.–СПб., 1994. С. 437.
- ⁶⁹ Цит. по: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 54.
- ⁷⁰ Цит. по: Там же. С. 54.
- ⁷¹ Цит. по: Там же. С. 55.
- ⁷² Иеромонах Пантелеимон, когда начались гонения, испугался, уехал в Москву, снял с себя сан, женился, впоследствии стал профессором Педагогического института. Его судьба была исключением: большинство братчиков сохранили верность Церкви до конца, пройдя лагеря и ссылки. См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 57.
- ⁷³ Там же. С. 53–58.
- ⁷⁴ См.: Зегжда С.А. Указ. соч. С. 31.

- ⁷⁵ Цит. по: Иоанн (Вендланд), митр. Указ. соч. С. 98.
- ⁷⁶ См.: Галкин А.К., Бовкало А.А. Указ. соч. С. 301–303.
- ⁷⁷ Там же. С. 318–319.
- ⁷⁸ См.: Иванов С.Н. Хронология обновленческого «переворота» в Русской Церкви по новым архивным документам // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 3 (58). С. 33, 37–39, 46.
- ⁷⁹ Цит. по: Фирсов С.Л. Власть и верующие: из церковной истории начала 1920-х годов. По материалам архива ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области // Нестор. 2000. № 1. С. 219–220.
- ⁸⁰ Цит. по: Галкин А.К., Бовкало А.А. Указ. соч. С. 327.
- ⁸¹ См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 65–66.
- ⁸² См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 75.
- ⁸³ Цит. по: «Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). – М.: Студия «ТРИТЭ»; Российский архив, 1991. С. 86.
- ⁸⁴ С.А. Сурков приводит другую дату ареста епископа Алексия – 24 сентября 1922 г. См.: Сурков С.А. Указ. соч. С. 126.
- ⁸⁵ См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 71–74.
- ⁸⁶ Там же. С. 74–75.
- ⁸⁷ Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М.: Арефа, 2008. С. 44.
- ⁸⁸ Монахиня Мария последовала за архимандритом Гурием в ссылку в Арчиньян и проживала рядом с ним до апреля 1925 г.
- ⁸⁹ См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 77.
- ⁹⁰ Цит. по: Там же. С. 79.
- ⁹¹ Цит. по: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 79–80.
- ⁹² Цит. по: Дневник архимандрита Гурия, писанный им в заключении в 1922–1923 гг. // Северин Г., прот. Указ. соч. С. 64.
- ⁹³ Цит. по: Там же. С. 64.
- ⁹⁴ Цит. по: Там же. С. 77.
- ⁹⁵ См.: Зегжда С.А. Александро-Невское братство. С. 41, 207.
- ⁹⁶ Цит. по: Там же. С. 140–141.
- ⁹⁷ Цит. по: Там же. С. 141.
- ⁹⁸ Т.е. епископа Иннокентия – в Архангельск, а иеромонаха Льва – в Оренбург.
- ⁹⁹ Здесь архимандрит Гурий имеет в виду себя.
- ¹⁰⁰ Письмо архимандрита Гурия, написанное им в тюремной больнице 7 января 1923 г. См.: Зегжда С.А. Указ. соч. С. 141–142.
- ¹⁰¹ Цит. по: Северин Г., прот. Указ. соч. С. 78–80.
- ¹⁰² Цит. по: Там же. С. 95.
- ¹⁰³ Цит. по: Там же. С. 95–96.
- ¹⁰⁴ Внутренняя тюрьма ГПУ в Петрограде по адресу: Гороховая ул., дом 2.
- ¹⁰⁵ Дом предварительного заключения (ДПЗ) в Петрограде по адресу: улица Шпалерная, дом 25.
- ¹⁰⁶ Цит. по: Северин Г., прот. Указ. соч. С. 110.
- ¹⁰⁷ Цит. по: Там же. С. 111.
- ¹⁰⁸ См.: Анкета епископа Ташкентского и Средне-Азиатского Гурия (Егорова) // Личное дело митрополита Гурия (Егорова). ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 3–4.
- ¹⁰⁹ Цит. по: Северин Г., прот. Указ. соч. С. 108.
- ¹¹⁰ Цит. по: Там же. С. 115.
- ¹¹¹ Цит. по: Там же. С. 120–121.
- ¹¹² Цит. по: Там же. С. 119.
- ¹¹³ Там же. С. 121.
- ¹¹⁴ Цит. по: Там же. С. 126.
- ¹¹⁵ Цит. по: Зегжда С.А. Указ. соч. С. 143–144.
- ¹¹⁶ Цит. по: Северин Г., прот. Указ. соч. С. 127.
- ¹¹⁷ Цит. по: Зегжда С.А. Указ. соч. С. 143–144.
- ¹¹⁸ Цит. по: Северин Г., прот. Указ. соч. С. 128.
- ¹¹⁹ Цит. по: Зегжда С.А. Указ. соч. С. 143–144.
- ¹²⁰ См.: Там же. С. 144–145.
- ¹²¹ См.: Северин Г., прот. Указ. соч. С. 129.
- ¹²² См.: Зегжда С.А. Указ. соч. С. 145.
- ¹²³ См.: Иоанн (Вендланд), митр. Указ. соч. С. 99.
- ¹²⁴ Цит. по: Зегжда С.А. Указ. соч. С. 196–197.
- ¹²⁵ Там же. С. 147.

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Тема: «Среднеазиатские пути» Александро-Невского братства
(к 100-летию со дня основания)

Александр ГАЛАК

«ВЫСШИЙ ПОДВИГ – в терпении, в любви и мольбе...»

Жизнь архимандрита Серафима (Суторихина)

Из всех священнослужителей Самарканда имя архимандрита Серафима, пожалуй, более других сохранилось в памяти людей. Господь привел его в Самаркандский храм св. Великомученика Георгия Победоносца, в особенный островок благодати, созданный молитвами и трудами живших здесь подвижников, и со временем он встал во главе этого удивительного «монастыря в миру».

Начало пути

Родился отец Серафим 16/29 июня 1901 года в селе Шестаково Георгиевской волости Слободского уезда Вятской губернии, в семье протоиерея Михаила Михайловича Суторихина, бывшего в то время священником Никольской церкви того же села.

Сам отец Серафим рассказывал о своем отце такую историю. Как-то в их селе был проездом известный по всей России отец Иоанн Кронштадтский. Собравшийся народ окружил карету так плотно, что отец Иоанн с трудом смог выйти из нее. Он остановился в том доме, где жил местный священник. Отца Иоанна осаждала толпа желающих побеседовать с ним или хотя бы взять у него благословение, а молодой Михаил Суторихин все никак не решался подойти к батюшке со своим вопросом. Но во время обеда отец Иоанн вдруг сам обратился к Михаилу и разрешил мучавший его вопрос: жениться или принять постриг? Как сказал ему отец Иоанн, так он и поступил. Сначала Михаил потрудился год в монастыре, а вернувшись, женился на своей избраннице – Анне Алексеевне, круглой сироте. Брак их был поистине благословенный. Супруги за всю жизнь не повысили голоса друг на друга, в семье был мир и лад. По благословию отца Иоанна Кронштадтского Михаил Суторихин принял священство¹.

Отец Серафим, названный при рождении Сергием в память преподобного Сер-

гия Радонежского, был четвертым ребенком; всего же в семье было шесть детей. Сергей был единственным сыном и рос среди сестер. Мальчик был очень способным, у него была прекрасная память. Начальное образование он получил в земской школе в городе Слободском, а далее – среднее, в Слободском реальном училище. Во время учебы Сергей исполнял в храме обязанности помощника священника, а после полностью перешел трудиться в храм. Мальчик рос при храме, и отец Михаил с четырех лет постоянно брал его с собою на богослужения. В шестилетнем возрасте Сергей начал прислуживать в церкви, приучаясь постепенно к церковному пению, и читал Апостол на Литургии². Ему сшили маленький стихарь, и мальчик помогал отцу во время службы, подавая кадило, вынося свечу и подпевая на клиросе. Родные вспоминали, что дома он часто играл в священника. Наденет на себя полотенце, привяжет к кружке веревочку и кадит ею по всему дому, распевая что-то при этом...

В 1908 году отца Михаила переводят из Шестакова в город Слободской, Вятской епархии, настоятелем Сретенской церкви (где он служил вплоть до своей смерти в 1934 году), и вся семья перебирается вместе с ним.

Юный Сергей учится музыкальной грамоте, изучает распевы и произведения церковных композиторов и в четырнадцать лет уже управляет левым хором в Сретенском храме, где служил настоятелем отец Михаил. В те годы Сергей хорошо изучил устав. Он читает много духовной литературы: творения Святых отцов, жития святых и богословские книги. С 1918 года, еще до окончания реального училища, ему приходилось исполнять обязанности псаломщика в той церкви, где служил его отец.

В 1919 году, после окончания реального училища, Сергей поступил в местную Народную аптеку, где проработал помощником и счетоводом до 1922 года, не оставляя службы в церкви³. За десять лет службы псаломщиком ему удалось немало достигнуть. Сам отец Серафим вспоминал о том времени так: «В этом Сретенском храме начал я приобретать навык в проповеди Слова Божия. В 1922 году мой отец благословил меня произносить проповеди за Богослужением на катехизические темы, и с тех пор я неопустительно проповедовал каждый воскресный и праздничный день»⁴.

В те годы разрешалось проповедовать не только священникам, но и мирянам. Это время стало для Сергея прекрасной школой, ему нужно было подготовиться и помолиться перед каждой проповедью. В январе 1924 года за усердную службу Церкви Божией и за проповедь Слова Божия епископ Чебоксарский Симеон (Михайлов), в то время управляющий Вятской епархией, постриг его во чтеца⁵.

В двадцать лет Сергием был написан небольшой труд – «Об архитектуре храмов города Слободского», опубликованный в сборнике «Вятский край» за 1921 год.

В 1924 году он, по благословению родителей, едет в Москву поступать в духовную семинарию. Приехал он в Москву вместе с двумя друзьями, и они остановились недалеко от центра города у одной старушки. Сергей уступил место своим друзьям на кровати, а сам расположился на полу. На новом месте ему не спалось, и часа в четыре утра он потихоньку вышел в город, чтобы побродить по Москве. Было лето, на улицах почти безлюдно, и вот Сергей увидел, что редкие прохожие сворачивают все в какой-то переулок. Он решил пойти туда же. Каково же было удивление Сергея, когда он увидел, что вышел прямо к часовне у Воскресенских ворот с чудотвор-

ной иконой Иверской Божией Матери. Список с почитаемого образа Богородицы был привезен в Москву иноками с Афонского Пантелеймонова монастыря. Именно сюда, в это место Сергей желал попасть в первую очередь по приезде в столицу. Он вошел в часовню. На клиросе никого не было. Он приложился к иконе и встал перед ней в уголке. Тут из алтаря раздался возглас священника: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков». Сергей оглянулся вокруг и, увидев, что петь некому, запел: «Аминь. Царю Небесный...». Так они вдвоем со священником пропели молебен перед Иверской иконой. Позже подошли певчие, и Сергей, оставшись, пропел с ними весь день. Священнику и регенту понравился его голос, и ему было предложено поступить на службу псаломщиком. На предложение он объяснил, что приехал учиться на священника. Но услышал в ответ, что он и так сможет рукоположиться, а обучаться можно и здесь, участвуя в службах. Сергей согласился⁶.

Отец Серафим всю жизнь почитал и любил образ Иверской Божией Матери и говорил, что с ним были связаны многие важные события его жизни. Правда, служить Сергию было нелегко, службы у иконы совершались круглосуточно. Он снимал угол недалеко, возле часовни. Часто, особенно ночью, читать и петь было некому, и тогда посылали за Сергием, и он безропотно шел на службы. А еще в часовне был список с чудотворной иконы для выезда к больным, и Сергей ехал с иконой – и опять читал и пел. Спать ему приходилось по 3-4 часа в сутки и то урывками. К тому же его часто посылали достать то одно, то другое для нужд часовни.

Так прошло два года.

В 1926 году многие православные храмы начали захватываться обновленцами. А когда пришла очередь Иверской часовни, священник, взявший Сергия на службу, посоветовал ему возвращаться домой к отцу.

Сергий едет в Слободской, где вновь помогает отцу и руководит церковным хором.

В 1929 году Иверскую часовню закрыли и снесли за одну ночь*. В том же году отец Серафим получил в подарок от друзей фотографию, которая была сделана с главной иконы Иверской Божией Матери со снятым окладом, перед тем как ее изъяли власти. Проведя пятнадцать лет в лагерях, отец Серафим сумел сохранить эту заветную фотографию. Знаменитая икона Божией Матери Иверская была утеряна, и было неясно, какой именно список находился в часовне. Спустя годы фотоснимок, принадлежавший отцу Серафиму, послужил подтверждением того, что утраченный образ Иверской Божией матери находится в Третьяковской галерее⁷.

В Александро-Невском братстве

В 1927 году Сергей узнает о существовании в Ленинграде при Эстонской церкви Высших богословских курсов, ректором которых был бывший настоятель Ка-

* Вот как описывает это очевидец событий, французский славист Пьер Паскаль (1890–1982), живший в те годы в Москве: «На входе на Красную площадь разрушили часовню Иверской иконы Божьей Матери. Люди идут мимо, смотрят, закипают изнутри от гнева, старухи плачут, бранятся. Комсомолец смеется: тебе что, жалко? <...> В Москве стирают с лица земли всё, что составляет историю. Чтобы не давать людям толпиться, выход на Красную площадь загородили баррикадами» (Цит. по: Фокин С. Заговор молчания: о «Русском дневнике» Пьера Паскаля // Вопросы литературы. 2016. № 4. С. 247). (Прим. ВС.)

занского собора протоиерей Николай Чуков. С благословения епископа Виктора Глазовского, управлявшего Вятской епархией, он поступает на эти курсы, но успеваает проучиться всего один год. В августе 1928 года по решению Ленсовета богословские курсы закрывают. Сергей трудится псаломщиком в храме Феодоровского подворья Ленинграда⁸. Там он продолжает свое обучение музыкальной грамоте у известного регента и церковного композитора Василия Фатеева⁹ и руководит хором. Те, кто пел и служил с ним тогда, надолго сохранили самые светлые воспоминания о батюшке.

Здесь необходимо сделать отступление и рассказать об Александро-Невском братстве, так как оно сыграло огромную роль в жизни отца Серафима. Само это явление было уникальным. Возникло оно в 1918 году, сразу же после революции, при Александро-Невской Лавре, и стало очень привлекательным для молодежи. В первое время одной из главных задач братства была защита обители от безбожников. Позже оно стало играть центральную роль в создании и деятельности союза православных братств Петроградской епархии. В эти же годы Александро-Невское братство неустанно стремилось привлечь в церковную среду представителей различных слоев интеллигенции и сблизить их с ученым монашеством. Перед братством стояло много задач: сохранение института монашества, противостояние ересям и расколам, поиск новых форм духовного образования, так как все религиозные учебные заведения были закрыты. И, конечно же, подготовка молодых, образованных священнослужителей и монахов, способных в это тяжелое время сохранить православие в стране, где царил дух богоборчества. Одной из особенностей служения в Александро-Невском братстве было каждодневное строго уставное богослужение и уставное (не партесное) пение.

Основателями братства были три иеромонаха – Гурий и Лев (Егоровы) и Иннокентий (Тихонов). С ними предстояло встретиться молодому Сергию, и эта встреча очень сильно повлияла на его дальнейшую жизнь. Он скоро сам станет членом братства и будет возглавлять молодежный кружок. Путем самообразования он пополнил свои знания до уровня семинарского курса.

Александро-Невская Лавра была тогда в руках обновленцев, и братия, не желавшая примыкать к ним, разошлась кто куда. Люди жили на чердаках и в подвалах, Сергей прожил зиму в нетопленной сторожке при церкви. Лишь несколько храмов в то время оставались не обновленческими, в том числе и Феодоровский собор, настоятелем которого был в то время архимандрит Лев (Егоров). А когда Сергей лишился места в сторожке и ему негде стало ночевать, иеромонах Гурий, увидев его бедствия, сказал, что отведет его в такое место, где живет один замечательный человек. Они пошли, забрались на какой-то чердак, и иеромонах Гурий представил Сергия протоиерею Вениамину Тихоницкому (будущему епископу Кировскому и Слободскому). Отец Вениамин ласково встретил его и поселил у себя. Сергей спал на железной скамье у изголовья протоиерея. Владыка стал его духовником¹⁰.

О том, что происходило в Ленинграде в 1929 году, записал в своем дневнике один из ярких деятелей Александро-Невского братства, архимандрит Варлаам (Соцердотский):

...Нет и нашего Академического храма. Уже теперь одна забота, сохранить нетленным и неразрушимым храм своей души. Все видимые знаки Богопочитания постепенно приходится скры-

вать. Число храмов сокращается с каждым годом, может скоро их не будет совсем; многим приходится снимать и скрывать нательные кресты и иконы в квартирах. Теперь даже затруднения с церковными свечами и просфорами; может быть и от них придется отказаться. Но не оставляет нас вера, что врата ада, сейчас ополчившиеся на Церковь, не одолеют Ее, по заповеди Господа...¹¹

В марте 1927 года Сергей присутствовал в Слободском на постриге своей родной тетки в монахини. По окончании обряда, когда Сергей подошел поздравить ее с принятием ангельского образа, та ему в ответ пожелала такого же пути. Вскоре приехал в Ленинград отец Сергия, о. Михаил. Он сказал, что сыну пора определяться: либо жениться и становиться священником, либо принимать постриг. Сергей сделал предложение девушке-певчей из хора Лизе Смирновой и послал своих сестер свататься к ней, но она побоялась стать женой священника и ответила отказом. Тогда архимандрит Лев (Егоров) предложил ему принять постриг¹².

Весной 12 апреля 1929 года, по благословению митрополита Ленинградского Серафима (Чичагова), архимандрит Лев постриг Сергия на Феодоровском подворье в монастыре с именем Серафим – в честь преподобного Серафима Саровского.

А 14 апреля 1929 года епископ Каргопольский Сергей (Зенкевич) рукоположил отца Серафима на Феодоровском подворье в сан иеродиакона. Помимо чередной службы иеродиакон Серафим нес обязанности ризничего и руководил хором. Через год после пострига настоятель подворья – архимандрит Лев (Егоров) возложил на него послушание управлять правым хором певчих, каковое Серафим и исполнял до перехода в другую церковь. 4 апреля 1931 года, по представлению настоятеля, митрополит Ленинградский и Гдовский Серафим (Чичагов) на том же подворье рукоположил его в иеромонахи¹³. После принятия пострига в монахи и вплоть до 1932 года отец Серафим служил в Феодоровском соборном храме, который являлся в то время центром Александро-Невского братства.

С началом 1932 года ленинградские власти приняли решение удалить из города всех людей, так или иначе связанных с Александро-Невским братством; последовали массовые аресты монашествующих, белого духовенства и мирян. Особенно трагичной была ночь с 17 на 18 февраля, когда в городе было арестовано около 500 верующих, среди которых оказалось сорок членов Александро-Невского братства. Но и после этой массовой акции агенты ОГПУ продолжали выискивать оставшихся братчиков. В течение двух последующих месяцев было арестовано еще около двухсот человек. Часть из них были расстреляны, многие скончались от болезней и истощения, отбывая в местах заключения по несколько сроков. Лишь немногим удалось уцелеть.

1 марта 1932 года Серафим был назначен настоятелем Тихвинской церкви в поселке Лесное, под Ленинградом, на место арестованного настоятеля – иеромонаха Вениамина (Эссена). Однако прослужил здесь отец Серафим недолго, всего две недели. Он слышал о начавшихся арестах и чувствовал, что за ним должны прийти. Его вещи были собраны заранее. Отец Серафим снимал квартиру на третьем этаже и однажды, во время вечернего правила, услышал шаги под своими окнами. Выглянув, он увидел фигуру работника органов НКВД, в черном кожаном пальто и черной фуражке. Вскоре за ним поднялись и постучали в дверь. Пришедшие были удивлены тем, как спокойно держался отец Серафим, и предложили ему проследовать за ними.

Отец Серафим был арестован 14 марта по «делу Александро-Невского братства» и постановлением «тройки» ОГПУ осужден на пять лет заключения по статье № 58 (п. 10 и 11)¹⁴. Отбывал срок в Свирском исправительно-трудовом лагере до 28 декабря 1936 года, работая на лесоповале. Там он обморозил себе руки и ноги, и они потом до конца жизни болели. Вообще, выносливость и терпение у отца Серафима были удивительные, он умел терпеть боль, как мало кто, и никогда не говорил и не показывал, что ему больно. В бараке он неукоснительно выполнял монашеское правило, становился в уголке и молился. Сначала заключенные над ним посмеивались, но потом привыкли. Был с ним в лагере один архимандрит, с которым они вместе служили и совершали требы. На праздники собирались в лесу, где молились и пели. Отец Серафим рассказывал, как ему запомнилась одна Пасха: служили в лесу, все пели «Христос воскрес», а потом разговлялись пшенной кашей, и была это удивительная какая-то радость и благодать.

Репрессии и награды

После освобождения из заключения иеромонах Серафим возвратился на свою родину в Слободской. Вскоре, в апреле 1937 года, архиепископом Кировским и Слободским Киприаном (Комаровским) он был назначен на вакантную должность священника в Екатерининский собор Слободского. Но послужить ему опять пришлось недолго, 12 июля 1938 года отец Серафим был вновь арестован и постановлением Специальной коллегии областного суда Кировской области от 19 ноября 1938 года осужден на десять лет заключения по статье 58-10, ч. 1, УК РСФСР. Второй срок батюшка отбывал на Печоре в Коми АССР, в северном железнодорожном лагере, работая учетчиком и помощником фармацевта¹⁵. Там его несколько раз заваливало срубленными елями, но до времени обходилось без последствий. Однако 18 февраля 1943 года, в день памяти свт. Феодосия Черниговского, на отца Серафима во время работы упало дерево, покалечив ему ногу.

14 апреля 1943 года батюшку выпустили на свободу, как неспособного к работе. Искалеченный, отец Серафим снова возвращается в Слободской и с 1 августа 1943 года епископом Кировским Вениамином (Тихоницким) назначается настоятелем Троицкого собора в селе Быстрица Оричевского района Кировской области¹⁶. Батюшка со всей энергией взялся за налаживание духовной жизни на приходе, создал и обучил хороший хор. С 1943 по 1947 годы он служил ежедневно. В 1944 году, на Пасху, он, по представлению епископа Вениамина, был награжден золотым наперсным крестом: за благочестное служение Божией Церквью, ревностное исполнение пастырских обязанностей и ликвидацию Викторовского раскола, так как вернул большую часть церковной общины, отколовшейся за время обновленчества. В годы Великой Отечественной войны он в своих проповедях призывал прихожан к защите отечества и собрал много средств и пожертвований на военные нужды и в помощь осиротевшим семьям. За эти труды в 1947 году отец Серафим был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне за 1941–1945 гг.»¹⁷. С 1945 по 1948 годы отец Серафим по единодушному избранию всего духовенства исполнял обязанности духовника благочиния Оричевского района Кировской области¹⁸.

В 1948 году у него снова возникают осложнения с местными властями. Уполномоченный в Быстрице вызвал к себе на беседу духовную дочь батюшки и в разговоре намекнул ей, что отец Серафим слишком «загулялся» на свободе и может опять попасть под арест. Она пересказала содержание этого разговора батюшке, и он, не зная, как поступить, в свою очередь направился к владыке Вениамину за советом.

Служа в Быстрице, отец Серафим узнал, что начинает возрождаться Троице-Сергиевская Лавра и что ее наместником назначен архимандрит Гурий (Егоров), знакомый ему по Александро-Невской Лавре. Он пишет письмо архимандриту Гурию:

После 1932 г. я потерял связь с отцами и живу без всякого руководства в своеволии. От старых ленинградских знакомых узнал, что Вы находитесь в Москве, но не знал Вашего адреса. Из журнала М[осковской] П[атриархии] и от нашего Владыки я узнал о настоящем Вашем служении и очень обрадовался. Может быть, Господь передаст меня от одного брата другому? Прошу Вас, будьте добры дать мне совет, как мне быть в настоящее время, когда открываются монастыри: в Киеве, где монастыри открылись раньше, мне было не к кому обратиться, да и далеко это. Троице-Сергиевская Лавра ближе, и Преподобный Сергей – мой небесный покровитель, имя которого я носил до монашества, и Вы там являетесь организатором монастыря – отец, к которому мне ближе всего обратиться после отца Льва (Егорова). Наш Владыка Вениамин благословил меня обратиться к Вам. Если Вы найдете благовременным и полезным для спасения моей души поступить мне в настоящее время в Ваш монастырь – благословите! Истомленный обращением в миру, нуждаясь в духовном окормлении, покорнейше прошу Ваше Высокопреподобие принять меня в число братии окормляемой Вами Троице-Сергиевской Лавры¹⁹.

Но этим надеждам не суждено было осуществиться. Письмо это было написано в июле 1946 года, а через месяц сам архимандрит Гурий был хиротонисан во епископа и назначен правящим архиереем Среднеазиатской Епархии. Однако владыка Гурий не забыл отца Серафима и стал звать его к себе в Ташкент:

Нужда в таком человеке как Вы – огромная. Не можем найти никого подходящего для левого клироса в наш Собор. Это должен быть не просто регент – а вдохновитель Богослужения и народного пения. С этим делом (которое, знаю, хорошо известно Вам) соединяется другое служение – ключаря Собора. Жду Вас как преподавателя Богословско-пастырских курсов и намерен назначить членом Епархиального Совета. Итак, Вы должны работать в Ташкенте. Этого требует церковная потребность, – это необходимо и для Вас. Помогите сделать Соборное Богослужение образцовым. Наш Кафедральный Собор задает тон и пример 66 приходам нашей епархии²⁰.

Владыка Гурий пишет письмо епископу Кировскому и Слободскому Вениамину с просьбой отпустить отца Серафима потрудиться в Среднеазиатской епархии, находившейся к тому времени в упадочном состоянии. Владыка Гурий ставил своей целью собрать возле себя пастырей-единомышленников для возрождения духовной жизни в епархии.

В ответ архиепископ Кировский и Слободской Вениамин писал владыке Гурию:

С большим сожалением и скорбью даю согласие на переход в Вашу Епархию иеромонаху Серафиму. Лишаюсь наилучшего своего сотрудника на Ниве Божией, но да будет Воля Божия»²¹.

Отец Серафим берет благословение на переезд у своей матери и в ноябре, уво-

лившись по собственному прошению с правом перехода в другую епархию, направляется в Среднюю Азию.

Приехавшему в Ташкент отцу Серафиму было предложено стать епархиальным секретарем при владыке, но он попросился на такое место, где можно было бы служить каждый день и быть поближе к людям. Владыка Гурий направляет его в Самаркандский храм Великомученика и Победоносца Георгия, где ему предстояло прослужить тридцать лет²².

Второй священник

3 декабря 1948 года отец Серафим приезжает в Самарканд с маленьким чемоданчиком и как раз поспекает ко всенощной под праздник – Введение во храм Пресвятой Богородицы. Батюшка вошел в храм во время вечерней службы. Он сразу встал на клирос и запел вместе со всеми. После всенощной престарелый настоятель храма – отец Петр Княжинский подошел к неизвестному иеромонаху и, поблагодарив его, сказал, что владыка уже давно обещал ему дать в Георгиевский храм второго священника. На что отец Серафим сказал, что он и есть тот самый священник, которого направил владыка Гурий: «Прошу любить и жаловать». «Жаловать мы вас будем, – отвечал отец Петр, – а вот любовь еще нужно заслужить».

Любовь эту батюшка очень скоро заслужил, он покориł всех своим вниманием и заботой, своей безотказностью, совершенно не думая о себе; заслужил своим веселым и общительным характером.

Батюшка поселился в помещении, находящемся между крещальней и комнатой, где проживал сам отец Петр. К приезду отца Серафима Свято-Георгиевская община представляла из себя небольшую, но сплоченную семью, основу которой составляли; настоятель отец Петр, монахиня Елецкого монастыря Иуния, монахиня Евдокия, монахиня Рафаила и староста Варвара Игнатьевна Зверева.

13 декабря отец Серафим получил справку о регистрации. Спустя несколько недель после своего назначения он пишет владыке Гурию из самаркандского храма:

Прошу Вашего Святительского благословения на мое новое место жительства! Слава Богу – прописали. Теперь я немного успокоился. Благодарю Бога, благодарю и Вас, Святой Владыка, за то, что меня устроили здесь. Я еще ко всему присматриваюсь, знакомлюсь со всеми окружающими. И первое впечатление такое, что хочется за все благодарить. Отец Петр встретил меня очень приветливо и во всем проявляет ко мне отеческую заботу. Матушки (монахиня Иуния и монахиня Евдокия и Рафаила) также проявляют большую заботу о моем устройстве. Умиленно-благодарственное настроение отца Петра и во время Богослужения и на келейной молитве и так в течение дня, очень трогательно и для меня приятно, так как я чересчур застыл в своем буквалистически-уставническом самодовольстве. Храм мне нравится. Службу можно бы кой чем скрасить. Вот двор производит не особенно хорошее впечатление; необходимо увеличить древонасаждения²³.

Спустя какое-то время стараниями отца Серафима весь двор храма был засажен цветами и декоративными деревьями. Возле окон его комнаты также были устроены клумбы с цветами, а на соседней веранде цвели его любимые голубые вьюнки. Отец Серафим не только сам любовался цветами, но и частенько одаривал ими сво-

их гостей. В теплое время года батюшки размещались на застекленной веранде, а с наступлением осенних холодов, переходя в комнаты, затапливали печи.

Отец Серафим горячо принялся за налаживание певческого дела на приходе. Он сумел не только организовать слаженный хор певчих, но и вовлечь простых прихожан участвовать в богослужениях. К концу 1949 года вечерами в воскресные и праздничные дни, при участии в пении всех молящихся, совершались вечерни и читались акафисты.

Через год с небольшим отец Петр Княжинский пишет владыке Гурию письмо, в котором просит его ходатайствовать перед Святейшим Патриархом о награждении отца Серафима палицей за ревностное служение. Отец Петр имел за плечами немалый жизненный опыт, и в этом письме он характеризует отца Серафима как пастыря доброго, всецело преданного служению Церкви Божией и как монаха высокого достоинства.

Переведясь в Самарканд, батюшка не прервал связи с Вятской епархией и своими прежними духовными чадами. Он не забывал свою бывшую паству и регулярно посылал им на адрес храма Пасхальные приветствия.

Сначала отец Серафим служил в самаркандском Свято-Георгиевском храме вторым священником, взяв на себя исполнение треб и помогая во всем престарелому отцу Петру. Храм располагался близ кладбища, и в него заносили отпевать усопших со всего города, а также обращались с различными требами. Своих забот у отца Серафима будто и не было, он жил радостями и бедами своих прихожан и духовных чад. Со временем батюшка знал практически весь свой приход; не было дома, в котором бы он не побывал²⁴. Очень часто его звали то соборовать, то причастить на дому, и он безотказно шел пешком, невзирая на дальность расстояния, и только просил дать ему провожатых – чтобы показывали дорогу к больному.

Отца Серафима стали сильно донимать больные ноги. Годы, проведенные в лагерьях, и травма – все давало о себе знать. Но как ни болел батюшка, как ни страдал от трофических язв на ногах – всегда шутил, всегда всех подбадривал. Службы в Георгиевском храме велись без выходных – по монастырскому уставу, и без сокращений; да и вся обстановка там была монастырской.

Свое молитвенное правило батюшка начинал в 6 часов утра. После него он торопился в храм и в алтаре около часа читал помянники и записки за живых и усопших. Затем начиналась служба: отец Серафим сам поет и читает и возгласы произносит, только алтарница – монахиня Рафаила прислуживает. Если же он не совершал сам Богослужения, все равно находился в храме и пел на клиросе.

После службы начинались многочисленные требы. Отец Серафим очень любил крестить и особенно венчать. Перед совершением таинств обязательно проводил беседы, а взрослых он крестил лишь после долгого предварительного собеседования и расспросов. Многие после таких бесед становились потом прихожанами храма. В первые годы служения, по просьбе владыки, отец Серафим много ездил по приходам епархии, помогая и там налаживать церковное пение. Тогда же он принял участие в издаваемом владыкой Гурием «Епархиальном Вестнике» и сам писал для него многие статьи. В 1950 году на Пасху отец Серафим был награжден Святейшим Патриархом Алексием грамотой, которая висела в рамке под стеклом в его келье.

Это были годы, когда в Самарканде собрались особые священнослужители.

Первые пять лет служения отца Серафима совпали со служением архимандрита Ермогена (Голубева), который был тогда настоятелем в соседнем храме – Покровском соборе. За эти годы они хорошо узнали друг друга. Архимандрит Ермоген любил приходить в гости к отцу Петру и батюшке Серафиму, и они засиживались вечерами за беседой. Выезжая в Ташкент, отец Серафим останавливался у архимандрита Бориса Холчева. Сам он упоминал, что они с отцом Борисом исповедовались друг у друга. В 1953 году на место архимандрита Ермогена был назначен священник Сергей (Никитин), ставший позже епископом Калужским и Боровским Стефаном. В эти же годы частым гостем в Свято-Георгиевском храме был протодьякон Алексей Шенрок, высланный за религиозные убеждения из Москвы в Среднюю Азию.

В минуты отдыха отец Серафим занимался самообразованием, много читая духовные книги и классическую литературу. Он выписывал «Журнал Московской Патриархии» и богословские труды. Мысль получить полное духовное образование, прерванное в 1928 году, не оставляла его. В декабре 1952 года отец Серафим отправляет свои документы для поступления на заочный сектор в Ленинградскую Духовную Академию и начинает серьезно готовиться к поступлению, но что-то опять помешало этому.

В 1953 году Великим постом умирает мать отца Серафима, которую он очень любил. Ему не удалось выехать на ее похороны, о чем он скорбел.

В феврале 1953 года владыка Гурий покидает епархию, а его преемником становится хорошо знакомый отцу Серафиму архимандрит Ермоген (Голубев), хиротонисанный во епископа.

12 июля 1953 года, по благословию Святейшего Патриарха Алексия, ко дню святой Пасхи иеромонах Серафим был возведен владыкой Ермогеном в сан игумена.

За время своего служения батюшка Серафим был награжден четырьмя Патриаршими грамотами. В 1954 году его назначают сначала временно исполняющим обязанности благочинного вместо престарелого отца Петра, а через два года утверждают в этой должности²⁵. В апреле 1956 года его назначают членом Епархиального Совета. Владыка Ермоген несколько раз намеревался переместить отца Серафима настоятелем то в Фергану, а то в соседний Покровский собор, но отец Петр всякий раз упрашивал его оставить при нем отца Серафима. В письме отца Петра к владыке есть такие строки:

Я, конечно, мог бы писать Вам о том, что лично для меня, старика, необходим такой помощник, как о. Серафим, так искренне и простодушно оберегающий мою старость, но предоставлю ему самому высказаться по вопросу возможного его перемещения²⁶.

6 мая 1956 года, во время поездки по самаркандскому благочинию, владыка Ермоген посетил Свято-Георгиевский храм. В этот день по случаю храмового праздника, в присутствии всех священников благочиния, владыка совершил Божественную Литургию и возложил палицу на игумена Серафима.

В июне 1958 года отец Петр Княжинский скончался. После этого вся община пишет письмо в Ташкент владыке Ермогену с горячей просьбой – утвердить отца игумена Серафима настоятелем осиротевшего прихода:

Отец игумен Серафим не только знает имена почти всех прихожан от мала до велика, но он и души наши знает, т.к. в течение 10 лет был духовником почти всей нашей общины. В лице дорогого и любимого всеми отца Серафима мы боимся потерять <...> нашего молитвенника и ко всем доброжелателя, потеря которого тяжело отразится на духовной жизни и сплоченности нашей общины²⁷.

После кончины отца Петра матушки Иуния и Евдокия переселяются в его комнату, находящуюся по соседству с помещением батюшки Серафима, где и будут жить до самой своей кончины. В ноябре владыка утверждает кандидатуру отца Серафима настоятелем Свято-Георгиевского храма. В этом же году, ко дню освящения Кафедрального собора в Ташкенте, по представлению владыки Ермогена, Святейший Патриарх Алексей наградил батюшку крестом с украшениями. 31 мая 1959 года владыка Ермоген приехал в Свято-Георгиевский храм для служения, а также для награждения игумена Серафима митрой и возведения его в сан архимандрита, приуроченных ко дню светлой Пасхи.

В том же 1959-м, на тридцатом году монашества, у батюшки началась тяжелая сердечная болезнь, не отпускавшая его до конца дней. Стали сказываться последствия травмы, полученной в лагерях. У него на ноге открылись две незаживающие раны, из-за которых он вынужден был совершать службы, стоя на здоровой ноге, испытывая при этом сильные боли. Когда становилось совсем плохо, позволял себе присаживаться на время молебна.

У батюшки было заведено: все, кто желал помолиться, могли собраться к нему на вечернее правило и на благословение. Перед началом послушница звонила в колокольчик, все собирались на террасе. Затем батюшка приглашал всех в первую комнату кельи, становился перед иконами в уголке, и все вместе пели «Царю небесный», тропари св. Великомученику Георгию, преподобному Сергию. Батюшка же поминал имена своих близких и всех присутствующих. Затем все по очереди подходили к батюшке; он держал в руках икону св. Великомученика Георгия с клеймами, благословлял каждого и давал приложиться к ней. После этого все шли в келью к батюшке на правило.

По окончании молитв батюшка молился о всех присутствовавших, называя каждого по имени. После этого все подходили под благословение к батюшке и прикладывались к лежащему на аналое распятию. Затем отец Серафим брал икону Богоматери Иверскую и снова благословлял каждого иконой, давая приложиться к ней, называя при этом каждого по имени. Когда участники вечерних молитв расходились, отец Серафим брал икону Георгия Победоносца и обходил с нею всю территорию храма.

Новые преследования

В конце 1950-х вновь начались притеснения верующих, и для многих открыто посещать церковь стало трудно. Поэтому к батюшке частенько подходили люди с просьбой обвенчать или же покрестить, но тайно, чтобы никто не видел. Отец Серафим с пониманием относился к этим просьбам и всегда шел навстречу

таким людям, хотя он сам при этом тоже рисковал. Были случаи, когда батюшку пытались подловить при совершении «подпольных» таинств и даже подсылали к нему специальных людей.

21 мая 1960 года владыка Ермоген в последний раз посетил самаркандский Свято-Георгиевский храм, где присутствовал за Литургией и совершил молебен Св. Ап. Иоанну Богослову. Вскоре архиепископа удалили из Ташкентской епархии, а после этого власти взялись за его единомышленников.

На страницах местной газеты «Ленинский путь» начинают печататься статьи клеветнического характера, порочащие духовенство города. И предметом их особых нападок стали архимандрит Серафим и настоятель соседнего Покровского собора – игумен Нифонт (Андрусевич)²⁸.

В декабре 1960 года в самаркандский горсовет, уполномоченному и в редакцию «Ленинского пути» были разосланы письма с ложными обвинениями и жалобами на отца Серафима и настоятеля Покровского собора – отца Нифонта, а также с предложением лишить их регистрации, а Свято-Георгиевский храм закрыть. Отреагировав на это письмо, газета опубликовала статью под названием «Жизнь берет свое», где священникам предъявлялись нелепые и несправедливые обвинения²⁹. Дошло до того, что община Свято-Георгиевского храма была вынуждена встать на защиту своего настоятеля, написав обстоятельное и подробное опровержение, для чего было собрано более трехсот подписей прихожан.

В январе 1961 года, перед Великим постом, пришло новое испытание: отца Серафима, как благочинного, вызвал к себе самаркандский уполномоченный. Он потребовал сведения о доходах и статистике посещаемости всех самаркандских церквей. Через месяц он снова вызвал отца Серафима и уже на повышенных тонах потребовал перед началом Великого поста объявить, чтобы молодежь в церковь не ходила. Отец Серафим ответил, что он этого объявлять не будет, и сослался при этом на действовавшее законодательство.

Поняв, что ни уговорами, ни давлением на отца Серафима воздействовать нельзя, уполномоченный решил вопрос иначе. Вызвав батюшку в третий раз, он стал обвинять его в том, что тот заманивает в церковь молодежь, занимается вымогательством и что он незаконно приобрел дом для церкви и для причта... В конце беседы уполномоченный заявил отцу Серафиму, что в Среднеазиатской епархии ему отныне нет места, и отобрал справку о регистрации. Случилось это Великим постом – 11 марта 1961 года, за несколько недель до светлого праздника Пасхи³⁰. Вслед за тем уполномоченный отобрал справки о регистрации еще у двух настоятелей самаркандских храмов.

На двери Свято-Георгиевского храма был повешен большой замок. С 11 по 25 марта богослужения не совершались. Не имея возможности попасть внутрь храма, люди становились лицом к алтарю, под навесом с северной стороны храма. Прихожане служили «чин обедницы» и читали акафист святому Великомуученику Георгию Победоносцу. На эти молитвенные воззвания постоянно собиралось по 30-40 человек.

По указанию владыки Гавриила 27 марта в Самарканд был откомандирован священник Свято-Сергиевского молитвенного дома города Фергана – Николай

Моргун. Он принял у батюшки Серафима дела по Свято-Георгиевскому храму. Самаркандское благочиние было тогда объединено с Ферганским, а общим благочинным был утвержден архимандрит Клавдиан (Моденов).

Отец Серафим оказался за штатом и не мог далее служить. Под вопросом оказалось существование самого храма. Это был удар и для отца Серафима, и для монахинь, служивших при церкви, а также для всех прихожан. Началась битва за храм, так как власти планировали в дальнейшем использовать помещение церкви под детский сад, а его общину объединить с общиной Покровского собора. Чтобы помешать закрытию храма, верующие установили дежурства, проводя все дни в его стенах. Члены «двадцатки» (приходского совета) стали каждую неделю ходить к городским властям с просьбой открыть храм. В его защиту были собраны подписи около 5 тысяч верующих.

Пасхальную службу провел присланный священник Николай Моргун в сослужении иерея Кодрата Малахова, а отец Серафим всю ночь стоял на клиросе вместе с певчими. Теперь архимандрит Серафим числился при Свято-Георгиевском молитвенном доме как вольнонаемный регент, хотя для членов общины он продолжал оставаться негласным настоятелем³¹. Посланцы от общины неоднократно ездили с просьбами в Ташкент, но возвращались ни с чем. Батюшка Серафим написал прошение на имя Патриарха. Прихожане писали письма в разные инстанции, староста храма с бумагами и документами поехала в Москву, чтобы обратиться в Совет по делам религий. Официально храм не был закрыт, а нового настоятеля не назначали. Регулярные службы священниками в храме не велись. Чтобы службы в церкви не приостанавливались, по благословению отца Серафима миряне совершали службы без литургии «чин обедницы». Сам батюшка у себя в келье, тайно, продолжал ежедневно служить Литургию на антиминсе. Отец Серафим пишет в те дни: «Положение наше ничего утешительного не предвещает. По прежнему, будем жить одним днем. Что Бог даст!»³².

В храм присылали временно то одного, то другого священнослужителя. После священника Николая Моргуна почти все лето исполнял обязанности настоятеля неопытный священник Кодрат Малахов, а с сентября по декабрь священник из Ташкента – протоиерей Александр Кошкин.

В мае 1962 года батюшке по почте пришло сообщение о его реабилитации, в котором говорилось, что приговор Кировского областного суда от 19 ноября 1939 года, которым отец Серафим был осужден по ст. 58-10, постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 5 мая 1962 года отменен. Отец Серафим подал документы на оформление пенсии, так как в силу сложившихся обстоятельств он остался без средств к дальнейшему существованию.

Весной уполномоченный вызвал к себе члена «двадцатки» М.Е. Москалец и сообщил ей, что он отбирает справки о регистрации у старосты храма В.И. Зверевой, у матушки Евдокии. Москалец уполномоченный назначил новой старостой, и ей было поручено следить за порядком в Свято-Георгиевском храме.

Отец Димитрий Козулин и матушка Антонина в то лето как раз собирались венчаться, и батюшка Серафим пошел навстречу молодым. Он тайно обвенчал их, хотя в той ситуации это было довольно рискованно. О назначенном дне были оповещены только самые близкие и доверенные люди. К вечеру, когда ворота храма были

уже закрыты, со стороны заднего двора была приставлена лестница, и все собравшиеся украдкой перелезали по ней через забор, чтобы проникнуть в помещение церкви для совершения таинства. Здесь их ожидал батюшка Серафим. Венчание совершалось при закрытых дверях³³.

Все лето и осень отец Серафим числился наемным певчим и руководителем церковного народного хора. Но городские власти не успокаивались и выражали недовольство, что батюшка Серафим, оказавшись за штатом, продолжает проживать в Самарканде, и пытались воздействовать на него через владыку Гавриила. Под давлением властей владыка Гавриил написал письмо отцу Серафиму, где советовал ему покинуть пределы епархии. В ответном письме отец Серафим, выражая готовность последовать этому совету, спрашивал: «Но кто останется здесь? Хора нет, ответственного и могущего руководить службой нет. Храм падет. Все эти соображения заставляют меня оставаться здесь»³⁴.

С 7 декабря 1961 года отец Серафим взял не использованный за два года отпуск и по совету владыки поехал к себе на родину. Он остановился в Кирове у своей единственной к тому времени родной сестры. Там он прожил ровно два месяца, пробовал ходить к местному уполномоченному, в надежде получить место в одном из Кировских приходов, но в этом ему было отказано в категорической форме³⁵.

Указом владыки Гавриила от 31 декабря 1962 года отец Серафим был уволен за штат, с правом служения в другой епархии.

Вернувшись из Кирова, он стал совершать богослужения в помещении храма по ночам. По договоренности после 12 часов к нему тайно приходили две певчие, мать с дочерью, жившие неподалеку, и они при закрытых дверях втроем пели, а батюшка служил Литургию.

После того как его лишили регистрации, официально он мог служить либо певчим, либо регентом, но только не священником. Состояние неопределенности мучило отца Серафима, но он решает все-таки остаться в самаркандском храме. На это его решение повлияло то, что он обещал упокоить старицу, матушку Иунию, находившуюся фактически при смерти³⁶.

Для того чтобы в храме велись постоянные службы, благочинный – архимандрит Клавдиан (Моденов) предложил рукоположить во священники молодого диакона из Покровского собора – отца Александра Керимова. В сентябре 1963 года отец Александр становится вторым священником в Покровском соборе и приходит служить в Георгиевский храм, так как в это время служить было некому. В декабре 1962 года владыка Гавриил направляет отца Серафима временно послужить на Рождественские праздники в Каган, а в 1963 году батюшка возвращается в самаркандский Свято-Георгиевский храм. Великим Постом он уже служит на 12 Евангелий, на вынос плащаницы и в Великую субботу, а три дня Пасхи служил отец Александр (Керимов) из Покровского собора. Пасхальные празднества встретили радостно, и народу на них собралось много.

Отец Серафим оставался тайным лидером общины. Перед Новым, 1964-м, годом члены общины пошли к самаркандскому уполномоченному с просьбой о разрешении послужить на Рождество и заодно выяснить, как решается вопрос, касающийся неопределенного положения храма. Уполномоченный ответил, что его как раз вызывают в Ташкент по этому поводу. Батюшка Серафим писал в те дни:

По милости Божией и по молитвам св. вмч. Георгия еще один праздник светло отпраздновали. Правда, предварительно немало поволновались. Разрешили служить на 7-е и 8-е января. Народу было много, особенно у обедни 7-го. Пели и народ и на клиросе. Вечером пришли и Фаина Петровна и Катюша, так что пение особенно удалось. Служил молодой отец Александр Керимов. Словом Праздник получился хороший! Господь снова утешил рабов своих!³⁷

22 января в Георгиевский храм наконец пришло радостное известие, которого все давно ждали с нетерпением. Согласно прошению Церковного совета храма, владыка Гавриил назначил отца Александра Керимова исполняющим обязанности настоятеля.

Но в марте 1964 года отца Серафима и всех проживающих на церковном дворе вызвали в самаркандский горсовет и предложили под угрозой передачи дела в суд в пятидневный срок освободить занимаемые помещения. Власти пытались оказывать давление на председателя Церковного совета общины, вынуждая ее согласиться с их требованиями, говоря, что Великий пост и Пасху еще дадут послужить, а далее храм все равно закроют. Дело в том, что городскими властями снова был поднят вопрос о слиянии Свято-Георгиевского прихода со Свято-Покровским, чтобы в городе остался только единственный действующий храм. Но архимандрит Серафим с монахинями решили не покидать территории своей церковной ограды. Батюшка в свою очередь потребовал письменного распоряжения с объяснениями, но так как власти действовали незаконно – дальше запугиваний и угроз дело так и не пошло³⁸.

В ноябре того же года матушка Евдокия решила написать владыке Гавриилу письмо, в котором просила его разрешить отцу Серафиму служить, хотя бы заменяя отца Александра в его отсутствие, а позже – оставить отца Серафима вторым священником³⁹. (Отец Александр Керимов выезжал два раза в год по вызову Московской Духовной Академии для сдачи экзаменов, и храм на несколько недель оставался без священника.) В декабре Церковный совет вновь обратился к владыке с этой же просьбой, но тот пока выжидал с решением.

Прошло четыре года мытарств и ожидания, и наконец, приказом владыки от 29 марта 1965 года, заштатный архимандрит Серафим временно назначается вторым священником Свято-Георгиевского храма. Самаркандский уполномоченный не решался самостоятельно дать отцу Серафиму постоянную регистрацию. Тогда батюшка сам пишет в Москву письмо, где обращается с прошением на имя Председателя Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР В.А. Куроедова, прося содействия в восстановлении его в служении. Свое письмо он заканчивает словами:

Считая, что четыре года лишения служения срок немалый и для больших преступлений (каковых я за собою не знаю), прошу Вашего содействия в восстановлении меня в служении. И хотя мои силы и здоровье за это время заметно пали, думаю, что в небольшом приходе я мог бы еще послужить⁴⁰.

25 июня 1965 года в жизни общины происходит долгожданное событие – Георгиевская община и ее исполнительный орган наконец-то были зарегистрированы Уполномоченным по делам культов Самаркандской области. 20 января 1966 года был заключен договор с Горсоветом о пользовании храмом и культовым имуществом. А 25 августа 1966 года указом владыки Гавриила отец Серафим был восстановлен в должности настоятеля Свято-Георгиевского храма⁴¹.

Последние годы

Батюшка вновь приступил к своим обязанностям в должности настоятеля, но вскоре случилась другая беда, сильно испугавшая весь приход. Еще в 1964 году у отца Серафима на ноге открылась трофическая язва. Но, несмотря на это, он не оставлял служения в храме. И вот теперь болезнь снова заявила о себе.

Осенью 1967 года батюшка слег. Община срочно обратилась с письмом к владыке Гавриилу, известив его о случившемся. Врачи прописали батюшке постельный режим. Матушка Евдокия заботливо ухаживала за ним. Но отец Серафим, игнорируя советы врачей, вскоре снова встал на ноги и весь следующий год прослужил практически один. Превозмогая боль, он вернулся к прежнему ритму жизни, стараясь успеть сделать как можно больше. В апреле 1972 года он берет отпуск, чтобы поехать в Москву: здесь для него нашли врача, согласившегося заняться излечением язвы на ноге.

В 1968 году исполнялось двадцать лет, как батюшка Серафим приехал в Самарканд. Чтобы отметить его безупречное служение, община Свято-Георгиевского храма приобрела крест с украшениями и преподнесла в дар батюшке.

В июне 1969 года отец Серафим ездил в Каган, неподалеку от Бухары, где по поручению владыки освятил новопостроенный Покровский храм. В эту поездку батюшка взял с собою молодого помощника – Дмитрия Козулина: он тогда начинал готовить его как своего преемника, способного после него возглавить приход церкви. Настоятелем в Каганском храме был молодой священник – отец Павел Адельгейм, которому чудом удалось привезти из Москвы старинный иконостас.

Частыми гостями у отца Серафима были дети. Он всегда радовался, когда они приходили в храм, спрашивал у родителей, «как чувствуют себя детки», помнил всех и передавал им гостинцы. Не раз он собирал детей после службы и, пообщавшись с ними, выносил им из своей кельи или детские книжки, или сладости. Помогал он порою соседским детям делать домашние задания.

Обстановка комнаты, в которой жил отец Серафим, была очень простой. Над входом в комнату висела репродукция «Сикстинской мадонны» Рафаэля. «Красный», или молитвенный угол с образами, письменный стол с ящиками для книг и бумаг, на котором всегда стояла фотография его матери; круглый обеденный стол, платяной шкаф, стулья, легкая переносная ширма, кровать и небольшая софа. В проеме между окнами – старинный барометр. На стенах были развешаны портреты Оптинского старца Амвросия, патриархов Тихона, Алексия и Пимена, а также Патриаршие грамоты, которыми был награжден батюшка. Отдельно висел фото-портрет его предшественника – настоятеля отца Петра Княжинского.

Отец Серафим тонко чувствовал красоту Божьего мира; особенно любил живые цветы. При нем вся территория вокруг храма была обильно засажена различными видами цветов. Приехав в самаркандский храм, батюшка завел общие тетради, в которых на протяжении многих лет регулярно вел каждодневные записи своих наблюдений за природой. Помимо температуры и осадков тщательно записывал, в каких числах распускались цветы и зацветали деревья, какие появлялись плоды или ягоды, когда пролетали журавли, появлялись ласточки и начинали петь лягушки.

При всей своей занятости, батюшка всегда находил время для чтения. У него

была очень хорошая библиотека духовной и классической литературы, пользоваться которой могли также и его духовные чада. Собирал отец Серафим и сведения по истории самаркандского Свято-Георгиевского прихода, о священниках, служивших в нем с 1923 по 1945 годы. Было у батюшки и немало самиздатовских книг и брошюр: книги духовного содержания были редкостью, их перепечатывали или же просто переписывали от руки.

Посещали отца Серафима и миряне; например, супруга известного писателя А. Лахути – поэтесса и переводчик с персидского на русский язык «Шахнаме» Цецилия Бенциановна Бану*. Она брала у отца Серафима книги духовного содержания и часто беседовала с ним. Ею было написано стихотворение, посвященное храму свт. великомученика Георгия в Самарканде и архимандриту Серафиму:

К тебе отовсюду, куда б ни ушла я,
всегда возвращаюсь незримо.
Обитель Георгия, сердцу родная, –
да будешь ты Богом хранима!
Ты скитом зеленым глядишь; вспоминаю
тот запах весенний жасмина,
тот шелест листвы – и твержу не смолкая:
да будешь ты Богом хранима!
Где сад, там соловушки... лишь запоют
пред Таинством: «Глас херувима», –
знакомый твой клирос пред взором встает, –
да будешь ты Богом хранима!
Здесь с верою – новую жизнь начиная,
искала отца Серафима.
Из этих ворот выходила иная, –
да будешь ты Богом хранима!
Отец Серафим, в каждом видя родного,
старался помочь ощутимо.
Не знала обитель второго такого, –
да будешь ты Богом хранима!
Здесь молится паства, унынья не зная,
в усердии неумоима.
И верю, тебе говорю не одна я –
да будешь ты Богом хранима!

Одна за другой уходили из жизни верные члены общины. Не стало матушек – Анны, Софии и Рафаилы. В 1967 году скончалась матушка Иуния – старица, считавшаяся основательницей общины, ради которой когда-то батюшка решил остаться в храме. В 1978 году не стало алтарницы инокини Марии и матушки Евдокии, бывшей на протяжении многих лет его верной и неумоимой помощницей. Матушка Евдокия скончалась последней. Она была из числа тех, кто к приезду отца Серафима в Самарканд составлял ядро Свято-Георгиевской общины.

Ко дню Святой Пасхи 1972 года отец Серафим был награжден правом служения Божественной Литургии с отверстыми вратами – до «Херувимской песни», а

* Цецилия Бенциановна Бану-Лахути (1911–1998) – переводчица. Училась на курсах востоковедения, на персидском отделении, отправилась в Среднюю Азию, жила в Самарканде, где настолько освоила таджикский язык, что работала диктором на радио. (Прим. ВС.)

в 1977 году Святейший Патриарх Пимен наградил его правом ношения второго креста с украшениями.

Новый владыка – Варфоломей (Гондоровский), приезжая в Самарканд, обязательно останавливался у отца Серафима. Вообще все владыки, с 1944-го до 2011 года, имели обыкновение останавливаться на ночлег в Свято-Георгиевском храме. Комната батюшки Серафима после его кончины была немного переоборудована для встречи владык и гостей и до сих пор так и называется «владычней».

Владыка Варфоломей относился к батюшке Серафиму очень уважительно и тепло, обращаясь к нему не иначе, как «дорогой старче». Не замечая времени, они могли просидеть за беседой до рассвета, а после бессонной ночи начать служить Литургию. В 1975 году к архимандриту Серафиму приезжал из России церковный историк С.А. Зегжда*. Он специально посетил Самарканд, чтобы пообщаться с батюшкой, как с одним из немногих уцелевших активных членов Александро-Невского братства. В том же 1975 году, в ноябре, отец Серафим ездил в Ленинград, остановившись у С.А. Зегжды, и в последний раз побывал в местах, где прошли его юные годы.

Еще с того времени, когда настоятелем был отец Петр, в общине праздновались дни ангела священников. По традиции, после богослужения все самаркандские священнослужители, пришедшие поздравить батюшку, собирались на веранде. Отец Серафим просил в такие дни не дарить ему подарков, но просил певчих исполнить для него любимое место из тропаря Троицы постной, поющеся в Неделю о блудном сыне: «Объятия Отча отверсти ми потщися...».

Отец Серафим постоянно помогал нуждающимся. Батюшка часто получал денежные переводы от благодетелей и разных лиц, но эти деньги у него не задерживались. У него на столе лежала целая кипа чистых бланков на денежные переводы, и всякий раз его верная помощница, Нина Михайловна Сакмаркина, идя в город, отправляла по указанным адресам батюшкины деньги. Он посылал их семьям священников, сидевших в тюрьмах или лишенных уполномоченными права служить, рассылал их бедным и нуждающимся и в монастыри. Мне рассказывали старые прихожане, что когда в их семьях были сложные жизненные обстоятельства, то они находили у себя в почтовых ящиках конверты с деньгами – и только спустя время догадывались, что это была помощь от батюшки Серафима.

Отец Серафим по характеру был оптимистом. Часто называл себя веселым монахом, а своих духовных чад призывал чаще радоваться в жизни, жить проще и смиряться. Уже после его ухода монахиня-алтарница и староста храма рассказывали, что когда отец Серафим стоял в алтаре коленапреклоненный и молился, то молитва его всегда была пламенной. Во время молитв в алтаре он часто плакал, во время проповеди и при чтении Евангелия не мог сдержать слез. Проповеди его были вдохновенными и наполненными внутренним горением. Отец Серафим никогда не пользовался готовыми напечатанными текстами, хотя заранее делал за-

* Сергей Андреевич Зегжда (р. 1935) – ученый, доктор физико-математических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной механики Санкт-Петербургского государственного университета. Его мать, Варвара Сергеевна Зегжда, и тетя, монахиня Сергия (Заспелова), были активными братчицами Александро-Невского братства, а сам С.А. Зегжда был духовным чадом протоиерея Петра Гнедича (служившего в конце 1940-х в Ташкенте). Автор книги «Александро-Невское братство: добрым примером, житием и словом». – [Набережные Челны]: Новости мира, 2009. (Прим. ВС.)

писи для предстоящих проповедей. Очевидцы вспоминают, что он цитировал Евангелие наизусть, а также акафисты и каноны. Входя в храм, он ежедневно ставил двенадцать свечей, к некоторым образам – постоянно, а к остальным – по одному ему известному правилу. После кончины батюшки в его келье на столе осталась коробочка с деньгами, на которой была надпись «на свечи». Со дня кончины отца Серафима из этой коробочки ежедневно брали деньги и ставили на них двенадцать свечей, как это делал он сам при жизни, и денег хватило ровно на сорок дней.

В последние годы жизни он был вынужден присаживаться или ставить больную ногу на скамеечку. Если же по какой-либо причине он сам не совершал Божественную Литургию, то все равно был в храме и пел на клиросе. А когда болезнь не позволяла ему покинуть стены кельи, он садился у раскрытого окошка, неподалеку от алтаря, чтобы слышать службу.

К осени 1978 года батюшка снова занемог. Ложиться в больницу он не стал. С октября по декабрь он принимал усиленное лечение, но без особого результата; ему становилось все хуже. 30 декабря церковный совет направил владыке Варфоломею срочную телеграмму, в которой сообщалось об ухудшении состояния настоятеля. Несколько позже сам отец Серафим продиктовал текст телеграммы для владыки: «...Из-за участвовавших в последнее время сердечных приступов я не могу дать гарантии, что вообще смогу служить. Прошу Ваших распоряжений. Ваш смиренный послушник архимандрит Серафим».

На праздник Рождества Христова в январе 1979 года, уже сильно ослабевший, отец Серафим служил вместе с отцом Димитрием Козулиным. В Рождественскую ночь народу в храме собралось много и было очень душно. Решили открыть верхние окна. Отец Серафим простудился, началось воспаление легких. Батюшка слег. Во время приступов его рубашка становилась мокрой, но он стеснялся говорить об этом тем, кто ухаживал за ним. Всем, кто переодевал его и лечил, он целовал руки. Сердечные приступы, следовавшие один за другим, были тяжелыми, и каждый раз казалось, что наступают последние минуты. Батюшка терпел – ни стона, ни жалобы. Последние сорок дней он почти не поднимался с постели. Болезнь обессилила его, но он настаивал, чтобы к нему впускали людей для напутствия и благословения.

Последние несколько дней приступы шли подряд; те, кто ухаживал за батюшкой, почти не спали. Одна из ран на ноге стала затягиваться, и батюшка сказал, что это к концу. 20 февраля у него начался отек легкого, а изо рта пошла кровавая пена. Когда возле него собирались помолиться, он просил обращаться к Иверской Божией Матери. В 12 часов ночи он попросил всех выйти, сказав, что хочет поспать. Когда подошли к нему около 2-х часов, он уже не дышал⁴². Случилось это 21 февраля 1979 года.

Весть о кончине архимандрита Серафима разнеслась быстро. Обстоятельства не позволили приехать в Самарканд владыке Варфоломею, но, по его указанию из Ташкента были посланы священники, чтобы проводить в последний путь пастыря, отдавшего большую часть своей жизни служению Господу и людям. Из Москвы прилетел племянник матушки Евдокии – А.П. Арцыбушев. День был пасмурный. Батюшка лежал в гробу, обитом парчой. После того как в храме была отслужена

Литургия и отпевание, процессия неспешно вышла во двор. Впереди женщины несли запрестольный крест и икону Богоматери, за ними шел диакон, кадя перед гробом. Все прошли под звонницей и, выйдя на улицу, повернули в сторону кладбища. Люди на руках пронесли гроб до самого места захоронения. По благословению епископа погребение было совершено протоиереем Георгием Касперским и самаркандскими священниками Георгием Хорунжим и Димитрием Козулиным. Настоятель Покровского собора игумен Сергей (Рябцев) сказал на похоронах: «Отец Серафим всегда ходил перед лицом Господа, научая свою многочисленную паству любви к Богу и людям, и повседневному сознанию вездесущия Божия».

Похоронили отца Серафима на кладбище недалеко от церкви, в одной ограде с дорогими и близкими его сердцу людьми – отцом Петром Княжинским, монахинями Евдокией и Иунией. На надгробном камне решено было выбить фразу из любимого песнопения батюшки Серафима: «Объятия Отча отверзти ми потщися...».

Батюшка не оставил никакого завещания. Незадолго до своей кончины отец Серафим положил под стеклом на столе лист бумаги, с собственноручно им переписанным стихотворением Алексея Хомякова «Подвиг», которое лучше любого завещания наставляет нас и показывает, какое наследство мы должны принять от отца Серафима.

Подвиг есть и в сражении, подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг – в терпении, в любви и мольбе.
Если сердце заныло перед злобой людской,
Иль сомненье схватило тебя цепью стальной;
Если скорби земные жалом в сердце впились,
С верой бодрой и смелой ты за подвиг берись.
Есть у подвига крылья, и взлетишь ты на них,
Без труда, без усилья, выше страхов земных.
Выше крыши темницы, выше злобы людской,
Выше воплей и криков гордой черни земной.
Подвиг есть и в сражении, подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг – в терпении, в любви и мольбе!⁴³

Отца Серафима любили и уважали множество людей. Среди них была и его духовная дочь и верная помощница – Нина Михайловна Сакмаркина. После ухода батюшки она в течение нескольких лет постоянно ухаживала за его могилой, поддерживая порядок и поливая цветы, которые он так любил. Как одна из самых близких отцу Серафиму людей, теперь она продолжала заботиться о том, чтобы имя батюшки не было забыто. Считая необходимым написать о жизни дорогого пастыря, Нина Михайловна обратилась с просьбой к писателю Александру Трофимову, поведав ему то, что она знала и сохранила в памяти из воспоминаний самого батюшки. Александр Трофимов написал краткое жизнеописание отца Серафима, которое было опубликовано в 1992 году в епархиальной газете «Слово Жизни». Со временем уехав в Россию, Н. Сакмаркина увезла с собой личную переписку и фотоальбом батюшки Серафима. Она не только сохранила ценные воспоминания о нем, но и поделилась ими, и данное жизнеописание архимандрита Серафима было написано в немалой степени благодаря ей.

Воспоминания священника Виктора Панченко:

Архимандрит Серафим крестил меня в младенчестве. Я помню себя с трех лет, помню, как по воскресным дням и праздникам мы с бабушкой ходили в Свято-Георгиевский храм, где служил отец Серафим. Помню его добрые-предобрые глаза, тихий и ласковый голос... Его любили все прихожане. Его любили и птицы. Когда он выходил из храма во дворик, на его хрупкие плечи (он был невысокого роста) садились птички, и он их кормил с руки. Помню его наставления – не обижать животных, особенно птичек, у них (животных) ведь тоже есть душа. Да, помню, что для каждого из ребятишек в его кармане были или конфета, или печенюшка... А с какой любовью он благословлял людей, особенно деток! Все чистое, что во мне есть, – это от батюшки Серафима. Я через всю жизнь пронес уважение и любовь к нему. Позже, будучи сам священником, я был неоднократным свидетелем того, как к его могилке приходили узбечки и молились там, и сам слышал, что некоторые из них исцелялись от болезней.

Воспоминания регента правого хора Людмилы Жучковой:

Моя мама, Жучкова Ольга Никитична, во время войны была эвакуирована с тремя детьми из Минска в Самарканд. Так как она очень любила детей, ее взяли работать в детсад, где она протрудилась в течение сорока лет. Нашим семейным покровителем всегда был святой Георгий Победоносец. Олюшка – так величал ее батюшка Серафим, – посещала Свято-Георгиевский храм. Она пела на левом клиросе, и ее голос звучал словно колокольчик, – у нее было лирическое сопрано. При виде ее батюшка говорил: «Олюшка пришла – наш колокольчик». Батюшка Серафим неустанно учил народ пению, уделяя этому большое внимание. Изучал вместе со всеми гласы, молитвы и т.д. Много нот было записано им самим. Он по крупницам собирал правый хор и еще в поддержку организовал из прихожан левый хор. Правый хор пел по праздникам и воскресным дням, а левый – еще и в будни. В хоре пели не профессионалы, энтузиасты, но главное – все они любили церковное пение. Благодаря частым спевкам, которые непременно посещал сам отец Серафим, хор звучал прекрасно и отлаженно.

Игумен Серафим крестил меня в детстве и сам был моим крестным отцом. Уже пятилетней он благословил меня на «клирос». Я тогда, естественно, ничего не понимала в пении. Специально для меня к пюпитру приставляли скамеечку, чтобы я могла видеть ноты, и говорили: «Смотри! Мы вот здесь поем!». После службы я с плачем подходила к батюшке, так как не могла ничего разобрать. Но он успокаивал меня и говорил: «Все у тебя получится, не сразу Москва строилась. Вот увидишь, Людочка, – ты будешь прекрасной хористкой». Мне, ребенку, давали один рубль за вечернюю и утреннюю службы. Я не хотела брать деньги, но батюшка говорил: «Ты трудишься, стараешься, а это должно вознаграждаться».

Батюшка Серафим очень любил детей. Я бежала со своими подружками из школы не домой, а в церковь, к своему крестному отцу. Он усадит нас за стол, поставит чай, сухарики, и после этого начиналась у нас беседа. Батюшка расспрашивал об учебе, о прошедшем дне, ласково шутил. А перед нашим уходом он нарезал нам розы, и мы радостные бежали по домам. В день Ангела батюшка обязательно дарил

имениннику большую просфору и книгу какого-нибудь классика, которого мы проходили по школьной программе. Мне он подарил книгу с дарственной надписью: «Милой девушке Людушке от игумена Серафима». А когда в свое 16-летие я прибежала домой, меня ожидал большой сюрприз – новенькое пианино «Беларусь». Позже я узнала, что это батюшка помог деньгами моей мамочке приобрести для меня такой дорогой подарок.

После окончания школы у меня не было дилеммы, куда пойти учиться. Я окончила музыкальное училище по классу «хоровое дирижирование» и стала по благословению отца Серафима регентом правого хора. Благодаря ему я начала заниматься музыкой, и это стало делом всей моей жизни.

Батюшка Серафим ввел правило – по вторникам петь и читать Акафист святому Георгию Победоносцу, небесному покровителю храма. И люди приходили, чтобы вознести хвалу великому святому.

Правый хор пел за оплату. Как-то случилось, что бас, приглашенный петь из оперного театра, стал возмущаться низкой платой за свои труды, и тогда батюшка стал доплачивать ему из своей зарплаты. «Бас! Это украшение хора!» – говорил он. У самого батюшки Серафима был красивый баритон, и он обладал идеальным слухом и очень тонко слышал любую фальшь в звучании хора. Благодаря развитому вкусу и трудам батюшки, в храме всегда поддерживалось пение на должном уровне. «Только спевки, – говорил он, – могут исправить все».

Отец Серафим всячески поддерживал своих прихожан и морально и материально, хорошо зная свою паству. Народ стремился попасть к нему на исповедь, тянулся к нему. И все находили у батюшки внимание, утешение и ласку. Он был добрым и отзывчивым пастырем для всех прихожан. Весь народ шел к нему со своими наболевшими проблемами, и каждый получал ответ на свой вопрос. Отец Серафим умел терпеливо выслушать пришедших и все возникшие споры и конфликты решал мирно, считаясь при этом с мнением самих прихожан.

Он был очень трудолюбивым, усердным человеком; было непонятно, откуда он берет силы и когда отдыхает...

Воспоминания врача Валентины Ереминой-Базаровой:

Мы жили неподалеку от церкви. Батюшка Серафим крестил всех моих четверых детей, а также детей моих братьев. Он тайно помогал нашей семье, зная наше материальное положение. В трудные дни мы находили деньги в нашем почтовом ящике. Я тогда училась в медицинском институте. На окончание его батюшка подарил мне «Молитвослов» с дарственной надписью: «Помни и люби всегда Господа. 10 ноября 1962 года». В дальнейшем, работая врачом, я постоянно держала эту книжечку при себе. Находясь на дежурствах, читала молитвы из нее, а со временем дополнила ее другими молитвами.

Мне довелось лечить батюшку Серафима. У него была трофическая язва голени, на почве расширения вен. Требовалось длительное лечение. Я проводила это лечение в одном из церковных помещений, в крещальне, находящейся возле батюшкиной кельи. Отец Серафим присаживался на топчане, и я чуть ли не ежедневно меняла ему повязки и делала лечебные ванночки. Приходилось делать и более

сложные процедуры, различные блокады: по методу А.В. Вишневого и паранефральную блокаду. После такого курса моего лечения батюшка чувствовал облегчение и меньше страдал от своей болезни.

В 1974 году, в июле, мне самой потребовалось лечение, и батюшка благословил меня ехать вместе с мужем в Ленинград. Под Ташкентом наш самолет потерпел авиакатастрофу. Мы с мужем чудом остались живы. Я считаю, что мы остались целы и невредимы благодаря благословию отца Серафима.

В последний раз мы виделись с батюшкой накануне его смерти, в феврале 1979 года. Он принял меня вечером, и мы с ним побеседовали. Я подарила ему вышитую мною большую салфетку с 45 фестонами. Батюшка так любезно рассматривал и гладил каждый вышитый цветок. «Вы вышиваете без узелков, как французский король», – похвалил он меня. Батюшка благословил меня на прощанье, и мы расстались с ним. Под утро, как оказалось, отца Серафима не стало.

Сейчас, даже когда не читаю молитвы, подержу подаренный им «Молитвослов» в руках, и день у меня удачен. С тех пор я постоянно, ежегодно в Пасху, подаю на год за упокой дорогого батюшки Серафима.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эта история была записана А.А. Трофимовым со слов работницы Свято-Георгиевского храма Нины Михайловны Сакмаркиной, которой в свою очередь ее рассказал архимандрит Серафим.

² См.: Архимандрит Серафим (Суторихин). Личное дело. Архив Ташкентского Епархиального Управления. Оп. л/д 1. Ед. хр. 370. Л. 27.

³ Там же. Л. 27, 28.

⁴ Автобиография архимандрита Серафима. Личный архив автора.

⁵ См.: Архимандрит Серафим (Суторихин)... Л. 27, 28.

⁶ См.: Трофимов А.А. Прихожанин. Из жизнеописания архимандрита Серафима (Суторихина) // Слово Жизни. 1992. № 25 (39).

⁷ См.: [Гусева Э.К.] Русские списки И[верской] и [коны] / Иверская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000 – настоящее время, Т. 21. С. 8–22.

⁸ Личное дело архимандрита Серафима... Л. 27, 28.

⁹ Василий Александрович Фатеев (1868–1942) был последним регентом Казанского собора, в котором прослужил более тридцати лет.

¹⁰ См.: Трофимов А.А. Прихожанин...

¹¹ Дневник архимандрита Варлаама. Рукопись в общей тетради из архива монахини Евдокии (Екатерины Александровны Тимашевой).

¹² См.: Трофимов А.А. Жизнеописание архимандрита Серафима. Копия рукописи. (Личный архив автора).

¹³ См.: Архимандрит Серафим (Суторихин)... Л. 11.

¹⁴ Там же. Л. 27, 28.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 13.

¹⁷ См. об этом: «Участвовало в стяжении победы...» Документы о служении православного духовенства

Узбекистана в 1941–1945 годы. Публикация Е. Абдуллаева. – 2015. № 2 (XXXVII). С. 56–60.

¹⁸ См.: Архимандрит Серафим (Суторихин)... Л. 11.

¹⁹ Там же. Л. 1–3.

²⁰ Там же. Л. 4, 5.

²¹ Там же. Л. 14.

²² Там же. Л. 15.

²³ Там же. Л. 12.

²⁴ Там же. Л. 38.

²⁵ Там же. Л. 30–36.

²⁶ Письмо отца Петра Княжинского Владыке Ергогену. Архив Свято-Георгиевского храма.

²⁷ Архимандрит Серафим (Суторихин)... Л. 38.

²⁸ См.: Иринин А. Как отцы теряют паству // Ленинский путь. 11 июня 1960 г.

²⁹ Иосько М. Жизнь берет свое // Ленинский путь. 10 декабря 1960 г.

³⁰ См.: Архимандрит Серафим (Суторихин)... Л. 41–44.

³¹ Там же. Л. 48.

³² Архив Свято-Георгиевского храма.

³³ Записано автором со слов матушки Антонины Яценко.

³⁴ Архимандрит Серафим (Суторихин)... Л. 49.

³⁵ Там же. Л. 88.

³⁶ Там же. Л. 63.

³⁷ Архив Свято-Георгиевского храма.

³⁸ Архимандрит Серафим (Суторихин)... Л. 60, 61.

³⁹ Там же. Л. 63.

⁴⁰ Архив Свято-Георгиевского храма.

⁴¹ Архимандрит Серафим (Суторихин)... Л. 67.

⁴² См.: Трофимов А.А. Прихожанин...

⁴³ См.: Трофимов А.А. Жизнеописание архимандрита Серафима...

Всеволод СТРАТОНОВ

Туркестан

Главы из воспоминаний «По волнам жизни»*

Публикация, предисловие и примечания Татьяны КОТЮКОВОЙ

Физ[ико]-математ[ематический] факультет

Наш физико-математический факультет быстро разрастался и по численному составу, и по оборудованию. Не довольствуясь возможностями, представлявшимися в Москве, я поехал в Петроград, где, обосновавшись в доме ученых, объявил вызов профессоров и преподавателей, желающих войти в состав Туркестанского университета, а также обыскал местные магазины научных пособий, приобретая, что возможно, для университета.

Но в конце 1919 года я окончательно решил отказаться от Ташкента, так как уже состоял профессором Московского университета, а кроме того, был избран товарищем декана на факультете, заведующим делами математического его отделения, так как деканом был тогда химик А.Н. Реформатский¹, взявший в свое ведение естественно-историческое отделение.

На одном из ближайших факультетских заседаний Туркестанского университета я формально заявил, что решил не ехать в Ташкент, а потому слагаю с себя обязанности и профессора астрономии, и декана факультета.

Члены факультета попросили дать им возможность посоветоваться. После короткого совещания меня пригласили и объявили, что мое заявление принято к сведению, но что меня просят продолжать свои обязанности и как декана, и как профессора, заведующего кафедрой. Я согласился.

Работа на факультете шла у нас гладко и приятно. Настроение и направление были деловые, интриг и мелких счетов вовсе не существовало.

В первое время секретарем факультета был Конст[антин] Игн[атьевич] Мейер, молодой профессор ботаники. Милый и деликатный, он был приятным сотрудником, но страдал некоторой ленью. Было видно, что в Ташкент он решил не ехать, а потому и факультетским делом мало интересовался. Он сам, наконец, счел правильным сложить с себя секретарство.

* Окончание. Начало в №№ 4, 2016 – 1, 2017 (XLII); 2 (XLIII), 3 (XLIV), 4 (XLV), 2017; 1 (XLVI), 2018. Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-01-00504 «Воспоминания В.В. Стратонова «По волнам жизни» как источник по истории Российской империи и Советской России (научное комментирование)».

Тогда выбрали на эту должность молодого профессора химии Мих[аила] Ив[ановича] Прозина. Это был чрезвычайно приятный, деликатный и благородный человек, но без достаточной инициативы. Часто его приходилось подбадривать, и все же секретарские функции иной раз оставляли желать лучшего.

Один раз он на меня очень обиделся и среди заседания заявил о выходе в отставку. Так как это было сказано не во всеуслышание, а только мне, я, не понимая в чем дело, попросил его повременить и сначала переговорить со мною. Оказалось же следующее:

Наша профессура вообще, в частности и в этом университете, была мало знакома с административным порядком делопроизводства, а потому часто вносила дела на заседание экспромтом, без предварительной подготовки к слушанию. Я с этим постоянно боролся. На данном заседании Прозин протягивает мне какую-то бумагу, в которой поднимается важный вопрос, с просьбой о немедленном разрешении. Я с некоторым раздражением говорю факультету:

– Господа, я неоднократно просил не вносить дел на факультетское решение, не ознакомив с ними предварительно деканат! Между тем, вот опять мне дают важное дело, к рассмотрению которого мы не подготовлены.

После выяснилось, что эта бумага исходила от Прозина, и он разобиделся. В объяснении со мною говорит:

– Вы мне сделали выговор перед всем факультетом, вместо того чтобы сделать его с глазу на глаз!

– Вам? Да вы-то здесь причем?

Только тогда я узнал, что именно он автор злополучной бумаги.

Когда я ему объяснил, что мне не было известно, от кого исходила бумага, и что о выговоре ему и мысли не было, Прозин проявил полное благородство и оставался секретарем до конца пребывания в Москве.

Несколько хуже обстояло с пожилым профессором химии Серг[еем] Ник[олаевичем] Наумовым, особенно, когда он под конец был избран товарищем декана.

Пожалуй, это был тогда единственный неприятный член факультета. Беспокойный человек, мало с кем уживавшийся. Когда я работал еще в Научном отделе Наркомпроса, там создавался Химический институт, одним из членов коллегии которого был Наумов. Но через некоторое время он должен был подать в отставку. Я осведомился у других членов коллегии о причине. Мне сослались на его невозможный характер:

– Наумов хочет везде и всеми командовать!

Позже я убедился в справедливости этой характеристики. К тому же он обладал еще и другим едва ли положительным свойством – увлечением спиртными напитками, к чему в его распоряжении тогда, как у химика, были достаточные возможности.

Положительным же его качеством являлось то, что он сумел добыть достаточное количество оборудования для химической лаборатории, мастерски смазывая, где было нужно.

С той поры, как Наумов стал товарищем декана, на нашем факультете нача-

ли возникать небывалые раньше трения и даже интриги, и лидером в них всегда бывал Наумов. Он приобрел некоторое влияние на факультете в связи с тем, что я доживал свои дни в роли декана, так как оставался в Москве, а Наумов как заместитель декана должен был руководить факультетом в Ташкенте. Поэтому Наумов становился все развязнее и даже иногда угрожал мне:

– Не поднимайте такого-то вопроса, потому что все равно я его провалю на факультетском заседании.

Между прочим, Наумов как-то странно подружился с заведующим финансовой частью Н.С. Арсеньевым, и они постоянно хвалили друг друга. Впоследствии эта дружба еще дала о себе знать.

В другом роде беспокойство причинял А.А. Борзов. Это был просто идейный фантазер. Заседания он посещал редко и в деловой работе участия почти не принимал. Но когда появлялся на заседании, любил экспромтом поднимать разные сложные вопросы, по которым потом деканату приходилось много работать, чтобы под конец показать факультету их неосновательность или неисполнимость. А между тем и время, и труд затрачивались зря. Поэтому появление Борзова на заседании всегда меня смущало – сейчас будет поднят какой-нибудь фантастический вопрос...

Очень полезными оказались в факультетской работе несколько молодых членов, которые серьезно решили ехать и работать в Ташкенте: Э.К. Эпик, В.М. Комаревский, П.А. Баранов² и др.

Фильтровка

Чем дальше, тем яснее мне становилось, что сотенный состав университетского совета – лишь фикция. В него, между прочим, входило немало пожилых профессоров или таких, которые были окончательно устроены в Москве и которые столицу на Ташкент, конечно, не променяют. Ясно было, что они зачислились профессорами Туркестанского университета, не покидая своих московских постов, только номинально, чтобы получать лишнее жалованье. Они скрывали свои намерения, но разгадать их труда не составляло. Мой пример – открытое заявление, что в Ташкент я не поеду, – последователей не приобрел.

Я боялся, что, когда настанет момент двинуться в Ташкент, вместо сотенного состава видной профессуры, которую с таким нетерпением ждут в Ташкенте, окажется аравийская пустыня. Выйдет большой скандал...

Поэтому я стал настаивать в совете, чтобы была произведена окончательная анкета – кто едет и кто нет. При этом заявившие о намерении ехать уже являлись бы морально обязанными пред университетом исполнить свое обещание.

Мое предложение встретило сначала резкую оппозицию и в правлении, и в совете. Особенно горячился молодой профессор биологии С.И. Огнев:

– Неужели, – восклицал он, – профессора такие монстры, что, пообещав поехать в Ташкент, они после от поездки откажутся!

Тем не менее, мое предложение было настолько правильным, что сопротивление было сломано. Совет постановил произвести анкету именно по предложенной

мною форме. В этом решении я встретил горячую поддержку со стороны молодежи, решившей ехать. Пожилые же до конца сопротивлялись.

Анкета была произведена, и результат оказался трагическим. Почти все профессора отказались ехать и между ними наши столпы, более всего ораторствовавшие на собраниях. Одним из первых отказался С.И. Огнев... Осталась главным образом молодежь и только десятка полтора более пожилых. Это была своего рода катастрофа, но хоть стало явным то, что скрывалось.

На нашем факультете в числе отказавшихся были: Л.К. Лахтин, В.А. Костицын, А.А. Сперанский, К.И. Мейер, А.А. Борзов, петроградский механик Колосов и др.

Мы начали спешно заполнять образовавшиеся бреши и кое-что сделали. Все же в Ташкенте, где студенты следили за движением первого нашего эшелона и где публика собралась на вокзал торжественно встречать известных профессоров, испытали разочарование, увидев почти исключительно молодежь.

Переезд в Ташкент

А ехать в Ташкент несомненно было пора. Более чем двухлетнее сидение университета в Москве раздражало общественные круги в Ташкенте. Ждут, ждут, газеты без конца болтают об образовавшемся университете, а его все нет и нет.

Естественно, что на месте стало нарождаться и расти оппозиционное нам настроение. Оно стало принимать и реальные формы. Сначала сформировался народный университет, который стал проявлять определенную тенденцию объявить себя настоящим научным университетом, именно – долгожданным туркестанским университетом. Затем стали образовываться суррогаты факультетов; высшая медицинская школа, восточный институт, военный факультет, агрономическая высшая школа... Профессорами в них стали местные педагоги, врачи; офицеры генерального штаба, агрономы... Они стали ревниво относиться к ожидаемым москвичам, которые могли их дисквалифицировать и обратить в первобытное состояние. Они и поддерживавшая их общественность уже мало хотели прибытия московской организации:

– У нас уже есть университет, и никакого другого нам не нужно!

Возникла угроза трений, коллизий, при которых местная власть, вероятно, стала бы на сторону своих, а тогда вся власть была на местах. Сформированный нами университет мог отцвести, не расцветши.

Приезжавшие из Ташкента своими рассказами все более и более подтверждали основательность подобных опасений. Эта опасность была осознана нашим советом, и мы стали готовиться к отправке первого эшелона. Вот тут вспомнили и оценили мою предусмотрительность с анкетой: могло бы случиться, что некого было бы и отправлять.

Первый эшелон был, наконец, сформирован. Он занял целый санитарный поезд. По преимуществу ехали профессора и преподаватели медицинского факультета, а также отдельные представители других факультетов, вместе с их семьями. Несколько вагонов заняли под имущество – оборудование университета.

Комендантом поезда мы назначили проф. П.П. Ситковского, который мно-

го сделал по организации эшелона, умело одаривая, кого нужно, бутылками со спиртом.

Накануне отъезда устроили в поезде фестиваль, на который пригласили местные власти: начальника Брянского вокзала³, комиссара этой станции, несколько коммунистов рангом поменьше, но которые могли нам повредить... Затем в ужине участвовал и остающийся персонал университета.

По условиям того времени этот ужин был явлением выдающимся. На нем была в изобилии водка и даже, для избранных, несколько бутылок вина. В ту пору спирт и вино были недостижимым для простых смертных запретным плодом. Мы же водку сфабриковали из запасов спирта, отпущенных на химические и медицинские наши лаборатории. Составлением водки из спирта занялся Наумов со своими молодыми помощниками, и очень скоро выяснилось, что Наумов пробовал каждый раствор: он едва лепетал языком.

Труднее было с вином, его запасы поступали в распоряжение комиссариата здравоохранения. Им в изобилии пользовались партийцы, из влиятельных. Остальные могли им воспользоваться только по протекции или для медицинских целей. Ситковскому удалось получить партию вина для медицинских целей – на время путешествия санитарного поезда до Ташкента.

Все же ужин требовал и немалых расходов. Но тогда мало церемонились с советскими деньгами, и эти расходы очевидно вывели в счет расходов по перевозке университетского имущества на вокзал.

Мне потом рассказывали, какой интерес вызывал в Ташкенте этот поезд: в университете вывешивались таблицы, указывавшие его следование, несколько раз студенты раньше времени собирались на вокзале для встречи...

Первому эшелону сразу было нелегко. В Ташкенте был особенно острый квартирный кризис. Некоторые из прибывших провели две недели в вагонах, пока им не удалось найти пристанище в городе. Но кое-как всё же все устроились.

Таких эшелонов мы всего отправили, кажется, шесть, – в течение 1920 года.

Особенно памятна мне отправка четвертого эшелона.

Это происходило в осенний день, когда по Москве вдруг распространился слух об ожидаемом на этот вечер контрреволюционном восстании. Быть может, основания для таких опасений и были, но, благодаря принятым мерам, они не оправдались. Все время большевизма ведь происходили отдельные попытки сопротивления, однако невозможность сорганизоваться с достаточными силами обрекала эти заговоры на неудачу. В этот же вечер, когда мы пришли на Брянский вокзал, откуда отправлялись наши эшелоны, все входы и выходы в нем были заняты солдатами войск «особого назначения».

Небольшими группами пробирались мы, в полутьме, в глубину вокзальной территории, где, на запасных путях, вместе с другими подвижными составами, стоял наш санитарный поезд. Ночью или на рассвете он должен был двинуться в путь, и профессорские семьи уже в него переселились.

Для нашего прощального ужина был отведен «салон» в вагоне третьего класса, часть которого была занята отделениями – купе. Ввиду происходящего, во избежание соблазна, окна вагона были наглухо завешены, чтобы освещение не прони-

кало наружу. Впрочем, все освещение состояло из лампы, подвешенной к потолку, и нескольких свечей, вставленных в бутылки.

Пришло к нам и несколько коммунистов, между ними большевистский сановник второго ранга – Архангельский, председатель туркестанской правительственной комиссии, член всемогущего ВЦК⁴. Его присутствие объяснялось тем, что с этим эшелонном уезжал Н.А. Димо, а с последним у Архангельского были особые отношения. Когда-то Архангельский, разыскиваемый жандармами, нашел убежище в агрономической лаборатории, которой заведовал Димо, тоже социал-демократ. Архангельского это спасло, и он испытывал чувство благодарности к Димо и покровительствовал ему.

Внезапно – тревога: с обоих входов в вагон появились команды красноармейцев, выступает вперед чекист в кожаной тужурке... Грозный возглас:

– Что это за собрание?!

– Это не собрание, а уезжают в Ташкент профессора местного университета с семьями! Их коллеги провожают отъезжающих.

Чекист смотрит с недоверием.

Выступает Архангельский:

– Товарищ, я член Вецека – Архангельский. Удостоверяю вам, что это собрание вполне легальное. Это действительно профессора туркестанского университета и их семьи. Хотите посмотреть мой партбилет?

Чекист почтительно кланяется.

– Не беспокойтесь, товарищ! Вашего заявления для нас вполне достаточно.

Он уводит караул.

Неприятное настроение у нас рассеивается, когда усаживаемся за стол, заставленный скромным, но тогда казавшимся очень лакомым угощением, а главное, бутылками с водкой и вином. Угощением распоряжается С.Н. Наумов, еще до ужина наугощавшийся так, что с трудом связывает речи, но недостаток красноречия заменяющий громкими пьяными возгласами.

Уселось за стол человек тридцать пять, в том числе две-три дамы и местные власти: толстяк – начальник вокзала, чернявый комиссар вокзала, в своей кожаной тужурке, – краснобай из рабочих, и некоторые другие. Профессора уселись из более почетных. Остальные и молодежь толпились в проходах или угощались в купе.

Речи начал Н.А. Димо. Тяжело было слушать его слова. Очевидно, он уже решил сделать ставку на коммунистов, и его речь была сказана в ярких коммунистических тонах. По лицам присутствующих чувствовалось, что впечатление – тягостное. Должно быть, и у меня, сидевшего в центре, вместе с властями, выражение лица было при этом слишком красноречивое, а может быть, я неосторожно что-либо и произнес... Я только заметил, что Архангельский наблюдает за мной с особым вниманием.

Что-то митингового характера стал тянуть комиссар, прерывавший свое изложение громкими возгласами, в духе трафаретных митинговых лозунгов. Настроение все сгущалось.

Поднялся Архангельский и, обращаясь уже лично ко мне, стал говорить о науке

вообще, об ее значении для Туркестана и для народа, особенно для пролетариата. Этого, говорил Архангельский, «некоторые» не понимают...

– Вам, – бросает он ядовито уже прямо мне, – все мерещится милый вашему сердцу Керенский!

– Придется давать сдачи! – шепчет мне на ухо подвыпивший начальник вокзала.

– Дадим!

Однако смесь водки и вина начинают действовать на Архангельского. Он как-то запутывается в своей филиппике и никак не может кончить, все повторяется. Один из подвыпивших, товарищ его по школе, кричит:

– Садись лучше, брат! Все равно никак не кончишь!

Архангельский садится. Жидкие аплодисменты.

– Читать в сердцах, – беру я слово, – пытались и раньше, в отошедшие времена старого режима. Но раньше таким делом занимались стыдливо, потому что поиски в сердце ничьими симпатиями – всеми вашими также, господа, – не пользовались. Теперь это делают открыто, и уже безо всякого стеснения. Но надо хоть уметь заниматься таким делом. А вот оратор Архангельский высказал, например, что именно моему сердцу мил Керенский... Плохо он прочел в моем сердце... Я прямо и открыто заявляю: для меня будет большим праздником, когда я узнаю, что Керенский болтается на веревке!

Гром аплодисментов покрыл мои слова. В них ярко выразилось общее негодование на режим Керенского, как приведший к большевизму; но присутствующие коммунисты едва ли это поняли. Архангельский недоумевающе развел руками и стал переглядываться со своими.

– Что же касается науки, – продолжал я, – то она требует к себе любовного и внимательного отношения. Тогда она будет для вас матерью... При том же отношении и при тех требованиях, – обращаюсь я прямо к Архангельскому, – которые исходят от вас и ваших единомышленников, она будет для вас только наемницей. И этого вы, конечно, заслуживаете!

Снова аплодисменты и возгласы: «Правильно!», «Верно!» – покрывают вагон. Но затем все покрывается пьяными возгласами, почти ревом Наумова... Кричу и я:

– Да уймись вы, Сергей Николаевич! Господа, уведите профессора Наумова в купе!

Его уводят.

Через несколько минут выступает К.В. Хрущов. Почему-то он счел нужным рекомендовать себя перед властью. Его речь если и не красна, как у Димо, все же достаточно розова. Он хвалит отношение к науке советской власти.

Коммунисты довольны, впечатление от моего выступления смягчается.

– Вишь, хоть и старик, а понимает! – кричит черноусый комиссар.

Хрущов сконфуженно улыбается. У него волосы с проседью, но по годам он стариком себя еще может и не считать.

Ужин кончился. Распростившись с уезжающими, мы, провожаемые служащими вокзала, проходим через зорко оглядывающие нас караульные посты чекистов.

Представительство в Москве

Еще задолго до окончательного переезда университета в Ташкент, у нас стали высказываться мысли, что нельзя оставить организационную работу в центре недоделанной. Поэтому решили оставить в Москве орган, которому дали наименование «представительство университета в Москве». Задачами представительства являлось: во-первых, пополнять университет научными силами и научным инвентарем, во-вторых – представлять университет в сношениях с властью, чтобы не попасть сразу же в полную зависимость от местной власти.

Форму представительству мы придали такую: в него входит по одному представителю от каждого факультета, возглавляет же его избранный советом председатель. Каждый из членов совета во время пребывания в Москве тем самым является членом представительства. При последнем находятся перешедшие от университета технический и библиотечный аппараты.

Перед окончательным отъездом университета был избран и личный состав представительства: председателем и, вместе с тем, и представителем физико-математического факультета был избран я; представителем медицинского факультета – Сергей Ион[ович] Чечулин⁵, – еще молодой человек, но очень энергичный и ловкий, особенно по части разных раздобываний инвентаря и факультетского оборудования; от технического факультета прошел инж[енер] Герценштейн⁶, один из ставленников и приверженцев И.Г. Александрова, а потому стоявший в оппозиции к водворившемуся порядку, хотя и скрывавший эту оппозицию, пока не наступал удобный случай ее проявить, с мягкими кошачьими манерами. От других факультетов, кроме военного, пока представителей еще не было. С военным же было так: формально представителем остался ген[ерал] Снесарев⁷, но он потребовал, во-первых, назначения своим постоянным заместителем в представительстве В.Н. Готовского⁸, а во-вторых, сохранения организационной факультетской ячейки. О действующих лицах этой ячейки будет сказано в следующей главе. Просьба Снесарева была уважена, и постоянным членом представительства стал Готовский. Наконец, в качестве члена совета университета, в состав представительства постоянным фактически членом его вошел Л.С. Берг.

При самом начале деятельности представительства произошел инцидент, в котором значительная доля вины ложилась на меня.

Формировался последний эшелон университета. Комендантом его был назначен проф. Лебединский⁹, а с поездом ехали С.Н. Наумов, а также В.Н. Готовский, который должен был установить нормальные отношения в Ташкенте между действовавшим там военным факультетом и московской организационной его ячейкой.

Эшелон, однако, все не ехал, и получалось впечатление, что его состав, во главе с Лебединским, слишком не торопятся выезжать.

Готовский, которому хотелось поехать возможно скорее, нервничал по этому поводу и все приставал ко мне:

– В.В., вы же председатель представительства! Ваша обязанность – сделать формальный запрос Лебединскому, когда же, наконец, эшелон отправится. Это не только ваше право, но и ваша прямая обязанность, как представляющему в Москве интересы университета.

В его словах мне представились основательные мотивы. Я сделал просимый им запрос.

Лебединский и, в частности, почему-то и Наумов, очень разобиделись. В ближайшем заседании представительства они горячо доказывали, что я вышел за пределы прав представительства, что я не имел права делать такого запроса, потому что деятельность членов совета не подлежит ведению представительства.

Мнения по этому поводу разделились, но характерной была роль Готовского: он не только не произнес ни одного слова в поддержку моего шага, но своим видом как будто давал понять другим, что он возмущен моим шагом.

Эшелон вскоре после этого выехал, причем Лебединский и Наумов уехали открыто враждебно настроенные против меня. Что же касается Готовского, то он вообще не поехал с этим эшеленом... Позже Димо мне писал, что неприбытие Готовского, особенно в связи с тем, что он себе взял прогоны на проезд, произвело тяжелое впечатление. Не знаю, вернул ли он эти прогоны; в ту пору контроля над такими «мелочами» не существовало.

Очень скоро я мог убедиться в том, какое неприятное наследство, в виде обычаев технического персонала, получил я от Н.А. Димо, – в связи с его манерой быть в руках своих подчиненных, предоставляя каждому из них делать то, что последний сам считает нужным.

С заведующим канцелярией М.Н. Марченко, как с человеком глубоко порядочным, ни разу никаких недоразумений не возникало, если не считать необходимости восставать время от времени против его <...> лени. Но это охотно ему прощались, благодаря другим положительным качествам его характера.

Очень трудно было с заведующим финансовой частью Н.С. Арсеньевым. При ректорстве Димо он приобрел совершенно несоответственное значение в университете, благодаря тому, что в его руках находилась касса, которой он распоряжался фактически бесконтрольно, так как все его действия Димо с закрытыми глазами утверждал и покрывал. Для кого захочет – Арсеньев найдет деньги, не захочет – нет. Спорить с ним никто не мог, так как в финансовую часть никто доступа не имел. При таких условиях у него появились в среде университетского совета особые друзья, между ними в первую очередь Наумов и Готовский.

Такую же роль он попытался играть и в представительстве. В его помещении занял лучший кабинет, все собирались у его письменного стола, где и предрешались дела, связанные с денежными расходами, а таковыми было подавляющее большинство дел организационного характера. Получалось впечатление, что именно Арсеньев стоит во главе представительства, хотя он не был даже членом коллегии, а присутствовал в ней лишь с совещательным голосом. Рано или поздно такое положение не могло не привести к коллизии со мною, как с председателем, и она действительно произошла.

Первые трения возникли из-за вопроса о прежнем помещении, которое, как уже говорилось, у нас насильственно отняла одна из воинских частей. Никакие просьбы нам не помогли, и единственное, чего мы добились на первое время, это то, что нам оставили из десяти – три комнаты. В них кое-как мы внедрились, но работать в такой обстановке, среди казарменной грязи и распущенной солдатской

команды, было весьма трудно. Я тогда и подыскал помещение в Трубниковском переулке.

Но Арсеньева это не устраивало: он жил на площади у храма Спасителя¹⁰, и идти на вечернюю службу в университет, а позже в представительство было очень близко – два шага. Идти же в Трубниковский переулок – дело иное. Поэтому Арсеньев стал настаивать, чтобы мы остались среди солдат.

Я с этим, конечно, согласиться не мог, пренебрегая будированием Арсеньева. Оказалось, однако, что перейти не так просто: заведующий хозяйством – забыл его фамилию, – как привыкший смотреть в денежном отношении из рук Арсеньева, просто-напросто отказался исполнить мое распоряжение о переходе.

Это уже был открытый мятеж. Я поставил вопрос решительно:

– Или приступите к переходу, или подавайте в отставку!

Заведующий хозяйством подал прошение об отставке. Без сомнения, Арсеньев его убедил в том, что отстоит его в заседании коллегии. Но оба они не рассчитали, что времена Димо прошли.

Перед официальным заседанием я пригласил только одних членов коллегии в свой кабинет на частное совещание, где и рассказал им, в чем было дело. Конечно, единогласно предрешили уволить мятежного служащего, а затем, по предложению Снесарева, было решено предоставить мне единоличное право увольнять и назначать служащих.

После этого мы перешли в большой кабинет Арсеньева, где оба эти вопроса были проведены формально.

Арсеньев на время смирился.

Готовский рекомендовал мне на должность заведующего хозяйством своего друга полк[овника] Ясинского¹¹, бывшего офицера гвардейской артиллерии, позже командовавшего артиллерийским дивизионом в красной армии против Колчака, а теперь бывшего в Москве без дела.

Немилость большевистского начальства к бывшему офицеру как будто говорила в его пользу. К тому же Ясинский, как бывший гвардеец, производил впечатление своей воспитанностью. Я его назначил. Впоследствии выяснилось, что и это назначение неудачное, хотя Ясинский, нуждаясь во мне, и пересаливал в своем усердии, доходя до того, что без всякой нужды перетаскивал дрова на мою квартиру в четвертый этаж...

Ясинский перевез представительство, и в новом помещении Арсеньеву дали лучший кабинет. Он, однако, все время будировал. В моем присутствии жаловался, что помещение сырое, что он постоянно простуживается, что у него вечно болит голова и т.п. Что говорилось в моем отсутствии, можно только догадываться. Во всяком случае, Арсеньев систематически отравлял атмосферу в представительстве.

Правильнее всего было бы его уволить от службы, но по условиям того времени я должен был такой крутой меры избегать. Дело в том, что тогда, благодаря советскому режиму, ни одного дела нельзя было вести честно, и ни одно так и не велось. Я уже говорил, например, что всякие ассигнования средств из Наркомпроса достигались единственно путем взяток – деньгами или спиртом, фальсификацией

счетов и т.п. Все так делали, кто хотел существовать; вынуждены были так делать и мы. Так как все такие грязные дела велись через руки Арсеньева, он, конечно, как ловкач, запасся соответственными документами. Университетские органы и персонал были в значительной мере в руках Арсеньева, и удалить его – значило бы рисковать поднятием всей этой невольной грязи наружу.

Снабжение университета

Отношения представительства с университетом не были вполне удовлетворительными, и, как мне казалось, не по нашей вине.

Дело было в том, что, по приезде в Ташкент, состав профессуры как-то быстро отрешился от реальной московской обстановки. На это повлияла новая обстановка деятельности, личные счеты с преподавательским персоналом, подобранным на месте, распри с выбором новых органов управления и т.п. К тому же издали казалось, что, если ничего нельзя найти на месте, в Ташкенте, то зато полная возможность есть все необходимое приобрести в центре страны. Отсюда в Ташкенте стало развиваться неудовольствие на то, что представительство слишком слабо снабжает университет необходимыми ему материалами и аппаратурой.

При этом, как правило, никаких конкретных требований не предъявлялось, и вообще университет как-то вдруг замолчал. Кроме случайно доходящих частных сведений, мы ничего не знали о происходящем с университетом в Ташкенте.

Эта вредная оторванность представительства от университета побудила меня начать высылать в правление университета, для сведения, все протоколы наших заседаний представительства и просить о высылке, для нашего осведомления, всех протоколов заседаний правления и совета. Эту просьбу мне пришлось повторять несколько раз, пока, наконец, мы не получили, уже через полгода с начала деятельности университета на месте, целую пачку старых протоколов. Так повторялось и впоследствии: после ряда напоминаний, мы получали толстую пачку уже устаревших протоколов.

Тем не менее, по доходившим до нас частным сведениям, на физико-математическом и на агрономическом факультетах – последний не имел вовсе своего представителя в Москве – слишком часто жаловались на недостаточное их снабжение из Москвы, и особенно жаловался профессор по кафедре селекции, хотя никаких требований по-прежнему от них не поступало. И мне одному надо было бы угадывать, что нужно тридцати или более кафедрам разных специальностей и находить это в разоренной и отрезанной от всего мира Москве.

Наконец, весной 1921 года я получил от физико-математического факультета предложение [...] каждые две недели представлять факультету отчет о том, что было сделано мною за каждый отчетный срок по делу его снабжения. Хотя предложение это и было подписано новым деканом факультета А.Л. Бродским¹², я в его редакции без труда узнал язык Наумова.

На это я ответил, что члены факультета слишком скоро забыли обстановку работ в Москве, а также и то, что, за неполучением каких бы то ни было пособий из заграницы, московский рынок пригодных для университета научных пособий еще более

обеднел, чем то, что было в первый период организации университета. Я указывал и на то, что одному человеку, к тому же не получающему с места никаких указаний и пожеланий, невозможно делать то же, что до того делали несколько десятков специалистов. Ввиду же выказанного мне, требованием о двухнедельной отчетности, недоверия, я прошу считать меня сложившим с себя обязанности представителя факультета и избрать для этого иное лицо. А так как, не будучи представителем факультета, нельзя быть и председателем представительства, я прошу факультет войти в сношение с советом и с правлением об избрании другого председателя.

Через месяц я получаю от факультета бумагу с принесением извинений, с подтверждением доверия и с просьбой остаться.

После этого в Ташкенте стала устанавливаться другая практика: командировка оттуда отдельных специалистов, для исполнения определенных задач по снабжению. Это была разумная мера: командируемые, приезжавшие на сравнительно короткий срок, бегали по разным складам и магазинам, как тогда говорилось, «в ударном порядке» и действительно успевали кое-что находить. Мы же снабжали их деньгами на покупки, а затем все приобретенное отсылали в Ташкент. Понемногу эти командировки так развились, что почти всегда в коллегии представительства участвовали один или более членов университетского совета.

Прибыл весной вдруг и ректор университета – студент Солькин¹³. Явился он к нам с распущенным павлиньим хвостом, пытаюсь изобразить собой наше начальство, – в молодом коммунисте оказалось много честолюбия. Мы его приняли со сдержанной служебной корректностью. Но, очевидно, иной прием он встретил в центральных учреждениях: там звание студента не подействовало его ректорскому престижу. Солькин как-то завял и вдруг, бросивши нам доделывать все начатые и недоделанные им дела, поспешил ретироваться в Ташкент. Должно быть, его престиж пострадал, потому что вслед затем он сам отказался от ректорства и остался помощником ректора – собственно по студенческим делам, хотя свое влияние в правлении университета он сохранил.

Вместе с тем, насколько было возможно, продолжали делать закупки и мы. Успешнее всего шло это дело у представителя медицинского факультета С.И. Чечулина, но немало отсылал и я своему факультету.

Вскоре в этом деле я стал замечать большое явление: поставщиками научных приборов начали выступать не только специалисты – члены коллегии, но и некоторые служащие представительства, особенно Арсеньев и отчасти также Ясинский. В их прямые обязанности это никак не входило, но они нашли способ так повлиять на поставщиков, что те прибегали к их посредничеству. Арсеньев в особенности облюбовал одного прыткого молодого человека, Страхова, который специализировался в поставке микроскопов, а они становились с течением времени все большей редкостью.

Обыкновенно Арсеньев представлял микроскопы уже в запакованном виде и говорил:

– Если приборы не подходят, их можно, конечно, вернуть Страхову. А если из Ташкента сообщат, что приборы не в порядке, Страхов деньги возвратит. Я за это ручаюсь лично!

Почти всегда приходилось соглашаться, так как из Ташкента сообщали, что микроскопов им не хватает, и Арсеньев об этом знал.

Я как-то сам зашел в склад Страхова, взявши с собой дочь Людмилу, которая, в качестве врача-бактериолога, имела хороший опыт в работах с микроскопами. Мы сговорились представиться, будто мы чужие друг другу, и говорили «на вы».

Страхов предъявил нам несколько микроскопов. Говорю дочери:

– Пожалуйста, попробуйте.

Людмила начала их осматривать, а Страхов, укрывшись от моих глаз, стал ей жестами показывать, что кладет что-то в руку..

К сожалению, я забылся и обратился к дочери:

– Ты уже кончила?

Страхов тотчас же съезжился, понял..

Начали приносить приборы, скрывая за собой поставщиков, кассир Киббель, член коллегии военного факультета Готовский, а также его слишком бойкая жена, типичная военная дама... Все они приносили доверенности от поставщиков на получение денег. Дело принимало нежелательный оттенок.

Библиотека

После вынужденного ухода с самовольно занятого ректорского поста, И.Г. Александров сохранил, было, за собою звание высшего заведующего библиотекой. Но мы создали специальную еще библиотечную комиссию, а это не понравилось Александрову, и он отказался от всякого участия в университетской деятельности.

Тем не менее библиотека и после этого, а также после отправки большого ее транспорта в Ташкент, все же оставалась сначала в квартире Александрова, а позже в том же доме, на Спиридоновке. Все это было в стороне от нас, и представительство не знало о том, что там происходит и за что, собственно, мы тратим крупные суммы на библиотечное дело.

Заведующей библиотекой была А.Я. Мантейфель, но было известно, что в библиотеке, она, в сущности, не бывает, за работой не следит, а там работают человек шесть ее знакомых дам-библиотекарш, да еще очень опытный библиотекарь из Румянцевской библиотеки Янчук¹⁴.

Я решил такое положение прекратить и добился перевода библиотеки в наше помещение. Подчинились, хотя и с большим фрондированием, потому что теперь работа стала на глазах.

Библиотекарши работали сдельно – по числу написанных ими карточек. Кто их проверял, неизвестно, но А.Я. Мантейфель утверждала и предъявляла к оплате их счета, и суммы на это шли не маленькие. Деятельность же самой Мантейфель проявлялась только в том, что она составляла и предъявляла в соответственный отдел Наркомпроса счета на вновь приобретаемые книги.

Все это не было нормальным, но заменивший Александрова по роли председателя библиотечной комиссии, его ставленник инж[енер] Герценштейн такой порядок всячески в представительстве отстаивал.

Помещение библиотеки понемногу обращалось в клуб, где среди шести дам

особенно подвизался наш заведующий хозяйством Ясинский. Прямым своим обязанностям он не соответствовал, но вдруг развил деятельность по поставке книг в библиотеку, хотя с книгой вообще он ничего общего не имел...

Мне также казалось, что карточки, которые пишутся для университетской библиотеки, никакого значения не имеют и никогда использованы не будут. Так оно впоследствии и оказалось: когда, осенью 1921 года, я посетил в Ташкенте университетскую библиотеку, мне подтвердили, что карточки там пишутся по иной системе, а полученные из Москвы откладываются, за ненадобностью, в сторону.

Угадывая то обстоятельство, что мы зря расточаем университетские деньги, я предложил коллегии сократить число библиотекарей. Было постановлено сохранить только две должности. Это требование послужило поводом к демонстративному уходу всех служащих библиотеки. Но мы без труда обошлись и без них.

Новые лица

В 1921 году на горизонте нашего представительства появились две новые фигуры, которым было суждено сыграть роль в судьбе представительства. Это были Кучербаев¹⁵ и Демидов¹⁶.

Кучербаев – киргиз¹⁷ по происхождению, хотя его называли христианским именем: Владимир Николаевич. Его некоторые из членов университетского совета знали и раньше. Теперь его пригласили в состав университета преподавателем киргизского, кажется, языка. Таким образом он стал членом совета, а пребывая постоянно в Москве, он тем самым стал членом коллегии представительства. Производил он на меня впечатление человека хитрого, очень себе на уме, однако порядочного и тактичного.

Сам о себе он мне рассказывал следующее: служил он в государственном банке и дослужился до контролерского поста. Потом он перешел в частный банк, в котором пробыл до большевистского переворота, лишившего его должности. Тогда он поступил в Ташкенте простым конторщиком в сберегательную кассу. Но стаж его не был секретом, и однажды местная большевистская власть его призвала и, под угрозой заключения в тюрьму, заставила стать комиссаром финансов.

С этих пор его деятельность постоянно сплеталась с туркестанским правительством.

Александр Петр[ович] Демидов был социал-демократом. Еще молодой человек, он явился из Ташкента в Москву как командированный, в качестве университетского преподавателя, для научных работ. Деятельность его протекала на факультете общественных наук, и вскоре он был назначен представителем этого факультета в нашем представительстве.

Впечатление Демидов произвел неважное. Сначала ходил для выколачивания, сколько можно, денег от представительства. А когда стал членом коллегии, стал мутить и муссировать всякие мелкие недоразумения. Очевидно, он писал неблагоприятно о нас и в Ташкент. Скоро мне стало ясным, что он добивается сесть на мое место. Так оно впоследствии и было. Когда я отказался от председательствования, на мое место был назначен Демидов, и он быстро довел представительство до краха.

После моей высылки за границу мне снова пришлось столкнуться с Демидовым. Из его письма я узнал, что большевики подержали его, как меньшевика, по тюрьмам. Затем он бежал через персидскую границу и попал в Париж. Здесь, однако, его никто не знал, и ему не доверяли в рассказах об его преподавательском и научном стаже. Единственный, кто мог ему в данном случае помочь, оказался я, так как в Париже, в нашей академической среде, ему сказали, что моим удостоверением удовлетворятся. Он и просил меня помочь ему. Конечно, я счетов с ним сводить не стал и дал просимое удостоверение.

Туркестанское представительство

Прежняя «Туркестанская комиссия», которую возглавлял коммунист и член ВЦК Архангельский, перестала удовлетворять местную власть, серьезно считавшуюся со своей автономностью. Поэтому в начале лета 1921 года в Москву прибыло особое представительство Туркеспублики. Во главе его стал триумvirат: Кучербаев и два <...> местных сановника, из числа недоучившихся питомцев Туркестанской учительской семинарии. Тогда все такие недоучки из семинаристов стали вдруг в Туркестане, лишенном грамотных людей, большими или меньшими сановниками. В этом триумvirате Кучербаев, наиболее опытный, знающий и, во всяком случае, значительно старший двух других, занимал самое скромное положение.

Расположилось это представительство напротив нас, в Трубниковском же переулке, в бывшем доме удельного ведомства, в котором теперь помещился народный комиссариат национальностей, сокращенно Наркомнац, возглавлявшийся в ту пору Сталиным. Среди других представительств разных национальностей туркестанское представительство занимало самое видное место – и по числу служащих (все помещение его было переполнено молодыми людьми в тюбетейках) и по числу комнат помещения. В его распоряжение было предоставлено несколько реквизированных у буржуазии автомобилей.<...>

Новое туркестанское представительство начало с поднятия своего престижа. Оно объявило упраздненными все другие представительства по отдельным вопросам, относящимся к Туркестану. Единственное не закрытое представительство было наше. Должно быть, чувствовалась неловкость проявить такую меру к университетскому органу.

Тем не менее, мы были у них бельмом на глазу, и среди наших служащих, да и членов коллегии, чувствовалась паника:

– Вот-вот закроют и нас.

Я не видел выхода и смирился с неприятной перспективой. Но выход указал Кучербаев. Он объяснил через Арсеньева, что все дело в петушьем самолюбии молодого начальства представительства. Им хочется, чтобы первый шаг к ним сделал именно я – пожилой профессор:

– Пусть Всеволод Викторович пойдет познакомиться с молодыми людьми. Тогда вероятно все устроится!

Так и вышло. Я зашел к Кучербаеву, и мы вместе пошли знакомиться с моло-

дыми сановниками. Обоих я застал в их обширных кабинетах. Мы обменялись с каждым несколькими словами общего характера, и цель была достигнута.

Наше представительство было объявлено отделом общего представительства. Для связи, в состав коллегии был постоянно командирован Кучербаев, который и без того являлся ее членом. Он изредка и бывал у нас, всегда исполняя свои обязанности по связи с большим тактом.

Дело же наше теперь, несомненно, выиграло. Мы получили возможность пользоваться аппаратом представительства для сношений с Ташкентом, для перевозки туда наших грузов и т.п. Выиграли и служащие: они были зачислены – совершенно номинально – в состав сотрудников представительства, получили возможность пользоваться их кооперативом и т.п.

Ветеринарный факультет

В эту пору появился в Москве из Ташкента какой-то честолюбивый ветеринарный врач, который задумал создать при Туркестанском университете особый ветеринарный факультет, без сомнения рассчитывая стать в его главе. Он сумел привлечь на свою сторону соответственный орган военно-ветеринарного ведомства, и дело для окончательного оформления было передано в туркестанское представительство. Оно бы и прошло, если б не находчивость В.Н. Кучербаева, который убедил своих коллег, что данный вопрос надо бы сначала передать на обсуждение нашего университетского представительства.

Предупрежденный им, в чем дело, я счел необходимым избежать этого опасного вторжения в структуру университета. Но надо было это обставить, в тактических соображениях, умелым способом.

Я созвал торжественное заседание из представителей разных заинтересованных ведомств, и на этом заседании мы с Кучербаевым совершенно разбили этот авантюристический проект. Подавляющее большинство участников совещания присоединилось к нашему мнению и высказалось за желательность устройства лишь ветеринарного отделения при медицинском факультете.

Но и такое постановление осталось мертворожденным. У инициатора пропал весь его пыл, а туркестанское представительство стало, разумеется, на нашу точку зрения.

Единственным последствием было возбуждение против меня правления Туркестанского университета, которое, не разобрав, в чем дело, обрушилось против меня с обвинениями, довольно наивно сформулированными так:

– Маленькое ваше представительство хочет командовать университетом и поднимает вопрос об устройстве в нем нового факультета...

Финансовый инцидент

Состояние нашего денежного делопроизводства меня все более и более беспокоило. Я не считал себя ответственным за время ректорства Димо, но иное дело было за время действия представительства, когда ответственность по надзору полно-

стью ложилась на меня. Между тем Арсеньев, как и при Димо, все финансовые операции производил скрытно от меня.

Наконец, я решил вмешаться и поинтересовался тем, как записываются денежные к нам поступления. Оказалось, что сразу при поступлении деньги никуда не записываются, а делается запись только «при случае». Такой порядок был введен Киббелем¹⁸ с ведома Арсеньева. Сам Киббель у нас более не служил, он устроился выгоднее в каком-то кооперативе, а по просьбе Арсеньева я назначил кассиршей его жену – г-жу Киббель-Гринберг.

Такой порядок мне очень мало понравился, и я настоял на том, чтобы в дальнейшем записи по приходу производились немедленно.

Но эта мера касалась только настоящего времени; когда же я потребовал сведений о приходе от начала действий представительства, то мне объяснили, что приход заносился в общую кассовую книгу, обнимающую и поступления за время организационной деятельности университета.

– Дайте мне эту кассовую книгу.

И Арсеньев, и Гринберг заявляют:

– Кассовой книги у нас более нет!

– Где же она?

– Не знаем! Должно быть, ее захватил с собой один из эшелонов, отправлявшийся в Ташкент.

Я запросил университет об этой книге, но ответа не получил. Затем, посетивши осенью Ташкент, я сам разыскивал в университете эту книгу, но ее не оказалось, и никто ее не брал.

Таким образом, Арсеньев с Киббелем скрыли или уничтожили кассовую книгу, а вместе с тем замели следы о тех суммах – громадных суммах, – которые, в течение двух с половиной лет тратились на организацию большого университета. Конечно, это можно было бы восстановить сношениями с Наркомпросом, с рабоче-крестьянской инспекцией и т.п., но это значило бы вовлечь раньше времени посторонних в нечто, напоминавшее «Панаму»! К тому же во всех советских учреждениях шло беспощадное хищение, и пример этому показывали правящие круги. Попадалась и отвечала по суду только мелкая рыбица. Но больно было, что то же оказалось и у нас, и притом не в малом масштабе.

Арсеньев меня успокаивал:

– Чего вы волнуетесь, В.В.? У нас все документы в порядке!

Оставивши пока открытым вопрос о прежнем времени, я потребовал, чтобы впредь расходы производились не иначе, как с разрешительной председательской пометкой, и предупредил, что в дальнейшем я буду контролировать расходы по кассовой книге.

Это вызвало бурю протестов со стороны Арсеньева, но я пропустил их мимо ушей.

Спустя несколько дней я спустился из дому в представительство, вместе с Л.С. Бергом и А.А. Дервисье¹⁹, моим зятем, являвшимся помощником Чечулина по снабжению медицинского факультета. Подхожу к кассирше:

– Исполнено ли мое распоряжение о выплате такой-то суммы?

– Нет, В.В., не исполнено!

– Почему?

– Николай Семенович (Арсеньев) приказал не исполнять!

Это было неслыханное самовольство...

– Потрудитесь это исполнить, или вы потеряете свое место!

Из кабинета выскакивает красный от гнева Арсеньев. Набрасывается на меня:

– Что это за безобразие! Вы, В.В., мешаетесь во все дела! Вы позволяете себе решительно всем распоряжаться! Вы и в нашем представительстве распоряжаетесь, и в астрофизической обсерватории...

И Берг, и Дервисье, и служащие обомлели от такой дерзости.

Не отвечая ему и делая вид, будто я его не замечаю, продолжаю деловой разговор с кассиршей, затем с Марченко исполняю срочные дела по административной части, а потом с моими попутчиками иду домой. Попросил обоих письменно изложить мне о том, чему они только что были свидетелями.

На другой день, когда сошел в представительство, зашел к Арсеньеву для короткого делового разговора. Он поднялся и, не извиняясь и не объясняясь, нерешительно протянул мне руку.

Руки ему я не подал, сделал нужное распоряжение и ушел.

Все-таки мне еще не хотелось создавать в представительстве крупное дело. Поэтому на следующий день я написал Арсеньеву короткую и сухую записку: если он желает объясниться и ликвидировать этот случай, пусть поднимется ко мне на квартиру.

Он не ответил и не пришел.

Тогда я назначил заседание коллегии представительства, для обсуждения создавшегося положения.

Арсеньев бросился за защитой к «своим»: оппозиционеру Герценштейну и к недовольной мной за малый отпуск им средств военной ячейке: Готовскому и отчасти Снесареву. Я мог подозревать, что Готовский, как раньше проф. Наумов, имеют особые основания быть довольными Арсеньевым, в связи с бесконтрольностью производства последним расходов.

Собрались члены коллегии Берг, Чечулин, Снесарев, Герценштейн, Готовский, Дервисье и я. Так как заседание было предназначено закрытое, в нашем же помещении каждое слово в заседании было слышно служащим (которые и собрались для этого спектакля в соседних комнатах), я предложил подняться ко мне в квартиру.

Готовский стал шумно протестовать:

– С какой стати? Будем заседать здесь!

Однако перешли ко мне.

Заседание произошло крайне бурное. Готовский повел на меня если не логичную, то во всяком случае очень энергичную атаку. Герценштейн его потихоньку поддерживал, то делая шаг вперед, то прячась в кусты. Снесарев, подготовленный Арсеньевым и Готовским, заявлял так:

– Всеволоду Викторовичу принадлежало безусловное право самому уволить Арсеньева. Но если он этого не сделал, значит что-то есть, что его остановило. Вот это «что-то» меня и смущает...

Чечулин, слыша оппозицию, стал колебаться, как маятник, ожидая, куда будет выгоднее ему примкнуть.

Мне становилось все труднее сдерживать себя, и было на волосок от такого моего шага, который вызвал бы общую катастрофу представительства. Но под конец, заслушав поданное тем временем заявление Арсеньева о выходе в отставку и его предупреждение, что он уже сам лично от себя отправил подробную жалобу в правление университета в Ташкент, постановили: Арсеньева считать уволившимся от службы и высказать ему упрек за то, что свою жалобу он подал не прямо в коллегия представительства, как своему непосредственному начальству, а через его голову в Ташкент.

На место Арсеньева я назначил рекомендованного мне М.Н. Канищевым чиновника из Цупвосо (Центральное управление военных сообщений), общий же надзор за приведением в порядок счетоводства я возложил на весьма опытного специалиста, временно прикомандированного к представительству, в качестве консультанта, А.А. Петрова²⁰. Но мне, к сожалению, пришлось оставить на службе, так как не было прямого повода уволить, правую руку Арсеньева, его ставленника и помощника, бывшего офицера, фамилию которого я позабыл. Он старался, как мог, ставить мне спицы в колеса в том, что затем произошло.

Написав обо всем происшедшем в правлении университета в Ташкент и высказав просьбу, чтобы, согласно общепринятому порядку, жалоба Арсеньева на меня была мне прислана для дачи по ней объяснений, я поехал в командировку по делам Астрофизической обсерватории в Петроград.

Расследование Наумова

По возвращении через неделю в Москву я застал сюрприз. Служащие представительства взволнованно мне сообщили, что приехал из Ташкента «ревизор» с чрезвычайными полномочиями для расследования инцидента с Арсеньевым. Этим ревизором оказался не кто иной, как лучший друг Арсеньева – С.Н. Наумов, без сомнения сам предложивший свои услуги для этой цели.

Наумов сразу же проявил ряд вызывающих бестактностей. Прежде всего, он не считал нужным хотя бы один раз переговорить со мной о происшедшем, а обращался только к служащим, терроризируя их своим мандатом, который действительно предоставлял ему очень широкие права, вплоть до права увольнения служащих представительства. Но было и еще нечто худшее.

Наумов одновременно имел от правления поручение выхлопотать для университета наличные деньги. Честным и прямым путем сделать этого было невозможно, и Наумова снабдили для «смазки» несколькими ящиками туркестанских вин. В Москве вина в ту пору достать было нельзя иначе, как по рецептам врачей или по протекции в Наркомздраве, в продаже же его вовсе не было. Наоборот, в Туркестане этих стеснений не существовало, и вино даже выдавалось по пайкам.

Для ублажения нужных людей привезенное Наумовым вино было очень кстати. Однако самым нужным Наумов считал лично себя и в результате часто приходил к нам в представительство в таком состоянии, что с трудом ворочал языком.

Затем Наумов сошелся с недавно вступившим в состав представительства Демидовым, действовал с ним солидарно, и они вместе начали проверять денежное делопроизводство, наперед высказав свою точку зрения на инцидент в пользу Арсеньева и враждебно ко мне.

Мне стало ясно, что ведется интрига для вынуждения меня уйти и для замены меня Демидовым. Заседания коллегии стали невозможными. Наумов во всем, и кстати и некстати, проявлял ко мне оппозицию, принимавшую неприемлемые формы, когда он являлся – а это бывало часто – на заседание пьяным.

Так продолжать было нельзя. Я заявил в коллегии, что намерен оставить свой пост, но что сначала я лично поеду для переговоров в Ташкент.

Это решение смутило Наумова и Демидова, и они на время притихли.

Тем не менее, в конце августа я выехал.

В Ташкенте

Описание весьма интересного, по обстоятельствам того времени, путешествия в Ташкент и обратно – я делаю в другом месте. Но меня занимало то отношение, которое проявит ко мне созданный в значительной мере моими трудами университет, и это тем более, что на одном из первых же общих собраний туркестанского университета были избраны почетными членами университета проф. М.А. Мензбир²¹, Л.С. Берг и я.

Хотя о моем приезде правление извещено было, но ни малейшей предупредительности проявлено не было. Самый трудный вопрос был о помещении. Поезд в Ташкент прибыл поздним вечером, гостиницами воспользоваться возможности не представлялось, и я ночью рисковал остаться на улице. Приехал я тогда в бывшее помещение реального училища²², где теперь помещались физико-математический и технический факультеты, и, велев разбудить заведующего зданием, потребовал себе места для ночлега. С большой неохотой поместил он меня в приемной университетского врача, предупредив, что с утра это помещение понадобится для больных. Мне пришлось спать на замечательном диване, в котором пружины были в таком состоянии, что спать можно было, только изогнувшись в форме французского «эс».

Утром поиски себе приюта успехом не увенчались. Только днем, когда я обратился за содействием к правлению, мне отвели одну из пустовавших аудиторий, куда перенесли для меня знаменитый диван из приемной врача.

Первый, кого я встретил в правлении, был Солькин, принимавший студентов. Я его сразу не узнал и принял за скромного конторщика... На мои слова при входе: «Никого еще нет?» – Солькин обиженно отозвался:

– Нет, я уже здесь!

Ректором в ту пору был А.Л. Бродский. Разыскав его, я только с большим трудом мог разговориться с ним о делах. Видно стало, что уже создалось весьма недружелюбное ко мне отношение, хотя Бродский старался это замаскировать личной любезностью. Я поставил ему упрек за то, что они не прислали мне, для дачи объяснений, жалобу Арсеньева. На это Бродский что-то неопределенно замычал, и

я догадался, что Арсеньев написал, вероятно, обо мне столько грязи и клеветы, что правление просто не решилось мне эту литературу послать.

– Второе, в чем я должен вас упрекнуть, это то, что вы послали для расследования такого бестактного человека, как Наумов!

– Но когда же некого другого было послать!.. – оправдывался Бродский.

На другой день было назначено заседание правления с моим участием. Из старых моих коллег по созданию университета отсутствовал Димо и не пришел Ситковский. В правлении же, как я заметил, наибольшим влиянием пользовались Солькин и Лебединский. Из других участников я обратил внимание на декана факультета общественных наук, по фамилии, кажется, Лаппо-Данилевский²³, бывшего видного местного судебного деятеля, как будто по роли председателя одного из бывших окружных судов. Я и раньше слышал о постоянных его выпадах по адресу незнакомого ему туркестанского представительства университета. В числе собравшихся было еще немало и других лиц, в том числе человек шесть безмолвных молодых людей, занявших места у стен; должно быть, это были представители студенчества в правлении.

Когда, после двух-трех мелких очередных дел, мне было дано слово, я обрисовал обстановку деятельности в Москве представительства, указал на создавшееся взаимное непонимание, возникшее отчасти потому, что члены университетского совета слишком быстро забыли реальную обстановку деятельности в Москве, а отчасти потому, что мне никак не удавалось, вследствие систематического молчания Ташкента, завязать живые отношения между представительством и университетом. Я высказал, что при таких отношениях и при такой обстановке я не надеюсь на дальнейшую плодотворную совместную деятельность, а потому снимаю от себя обязанности и председателя правления, и представителя физико-математического факультета.

Этого, по-видимому, никто не ожидал. В правлении я заметил смущение, члены стали недоуменно переглядываться. Однако никто не сделал предложения, чтобы я остался.

Взял слово Лаппо-Данилевский:

– Да, все то, что вы говорили, конечно, верно! Но я нахожу, что и со стороны представительства были неправильные действия!

– Об этом мы после! В своей среде! – прервал его ректор Бродский.

– Простите, Абрам Львович, но я именно для того и совершил такое длинное путешествие, чтобы дать здесь, перед своим уходом, надлежащие объяснения. Поэтому я очень прошу, безо всякого стеснения, предъявить теперь же и лично ко мне, и к представительству – какие угодно обвинения.

Бродский с беспомощным выражением лица развел руками.

– Вот вы, представительство, например, – продолжал декан факультета общественных наук, – слишком широко толковали свои права. Вы затеяли ломку медицинского факультета, вводя ветеринарное отделение, а нас, университет, об этом даже и не спросили.

Я улыбнулся. Новостью это обвинение для меня не было: Наумов, в нетрезвом состоянии, проговорился.

– Пожалуйста, – попросил я ректора, – огласите выдержку из журнала заседания представительства, что там по этому поводу сказано.

Журналов не нашли в правлении.

Я отметил, что подобные обвинения правильнее было бы предъявлять с документом в руках, чего сделать нельзя. Поэтому нельзя документально и опровергнуть обвинение. По существу же я рассказал, как происходило дело, и как, благодаря нашей диверсии, университет был избавлен от могущего быть насильственно навязанным ветеринарного факультета.

– Все происшедшее недоразумение я приписываю тому, что правление не дало себе труда внимательно прочесть журнал представительства и торопливо вывело заключение, которое оправдывалось бы только утратой разума со стороны представительства.

– Почему же вы нам этого не объяснили?

– Есть вещи, настолько понятные, что их даже неудобно и объяснять! Особенно – такой высококвалифицированной коллегии...

Бродский поднял вопрос:

– Как же нам теперь быть с представительством, если вы уходите? Не может же оно оставаться без председателя. Может быть, вы пока останетесь.

– Я не хочу ставить университет в трудное положение, а потому на время еще останусь председателем. Но прошу позаботиться, чтобы этот срок был кратчайшим!

Университет

Все свободное время я посвятил ознакомлению с тем, как осуществилось устройство туркестанского университета.

В Ташкенте он разросся более, чем мы намечали в Москве. Тогда организовывались факультеты: физико-математический, технический, медицинский, историко-филологический и военный, а агрономический должен был войти, в качестве отделения, в факультет физико-математический. В Ташкенте же агрономический факультет стал самостоятельным, и прибавились новые: факультет общественных наук и рабочий. Получилось восемь факультетов, – широкая организация, равной которой в русских высших школах тогда не было.

Главным корпусом университета являлось бывшее здание женской гимназии на Куйлюкском проспекте²⁴, против бывшего здания казенной палаты, ныне захваченной для себя туркестанским совдепом. Здесь разместились: правление, канцелярия, библиотека, факультет общественных наук, рабочий и, кажется, историко-филологический.

Здание это, ставшее теперь по внешности неприглядным, кишело молодежью, точно муравейник: дело шло к началу учебного года. Здесь был несомненный центр университетской жизни. Чувствовалось много демократизма и... грязи. Здание было сильно запущено.

Библиотека сильно разрослась. Сверх того, что приобрели мы в Москве, сюда были влиты местные книгохранилища, в том числе довольно крупная публичная туркестанская библиотека.

В бывшем здании реального училища расположились физико-математический и технический факультеты. Во время моего пребывания жизнь здесь только еще начиналась. Прекрасное когда-то здание также было сильно запущено. Например, за порчей канализации, уборные были устроены среди двора в виде простых двух ям, огороженных камышовыми «чиями». Со второго этажа можно было всем наблюдать, как профессора и студенты отправляют здесь естественные потребности.

Агрономический факультет поместился в очень неудобном помещении против городского сада²⁵, где раньше помещался кафешантан «Шато-де-флер» и, рядом с ним, казначейство. Было и неудобно и темно.

О медицинском факультете, ставшем гордостью университета, я уже говорил. О военном факультете будет речь в следующей главе.

Общее впечатление было таково, что профессура как-то сжалась и стала менее требовательной, чем в Москве. Здесь гнет большевистской власти был сильнее, и защиту найти было бы невозможно. Впрочем, с университетом коммунистическая власть считалась все-таки больше, чем со всеми другими учреждениями и организациями.

Очень остро стоял вопрос квартирный. Питаться в ту пору в Туркестане было еще сносно и недорого.

Заключение

По возвращении в Москву я застал все еще продолжающуюся «проверку» счетов, разумеется, чисто фиктивную. Наблюдал за нею уже только один Демидов. Наумов же все бегал по советским учреждениям, раздавая вино и выпрашивая деньги.

Узнал я от служащих, что Наумов с Демидовым разработали новый проект о представительстве, по которому коллегия упраздняялась, штат служащих сокращался, а представительство состояло бы только из одного лица. Кого именно – догадаться было не трудно.

Однако пока что Наумов в заседании коллегии появлялся по-прежнему обыкновенно нетрезвый и в таких случаях говорил, говорил без умолку. Потом он как-то исчез, мало стал появляться и вдруг уехал – как-то воровски, ни с кем не простившись и никого из нас об отъезде не предупредив.

Работа в представительстве при таких условиях шла вяло, ограничивались только необходимейшим текущим делопроизводством. Из Ташкента по-прежнему ничего не было – гробовое молчание.

В декабре я собрался ехать на продолжительный срок в Одессу, а поэтому отправил в Ташкент послание. Я указал, что командировкой бестактного Наумова и всем его несоответственным поведением создана обстановка, лишаящая меня возможности продолжать оставаться председателем. Подтверждая поэтому еще раз свой отказ, я сообщал, что уезжаю на продолжительный срок в Одессу, а потому сдаю все дела представительства Демидову. Я высказал также надежду, что к моему возвращению я застану уже назначенным нового председателя.

Приблизительно через неделю пришло сообщение, что я считаюсь ушедшим, а председателем представительства назначен А.П. Демидов.

После этого деятельность представительства стала совсем замирать. Затем Демидов вдруг стал раздаривать университетское имущество (мебель), предназначенное к отправке университету в Ташкент, – разному советскому начальству.

Вскоре стало известно, что советские органы, получившие в подарок наше имущество, именно соответственные органы Наркомпроса, предоставили Демидову двухлетнюю командировку за границу, для усовершенствования в науках...

Представительство умерло. С университетом связи у меня порвались.

ГЛАВА 8 ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ ФАКУЛЬТЕТ В РОССИИ

История

При организации Кавказского политехникума в Тифлисе, по роли председателя его учебной комиссии, я изучил постановку высшего образования во всех странах мира. В процессе этой работы я обратил внимание на особенность Цюрихского политехникума: в составе значительного, около десятка, числа его факультетов находился и военный, тесно связанный со всем организмом этого высшего учебного заведения. Существовало в то время несколько военных факультетов при высших школах Сев[ерной] Америки, а также, если память меня не обманывает, и в Японии. В Европе же нигде, за исключением Цюриха, такого сочетания военного и общего образования в ту пору еще не было.

Для меня лично являлось большим соблазном поднять вопрос об организации подобного опыта в Тифлисе. Но дальше своих мыслей я не пошел: было совершенно очевидно, что такое начинание не имело бы никаких шансов на успех. С одной стороны, русская научная техническая идеология находилась под сильнейшим влиянием немецкой постановки этого вида образования. В Германии же существовали только тяжеловесные узкоспециальные высшие технические школы, и их копировали существовавшие тогда немногочисленные русские политехникумы. Никакого новаторства, не заимствованного от Германии, руководители нашего высшего технического образования в ту пору не позволили бы. И даже моя попытка устроить, вместо чистого политехникума, кавказский университет с техническими отделениями встретила в Петербурге суровое осуждение.

С другой же стороны правительство очень боялось – и, конечно, не без основания – развития на Кавказе сепаратизма, а потому весьма настороженно относилось к проектированной тогда кавказской высшей школе. Даже юридический факультет признавался очень опасным, ибо юриспруденция, как полагали в Петербурге, могла содействовать развитию сепаратистических тенденций. Где уж можно было бы говорить об устройстве на Кавказе военного факультета, который встретил бы самое суровое осуждение со стороны могущественного в ту пору военного министерства и был бы трактуем как школа для подготовки будущих мятежников.

Тем не менее, с этой мыслью я не расставался, – особенно когда началась вели-

кая война и когда, в первый ее период, происходило совершенно нелепое явление. В бедной интеллигентными силами стране ценнейшие специалисты: инженеры, юристы, агрономы и пр. призывались в ряды армии нижними чинами, часто подвергались, благодаря своей интеллигентности, преследованию и гонению со стороны кадрового офицерства и гибли, как пушечное мясо. Во второй период войны эта грубейшая ошибка была, если не ошибаюсь, частично исправлена.

Туркестанский военный факультет

Когда началась работа по созданию, в 1919 году, Туркестанского университета, я начал систематически привлекать внимание к этой мысли своих коллег по правлению и по университетскому совету. Мысль понравилась и была воспринята. Мы решили ее осуществить.

Намеченная схема была такова: мы решили устроить военный факультет только с одногодичным курсом и с тою специальной задачей, чтобы получившие высшее образование на других факультетах, пройдя еще годовой курс военного факультета, получили бы право, в случае мобилизации, явиться на призыв в качестве офицеров, а не нижних чинов.

Надо заметить, что наша мысль разрабатывалась в ту пору, когда никто – и прежде всего сами большевики – не верил в долговечность большевизма, когда белое движение было в полном разгаре и можно было ожидать скорого начала созидательной государственной работы. При таких условиях нам казалось правильным, чтобы в ряды армии ближайшего будущего могли быть введены, хотя бы частично, кадры офицерства не из числа красных курсантов, а из интеллигентной университетской молодежи.

Мы наметили, что окончившие математический факультет, по прохождении одногодичного курса военного факультета, могли бы стать офицерами артиллерии, технический факультет – военными инженерами, естественный и агрономический – интендантами, юридический – военными юристами и, наконец, медицинский – военными врачами. Эта была голая схема, допускавшая изменения; детализировать и улучшить ее должна была организационная ячейка военного факультета.

Остановка была за ответственным руководителем этого дела, который обладал бы достаточным авторитетом в глазах советской власти и, вместе с тем, – что по условиям времени имело несомненное значение, – не был бы чужд Туркестану вообще. Такого человека мы нашли.

Это был генерал Снесарев. Еще в мое время, молодым капитаном генерального штаба, он был откомандирован в штаб Туркестанского военного округа. Он привязался к краю, изучил восточные языки, а также местную историю и географию. Снесарев обладал выдающимся ораторским талантом, и доклады его по туркестановедению в организованном нами туркестанском научном обществе были блестящими по красоте изложения.

Во время гражданской войны Снесарев командовал одной из красных армий. Довольно скоро он навлек на себя неудовольствие штаба красной армии и был от-

числен от командования, с назначением начальником только что созданной красной академии генерального штаба.

Мне приходилось навещать его в этой академии, которая помещалась в Москве, в Шереметевском переулке, в доме Охотничьего клуба²⁶. Поражало то малое значение, которое, по-видимому, имел в академии ее военный начальник. Это отражалось и внешне: мы проходили не раз со Снесаревым по помещениям, в которых пребывали молодые обучающиеся генштабисты, и на появление среди них начальника академии они ничем видимым образом не реагировали, даже не вставали. Очевидно, настоящим начальством здесь было начальство политическое. Снесарев же и профессора являлись только военспецами.

Снесарев пробыл в роли начальника академии до 1921 года; ему, очевидно, продолжали мало доверять. Его сместили, а вместо него был назначен пресловутый Тухачевский²⁷. Снесареву же дали какое-то место военно-исторического или архивного характера, при котором от чисто военных дел он был отстранен. Но и здесь его не оставили без надзора. Снесарев мне говорил, что у его квартиры он постоянно видит филеров; они не выпускают его из виду при всех выходах из дому.

Мы избрали Снесарева деканом организуемого военного факультета еще в 1920 году, когда он был начальником академии. Нашей организационной инициативы было мало; надо было не вызвать к затеянному делу подозрения большевистской власти и даже получить ее санкцию. На это и был уполномочен новый декан факультета.

Снесарев стал действовать в реввоенсовете, а также лично ознакомил с нашим проектом всемогущего тогда Троцкого²⁸ и его заместителя Склянского²⁹. После прений и колебаний, реввоенсовет дал согласие на этот военный эксперимент, а Троцкий это решение санкционировал.

Тогда стали подбирать профессорский состав нового факультета. Снесарев нашел их около шести человек. Всех я сейчас, к сожалению, не вспоминаю, кроме двух: полковника В.Н. Готовского и генерала Беляева³⁰.

Беляев был моим однокурсником по университету. По окончании математического факультета он пошел на военную службу, затем поступил на геодезическое отделение генерального штаба, а впоследствии из геодезистов перешел в общий состав офицеров генерального штаба. Во время великой войны он командовал дивизией, а теперь стал профессором красной академии. Человеком он мне казался не сильным и не вполне устойчивым.

О Готовском говорили, что он был во время войны начальником штаба кавалерийской дивизии, но что, будто бы, во время какой-то попойки, отвечая на оскорбление, нанесенное ему одним из великих князей, он ударил обидчика. За это он был разжалован рядовым в драгунский полк, но затем был амнистирован и назначен командиром этого самого кавалерийского полка.

Таковы были слухи. Личное же мое общение с Готовским показало, что этот красивый по внешности мужчина был в душе авантюрист и прирожденный кондотьер. Для него все были – деньги. И в наше дело он вошел только ради денежных выгод, которые он старался, как мог, извлекать из своих обязанностей по военному факультету, где он был избран на пост заместителя декана. Едва ли у него

были какие-либо твердые принципы, и со службой большевикам его совесть, по-видимому, вполне мирилась.

В более откровенных беседах со мною Готовский высказывал совершенно отрицательное отношение к советскому режиму. Но и ему мало доверяли. К тому времени, когда он попал в нашу среду, Готовский уже сидел, по его словам, семь раз в Чека. Он говорил, что всегда держит наготове чемоданчик со всем необходимым для пребывания в тюрьме. Когда приходящие его арестовывать чекисты видят этот чемоданчик, то обыкновенно удивляются:

- Откуда вы узнали, что вас сегодня арестуют?
- А я привык; столько раз меня сажали, что я всегда наготове!

О не особенно красивой роли Готовского в университете и в нашем представительстве уже говорилось.

Военный факультет на месте

Как уже упоминалось, прокатившаяся в революционное время лихорадочная волна повсеместного открытия высших учебных заведений, с весьма слабым по научному стажу профессорским составом, не миновала и Ташкента. Недовольные нашей медлительностью в Москве с делом устройства туркестанского университета, местные силы стали организовывать своими средствами дублиеты факультетов.

В ташкентских военных кругах, узнавших о том, что мы формируем в Москве военный факультет, было решено в ускоренном порядке сформировать и в Ташкенте такой факультет, и его действительно сформировали. Профессорские кафедры в нем позанимали наличные офицеры генерального штаба, артиллеристы – академики и т.п. Но не было студентов... Этот вопрос разрешили очень просто: поткомандировывали из красноармейских частей более интеллигентных солдат – и все стало готово.

При таких условиях с военным факультетом на месте получилось совсем странное положение. Оставаясь номинально под общей крышей с остальными факультетами и даже питаясь из университета денежными средствами, он вел по существу совершенно самостоятельное существование. Свою самостоятельность он стремился всячески защитить. Связь с университетом была чисто внешняя, но не органическая.

Это совершенно противоречило духу нашего начинания. Однако повернуть факультет на те рельсы, которые были для него положены, не удавалось. Это – тем более, что местная высшая военная власть, один из генералов генерального штаба, имя которого я забыл³¹, непосредственно заменивший здесь пресловутого Фрунзе³², поддерживал именно такую конструкцию факультета, с непроницаемой перегородкой между ним и университетом, за исключением черпания от последнего средств. Такая политика, впрочем, велась военным ведомством в Ташкенте и прежде, именно в случае Ташкентской астрономической обсерватории. Что же касается собственно университетских органов, то в первое время действий университета они были по преимуществу заняты сложным делом собственного размещения и выбора должностных лиц, а нужды военного факультета их интересовали

разве во вторую очередь, и это – тем более, что главные вдохновители данного начинания – Димо и я – были в стороне.

Однако в Москве, в составе оставшегося под моим председательством представительства университета, находилась еще полностью ячейка военного факультета, в которой, впрочем, действующими лицами были лишь Снесарев и Готовский. И письма из Ташкента, и рассказы приезжающих оттуда указывали давно уже на ненормальность с военным факультетом на месте. Поэтому еще с последним университетским эшелонем, отправляемым в Ташкент, за отказом от поездки самого Снесарева, мы командировали его заместителя В.Н. Готовского, возложив на него подробное освещение вопроса и создание тесной связи между факультетом на месте и его организационной ячейкой в Москве.

В другом месте рассказывалось, как Готовский воздержался от намеченной поездки с эшелонем и как это обстоятельство произвело на месте неблагоприятное для дела впечатление. Позже он все же поехал в одиночном порядке, но его командировка совершенно не удалась. Ни надлежащего такта, ни дипломатического умения Готовский не проявил. И военный факультет остался им очень недоволен, и Готовский приехал, недовольный факультетом. Трещина с ячейкой не закрылась, а углубилась.

Никаких дальнейших шагов по установлению связи с факультетом военная ячейка более не предпринимала, а при таких условиях самое ее существование в составе факультета представлялось недоразумением, тем более, что и Снесареву и особенно Готовскому выдавались, в качестве содержания их, относительно крупные суммы.

Конец

Прибыв осенью 1921 года в Ташкент, я посетил и военный факультет, чтобы лично ознакомиться с тем, во что вылилось наше начинание.

Впечатление мое было таково, что наша идея, во имя которой мы создавали этот факультет, безнадежно скомпрометирована. Военный факультет оказался неудачной попыткой дублировать в Ташкенте разные военные академии. Одно из отделений изображало академию генерального штаба, другое – инженерную, третье – артиллерийскую... Но научных сил, которые могли бы надлежащим образом воплощать в себе профессию, на месте не было. Каждое отделение было лишь плохой пародией на то, что было затеяно. На самом деле факультет не был высшей военной школой, а свелся к военному училищу, быть может, несколько повышенного вида, или напоминал собою советские курсы для подготовки красных командиров. Между слушателями вовсе не было студентов. Связь же военного факультета с университетом, если не считать денежной стороны, была столь слабая, что она сводилась лишь к весьма сдержанным, чисто дипломатическим отношениям.

И что еще того хуже, – такое положение дел, видимо, прочно выкристаллизовалось. Местные военные деятели, если и знали о нашей идее, то разделить ее не могли, и сдвинуть их с такой позиции надежды не было.

Незадолго до моего приезда в Ташкент военный факультет вынес постанов-

ление об упразднении военной ячейки в Москве. По существу это было, конечно, совершенно правильно, и я, по возвращении в Москву, не колеблясь привел это постановление в осуществление. Снесарев отнесся к этой мере довольно спокойно, но со стороны Готовского она вызвала целую бурю негодования. Он подал пространный письменный протест, на который никто, конечно, не обратил внимания.

Несколько месяцев спустя, в январе 1922 года, произошли в Москве крупные недоразумения между академической средой и советской властью. Последствием их была забастовка московского университета и другие события, о которых еще будет идти речь³³. В процессе ликвидации этой коллизии была создана, под председательством Луначарского, особая комиссия из представителей комиссариата народного просвещения и выборных представителей профессуры, задачей которой было урегулирование ненормальных сторон академической жизни.

Участвуя в этом деле, в качестве делегата московского университета, я принимал также участие в комиссии, которая имела задачей сократить расходы государства на непосильное уже для него содержание множества высших школ, число которых к тому времени превзошло сотню. Одной из предложенных мер было сохранение на государственный счет содержания лишь явно жизнеспособных высших школ и отнесение на местные средства или же закрытие школ нежизнеспособных. Однако эта мера могла бы повредить тем школам, которые лишь частично удовлетворяют своему назначению, но все же удовлетворяют. Поэтому было принято мое предложение, чтобы жертвовать не целыми высшими школами, а лишь теми в них факультетами, которые не отвечают назначению ни по научным силам, ни по постановке.

Когда в процессе общего пересмотра дошло до туркестанского университета, я, с чувством понятной горечи, указал, как на подлежащие закрытию, на военный и технический факультеты, оба действительно неудовлетворительные.

Некоторое время спустя первый военный факультет, просуществовавший около года, был закрыт, а его слушатели откомандированы по своим частям.

Первая попытка – не по нашей вине – успехом не увенчалась.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Реформатский Александр Николаевич (1864–1937) – химик-органик, заслуженный деятель науки РСФСР. В конце 1917 г. был привлечен к работе в Наркомпросе. В 1919 г. избран деканом физико-математического факультета и профессором кафедры химии МГУ.

² Баранов Павел Александрович (1892–1962) – ботаник. С 1920 по 1944 гг. работал в Среднеазиатском государственном университете (до 1923 г. – Туркестанском государственном университете), директор Ботанического института САГУ (1921–1930), директор Фундаментальной библиотеки САГУ (1928–1944). С 1928 г. – профессор кафедры морфологии и анатомии растений САГУ. Баранов руководил множеством ботанических экспедиций по Средней Азии. В 1940 г. был назначен директором Ботанического института узбекского филиала АН СССР в Ташкенте.

³ Ныне Киевский вокзал в Москве.

⁴ Личность этого деятеля идентифицировать не удалось. Хотя в описываемый Стратоновым период председатели Туркестанской комиссии часто менялись (с февраля по июнь 1920 г. им был Ш.З. Элиава, с июня 1920 г. по март 1921 г. – Г.Я. Сокольников, с апреля по июнь 1921 г. – Я.Э. Рудзутак), никого, кто носил фамилию Архангельский, среди них не было.

⁵ Чечулин Сергей Ионович (1894–1937) – ученый-физиолог. Доктор медицинских наук, профессор. Изобрел метод искусственного кровообращения, положив тем самым начало реаниматологии и трансплантологии.

⁶ Биографические данные установить не удалось.

⁷ Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1937) – военачаль-

ник, военный географ и востоковед. С 1899 г. занимался изучением и военно-географическим описанием Центральной Азии. С 1919 по 1921 гг. – начальник Академии Генштаба РККА. С 1923 г. – начальник кафедры военной географии Военной академии РККА.

⁸ *Гатовский (Готовский) Владимир Николаевич* (1879–1935) – начальник штаба Кавказской туземной конной дивизии. В 1919 г. преподавал в Военной академии РККА.

⁹ *Лебединский Вячеслав Васильевич* (1888–1956) – химик, член-корреспондент АН СССР, профессор ЛГУ (1920–1935), МИТХТ (1939–1952) и других вузов.

¹⁰ Речь идет о храме Христа Спасителя в Москве.

¹¹ Биографические данные установить не удалось.

¹² *Бродский Абрам Львович* (1882–1943) – биолог. Один из первых ректоров (1921–1926) Ташкентского государственного университета, заслуженный деятель науки Узбекской ССР.

¹³ *Солькин Андрей Фёдорович* (1895–1937) – советский государственный деятель. С 1910 г. жил в Ташкенте. Окончил Ташкентское железнодорожное училище, служил на Ташкентском участке Среднеазиатской железной дороги. В 1917 г. был избран членом Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов, а впоследствии секретарем Исполкома Ташсовета. Член РСДРП. В 1917–1918 гг. был товарищем наркома путей сообщения, а потом наркомом путей сообщения Туркестанской Республики. В мае 1918 г. – председатель ТуркЦИК. С октября 1920 г. – студент технического факультета Туркестанского государственного университета; одновременно, с декабря 1920 по 1921 гг. являлся его ректором, с 1921 г. – проректором.

¹⁴ Вероятно, имеется в виду *Михаил Андреевич Янчук* (1859–1921), этнограф и фольклорист, в 1890-е годы служивший в библиотеке Румянцевского музея.

¹⁵ *Кучербаев Владимир Николаевич* (Мухаммад Али) был выпускником Туркестанской учительской семинарии; преподавал в русско-туземной школе в Хиве. Был преподавателем восточного факультета Туркестанского университета; преподавал мусульманское право. В начале 1920-х гг. был помощником комиссара финансов.

¹⁶ *Демидов Александр Петрович* – до 1917 г. служил в налоговом ведомстве Туркестанской администрации; в 1918–1919 гг. заведовал Статистико-экономическим кабинетом Туркестанского народного университета. Автор книги «Экономический очерк хлопководства, хлопкоторговли и хлопковой промышленности» (М., 1922).

¹⁷ Казах.

¹⁸ Биографические данные установить не удалось.

¹⁹ Биографические данные установить не удалось.

²⁰ Биографические данные установить не удалось.

²¹ *Мензбир Михаил Александрович* (1855–1935) – зоолог, создатель отечественной школы орнитологии, академик. Ректор МГУ (1917–1919). Завершил обработку материалов, собранных Н.А. Северцовым, и опубликовал четыре тома «Орнитология Туркестана».

²² Ташкентское реальное училище располагалось на углу Константиновской улицы и Махрамского проспекта. Здание училища сохранилось до сих пор и является памятником архитектуры. Ныне оно находится на улице Тараса Шевченко, д. 1. В 2017 г. здание передано Министерству культуры Республики Узбекистан.

²³ С марта по сентябрь 1917 г. Николай Львович Лаппо-Данилевский принимал участие в работе Комиссии по разработке архива Туркестанского Охранного отделения от партии разночинцев-демократов Туркестана. В 1918–1921 гг. он был деканом социально-экономического факультета Туркестанского университета и читал лекции по теории права. В 1924–1926 гг. – профессор на факультете местного хозяйства и права того же университета.

²⁴ Ныне в этом здании располагается Ташкентский государственный юридический университет.

²⁵ Сад находился напротив сквера. Громадная территория, отведенная под этот сад, ограничивалась улицей Московской, Куйлюкским шоссе и Куропаткинской. В советское время городской сад был переименован в парк культуры и отдыха им. А.М. Горького. В начале 1990-х в большей части парка было построено здание хокимията города Ташкента (ныне занято МИДом РУз), но небольшая зеленая зона сохранилась.

²⁶ Ныне Романов переулок в Центральном административном округе Москвы. Проходит от Большой Никитской до Воздвиженки, лежит между Моховой улицей и Большим Кисловским переулком. В доме № 2, строение 3, с 1863 г. находилась Московская городская дума. С 1892 г. – Охотничий клуб.

²⁷ *Тухачевский Михаил Николаевич* (1893–1937) – военный деятель, Маршал Советского Союза.

²⁸ *Троцкий Лев Давидович* (1879–1940) – революционер, советский государственный деятель; один из создателей Красной армии. В 1918–1925 гг. – нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета.

²⁹ *Склянский Эфраим Маркович* (1892–1925) – советский военный деятель Гражданской войны, заместитель Троцкого на посту председателя Реввоенсовета РСФСР.

³⁰ Биографические данные установить не удалось.

³¹ Вероятно, речь идет о *Григории Яковлевиче Сокольникове* (настоящее имя Гирш Яковлевич Бриллиан) (1888–1939). Член Политбюро ЦК РСДРП(б) (октябрь 1917 г.). В 1920 г. – командующий Туркестанским фронтом, председатель Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК и председатель Туркбюро ЦК ВКП(б).

³² *Фрунзе Михаил Васильевич* (1885–1925) – революционер, государственный и военный деятель Гражданской войны. В 1919–1920 гг. – командующий Туркестанским фронтом.

³³ В 1921 г. В.В. Стратонов выступил организатором забастовок профессоров в МГУ, в знак протеста против вмешательства властей в деятельность университета. В августе 1922 г. Стратонов был арестован, а в октябре выслан из РСФСР.

Эссад БЕЙ

Последний потомок Тамерлана

Глава из книги «Белая Россия. Люди без родины» (1932)

Перевод с итальянского и предисловие Михаила Талалая

Амальфитанский берег – один из самых чудесных уголков Италии, да и всей Европы, недавно признанный ЮНЕСКО культурным достоянием человечества. Среди гор и моря, под сенью цитрусовых рощ, тут как будто нет места для человеческих скорбей и печалей. На главных вратах Амальфи, в самом деле, написано стихотворное: «Когда амальфитанцы после кончины попадут в Рай, то они увидят там уже знакомые места».

Этот гостеприимный край в 1920–1940-е годы познал, однако, и драматические сюжеты, связанные с судьбами беженцев, потерявших свою первую родину и чаявших обрести новую. Среди них были не только выходцы из рухнувшей Российской империи. Немаловажную роль для иммигрантов играла тогда патриархальная дешевизна этих мест и относительно либеральный общественный климат, «под сенью» соседнего космополитичного и богемного Капри.

Если в 1920-х годах тут обосновалось немало россиян, то после прихода Гитлера к власти в Германии и аншлюса Австрии преобладающим элементом здесь стал немецкоязычный. Это был воистину странный феномен: в муссолиниевской Италии находили приют как немцы, идейные противники нацистского режима, так и преследуемые евреи. Для последних убежище, впрочем, оказалось ненадежным: в конце 1930-х гг. Муссолини сблизился с Гитлером, и в 1938 году в Италии были введены так называемые «расовые законы», – немецких и австрийских евреев вынудили бежать далее, а оставшихся позже депортировали в концлагеря.

На рубеже немецкого и русского миров пребывал Лев Абрамович Нуссинбаум (1905–1942), выходец из бакинской еврейской семьи, принявший в эмиграции, в Берлине (в молельне при турецком посольстве), мусульманство с именем Эссад Бей (или Эссад-бей)*. После прихода Гитлера к власти он перебрался в Австрию, продолжая сочинять по-немецки увлекательные романы, донныне публикуемые на разных языках. Особую известность приобрел роман «Али и Нино», вышедший в Вене под псевдонимом «Курбан Саид»: относительно авторства этой книги, впрочем, идут дискуссии.

Однако и в Вене стало небезопасно, и с 1938 года Нуссинбаум обосновался в Позитано, рыбацкой деревушке на Амальфитанском берегу.

В том же году Муссолини, вслед за Гитлером, ввел расовые законы: Эссад Бей вскоре попал под подозрение в еврействе, но сумел остаться в Позитано, заявив, что он – мусульманин-азербайджанец, и предъявив лояльную брошюру на итальянском «Магомет» (Флоренция, 1939), где говорилось и о духовной близости Пророка с Дуче.

* См. его биографию: Риис Т. Ориенталист. – М.: Ad Marginem, 2013, а также наш очерк: *Talalay M. Essad Bey, alias Lev Nussinbaum, «Nuscuno scrittore in fuga dai totalitarismi // Intellettuali, storici, economisti di fronte ai totalitarismi nell'Europa Centro-Orientale / A cura di A. Basciani. – Roma: Philos, 2005. P. 39–43.*

О прибытии Нуссинбаума на итальянский Юг немецкая писательница Элизабета Кастоньер рассказывала следующее: «Однажды откуда-то вынырнул русский турок по имени Эссад Бей, в сопровождении одной дряхлой дамы, говорившей исключительно по-русски и некогда бывшей, по уверению Эссад Бея, его няней*. В качестве документа он предъявлял посадочный билет "Norddeutschen Lloyd", в глазах почтительных карабинеров являвшийся дипломатическим паспортом**».

Однако атмосфера на побережье стремительно менялась – прежде вежливые карабинеры все чаще и чаще останавливали иностранных жителей, явно следуя полученным свыше инструкциям. Многие решили ехать куда-то дальше, но, как пишет Кастоньер, «человеческие реликты, выброшенные в Позитано, были слишком бедны, чтобы оплатить вожденное трансатлантическое плавание, да и получить визы было невозможно. В результате праздновали, с дешевым вином и бутербродами с помидорами и рыбой, всяческие мелкие события – такие, как прибытие нового эмигранта и даже присылку из Вены фрака Эссад Бея***».

Когда же Нуссинбаума, как подозрительного иностранца, все-таки решили выселить с побережья, он воспользовался помощью знакомых медиков. Однако в его случае заболевание было настоящим, и в 1942 г. литератор скончался в результате болезни Рейно, приведшей к гангрене. В метриках местного муниципалитета после его кончины появилась запись: «американский гражданин арийской расы», – небывалый пример посмертной мистификации. На кладбище Позитано над могилой Нуссинбаума было водружено традиционное мусульманское надгробие с турбаном, породившее в среде местных жителей мнение, что покойный был арабом...

Под псевдонимом Эссад Бей вышло с десяток книг на немецком: биографии Ленина, Сталина, Николая II, аналитические эссе о Кавказе и его главном богатстве – нефти. Одна из книг, под названием «Белая Россия: люди без родины» (1932), состоит из очерков о Гражданской войне и о русской эмиграции. Мы выбрали из него один текст, который и публикуется ниже.

От редакции. Публикуемая глава представляет интерес не столько как историческое свидетельство, сколько как набор расхожих представлений о Саиде Мир Мухаммаде Алим-хане (1880–1944), последнем эмире Бухарского эмирата, правившем до захвата Бухары Красной армией 2 сентября 1920 года. Несмотря на то, что автор допускает ряд исторических неточностей (начиная с того, что правители династии Мангытов, к которой принадлежал Саид Алим-хан, не были тимуридами), – учитывая, что период жизни последнего бухарского эмира малоизвестен и почти не исследован, очерк Эссад Бея имеет определенное значение. Все примечания – ВС.

Пятьсот лет прошло с той поры, как над миром пронесся вихрь войск Тамерлана. Пятьсот лет на базарах и на площадях перед мечетями бродячие певцы воспевают подвиги хромого завоевателя. Его подвиги стали легендой. Но его империя быстро развеялась по ветру. <...> Лишь в Самарканде, его столице, до сих пор высятся знак славы <...> полководца. Это – известный Гур-Эмир, мавзолеем Тамерлана. В мире от Тамерлана осталось две вещи – его мавзолей и его династия.

Мавзолей, похожий на гигантский, но вместе с тем и грациозный лотос, великий государь стал возводить еще при жизни. Крутые лестницы ведут внутрь, где под бирюзовым куполом покоятся останки Тамерлана. Саму могилу закрывает монолит из малахита¹, самый большой в мире. Размером с бильярдный стол, он прибыл в Самарканд из Китая. <...>

* Алиса Шюльте, уроженка Латвии (1868 – ?), действительно была няней Нуссинбаума, эмигрировавшей вместе с ним из Баку в Европу; среди жителей Позитано ходили слухи, что она якобы являлась его матерью.

** *Castonier E. Stürmisch bis heiter. Memoiren einer Außenseiterin.* – München: Nymphenburger Verlag, 1964. S. 305.

*** Там же.

В самаркандском мавзолее воплотилась вся помпа, блеск и мощь основателя империи и могучей династии. Он стоит в самом центре города, напоминая о всех тимуридах – государях и деспотах Туркестана и Индии.

Рядом с Тамерланом погребен его благочестивый сын. Его жизнь текла спокойно и скромно, под тяжелой сенью отцовской славы. Скромна и его могила².

У маленьких окошек мавзолея вывешены тимуровы знамена: конские хвосты на флагштоке. В конских хвостах обитают добрые духи, и только перед этими хвостами преклонял свои колена, в часы интимной молитвы, Тамерлан. Ветер из пустыни ласкает знамена, и конские хвосты плавно раскачиваются над гробницей <...>.

Кроме прекрасной усыпальницы хромой воин оставил миру еще одну память – династию тимуридов <...>. Они основали в четырех сторонах света четыре царства и принялись отчаянно между собой ссориться. В итоге им пришлось сдать один край за другим могучим пришельцам, а в конце – и красавец Самарканд, колыбель родовой славы.

Тимуриды владели многими городами, не меньше было число их битв. Но никто из них не мог померяться славой с родоначальником: разница между полководцем и его детьми и внуками была слишком значительной. Его грандиозные завоевательные походы выродились в кастовую борьбу, и империя рассыпалась в прах.

Когда Европа, в лице великого «белого царя», постучалась в ворота Туркестана, у тимуридов был еще один край, громкое название которого мало соответствовало его скромному значению, – Бухарский эмират.

Бухара! Это имя звучало сладкой музыкой для поэтов, пророков и бродячих певцов. В Бухаре, у трона эмира, собирались мудрецы всего Востока. Сам эмир, восседая на чистом золоте, принимал дары из разных уголков мира и считал свой город его столицей. Однако эти времена ушли в глубокое прошлое. Над дворцом эмира и над его краем уже давно витала тень иностранного господства.

«Белый царь» подчинил себе Туркестан, и царские послы ежедневно твердили эмиру «мудрые» советы о необходимости слушаться России. Эмир меланхолично, но безоговорочно следовал этим советам – как ради дружбы с царем, так и ради дипломатической выгоды. В обмен на безоговорочное, пусть и меланхоличное следование царским желаниям эмир пользовался публичной поддержкой русской администрации. Например, он сохранил ряд привилегий – рубить головы подданным по собственной прихоти, строить особняки, влезать в долги и держать гарем.

В его дворце было сто залов, из них одна половина была убрана на европейский вкус, другая – на азиатский. В европейской половине он принимал послов и кредиторов. В азиатской он держал золотой трон³ и женщин. Имена женщин были известны лишь нескольким посвященным, заранее кастрированным. Для всех остальных они были пронумерованы таким образом: «седьмая приязнь эмира», «десятая приязнь эмира» и т.д. Шестнадцатая приязнь эмира была немкой, – Европа входила в Бухару и таким приятным образом, не только с солдатами царской армии.

Эмиру не были знакомы тяготы управленческой работы, и это стало для него фатальным. Когда звезда «белого царя» закатилась в русских степях, когда русские

советники, не попрощавшись, бесследно исчезли и когда в Бухаре закончилась мода на русские ордена, у эмира на вооружении остались лишь приемы эпохи его пращура Тимура, в XX веке малопригодные даже для Туркестана.

Первые месяцы революции, впрочем, не причинили особых волнений. Русские войска и советники исчезли, и посему во многие районы эмирата ворвались хищные соседи. Однако в начале соседский бандитизм удалось сдержать старым методом: эмир без долгих слов пережег аггессоров с принцессами из своего гарема и назвал их принцами. Опершись на эту новую аристократию, он думал безмятежно продолжать жизнь в своем дворце, теперь преимущественно на азиатской половине.

Но завистливые соседи оказались не единственной угрозой для эмира. В желтых пустынях поднимался красный Туркестан, который поддерживала новая Россия. Некоторые подданные эмира, непонятным образом прежде избежавшие декапитации, объявили своего правителя вампиром и вассалом белогвардейцев. Ко вратам Бухары вновь пришли русские.

Так закатилась власть тимуридов в Бухаре. «Вампир и вассал белогвардейцев» бесславно бежал, в сопровождении некоторых придворных, в Афганистан. Там он сразу устроил «белую русскую Бухару». Сам эмир имел чин царского генерала⁴, и вокруг него собрались также бывшие царские офицеры, «белые» бухарцы и искатели приключений всех мастей. «Белая Бухара» стала называться движением басмачей, но в целом ничем не отличалась от других «белых» на Дону, Кубани и в Сибири. Полководцем басмачей стал некий Энвер-паша⁵, в прошлом турецкий офицер. Ему удалось выковать из своих подчиненных реальную военную силу, но и она не смогла сделать большего, чем другие «белые» воины.

Большевики разбили Энвер-пашу и его басмачей, и десять лет тому назад сто тысяч туркестанских аборигенов покинули родные песчаные пустыни ради пустынь Афганистана, не менее пустынных. Беглый народ собрался вокруг беглого эмира.

Резиденцией тимурида стал Херат, старинный город на севере Афганистана, где старые мечети и обшарпанные дворцы свидетельствуют о великом прошлом. Любезный Аманулла-хан дал убежище коллеге-эмигранту, положив ему годичную ренту, которую, впрочем, отпускала британская казна. Таким образом было обеспечено материальное благополучие наследника Тамерлана.

Образовать бухарский двор с полагающимися удовольствиями взялись подданные эмира, также эмигранты.

В южных бухарских краях обитают кочевники, привыкшие повиноваться своему государю. Когда в пустынях распространилось известие о победе «красных», они ушли в Афганистан, но не для того, чтобы стать подданными афганского государя. Они хотели продолжать службу своему эмиру, что в Афганистане не вызвало никакого удивления: здесь, на территории одного государства, издавна существовало множество государств.

В Херате, среди диких степей, теперь раскинут великолепный шатер эмира. У шатра разбит огромный лагерь, где поселились придворные эмира, бухарская знать, хищные соседи, ставшие принцами, и другие «белоэмигранты». Тон задает, кроме эмира, хивинский хан, получивший титул «великого героя» и командование эмигрантской армией. Хан постоянно совершает набеги на бухарских коммуни-

стов, нещадно их режет, крадет деньги, овец и девушек. По возвращении в лагерь трофеи справедливо делят между эмигрантами.

Советы платят басмачам той же монетой: весь бухарский край теперь разорен. Бухарская «белая» война, возвещают в Херате, закончится лишь с водружением золотого трона эмира там, где он стоял, – в азиатской половине его бухарского дворца.

Война с Советами – всего лишь часть деятельности эмира. Он деятельно ведет переговоры со всеми державами Востока, шлет свои посольства персидскому шаху и афганскому королю, обсуждает меры по обороне своего будущего царства, обещает горы золота, конспирирует заодно со всеми князьями Туркестана, выброшенными, как и он, из родного места⁶.

Конспирация уже достигла дипломатического успеха: бывший хан хивинцев и бывший князь узбеков отдали свои бывшие земли бывшему эмиру – за пожизненную ренту. Если Советы уйдут из этих его новых «владений», то те станут по размерам не меньше всей Европы.

После «аннексии» новых земель эмир выпустил прокламацию: «Наше Величество, сын великого Сеид Бахадура, Божией милостью господин всех земель от Иссык-Куля до Балхаша, объявляем, во имя радости наших верных подданных и страха наших врагов, о войне. Подлые враги, захватившие наши земли, должны быть разбиты. Мы приказали нашим храбрым полководцам – хану Хивинскому и Ибрагим Беку, князю узбекскому, повести наше войско на разгром врагов и на освобождение наших земель. Мы вновь будем там править, по заветам наших отцов, ради блага наших народов. Мы же, в городе Херат, в нашей временной резиденции, смиренно просим Аллаха о помощи нашему правому делу».

Однако эмир понимал, что судьба его земель зависит не только от прошений к Аллаху и от побед его «храбрых полководцев», и обратил свои взоры в сторону Европы.

Надежды, как будто, его не обманули. В русле своей европейской политики он выпустил особую прокламацию, где разъяснил, что все неверные делятся на две группы.

Первая – это та, что поддерживает его требования, вторая – что их отвергает. К первой группе подданные эмира должны были питать любовь, вторую – ненавидеть. Кроме того, эмир лелеял мечту устроить в Европе процесс против Советов, обвинив их в краже сокровищ и в убийстве князей. Его сокровища, действительно, стоили много, а жизнь князей была и вовсе бесценной, и эмир рассчитывал хорошо проучить советское правительство.

Прошли года, но он не выиграл ни войну, ни процесс. Отчаявшийся эмир пустился на трюк, не вполне соотносимый с его благородным происхождением: он задумал непосредственно снестись с Советами. Его верный министр иностранных дел был послан с соответствующей тайной миссией в Кабул.

Министр надлежащим тайным образом встретился с советскими послами в Кабуле и передал им щедрые предложения эмира: он был готов заключить мир с Советами и приказать своим подданным вернуться в бухарские края. В компенсацию он просил у коммунистов четверть или хотя бы осьмушку прежнего царства. На этой территории он обещал сохранять лишь видимость монархического прав-

ления и слушаться приказов Москвы, уж больно он соскучился по родине и по венцу. В любом случае он хотел получать из Москвы годовую ренту. Кабульские послы, отправив депешу в Кремль, получили твердый ответ: «никаких договоренностей с бывшим бухарским вампиром».

Узнав это, верный министр эмира спросил: «Значит, московское правительство не желает знать моего господина?». Получив положительный ответ, министр заявил, что готов отравить своего господина – если Советы пообещают вернуть ему добро, ведь и его тоже замучила тоска по родине.

Послы послали новую депешу в Москву. Ответ гласил, что советское правительство не возражает, если министр отравит своего эмира, но добро ему не вернет.

Эмир остался жить. Однако Советы решили обратить особое внимание на Херат и заслали туда своих агентов-провокаторов. В Херате пышным цветом расцвели поджоги, отравления и удушения. Таким образом достигалась главная цель – возрождение «старых добрых» традиций эмирского двора и ликвидация его ненужной ностальгии по золотому трону в Бухаре.

Отношения между «красной» Бухарой и «белой» стали оживленными. Иногда советские чиновники в Бухаре вдруг крадут советскую казну и бегут к эмиру, объявляя о своей ностальгии по монархии. Иногда придворные эмира в Херате бегут к Советам, объявляя о своей ностальгии по родине.

Тем самым эмигрантская жизнь полна разного рода увлекательных событий. То басмачи привезут в лагерь новых юных рабынь, то кого-нибудь отравят, то басмач сбежит к Советам и его публично заклемят, то коммунист сбежит к басмачам и его публично прославят. Придворная жизнь обретает вновь свои корни, а белоэмигрантская молодежь воспитывается в лучших восточных традициях.

У стен Херата, в золоченом шатре, на шелковых подушках восседает, скрестив ноги по-турецки, Его Величество эмир, господин Бухары и всех земель от Иссык-Куля до Балхаша. Он пьет кумыс из фарфоровой пиалы и вспоминает мраморный цветок лотоса – самаркандский Гур-Эмир. За порогом шатра воют афганские пески, засыпающие всякую мечту последнего тимурида о визите к малахитовой гробнице великого пращура.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В действительности – нефрита.

² Рядом с могилой Амира Темура расположены могилы двух его сыновей – Шахруха и Миран-шаха. Жизнь обоих была достаточно бурной.

³ Еще одно преувеличение. У бухарского эмира не было золотого трона.

⁴ Эмир имел чин генерала-адъютанта.

⁵ *Исмаил Энвер* (Энвер-паша, Энвер-бей) (1881–

1922) – военный министр Османской Империи во время Первой мировой войны; один из руководителей басмаческого движения.

⁶ О дипломатической деятельности эмира в эмиграции см.: Абдуллаев К. О политических взглядах бухарской эмиристской эмиграции в Афганистане // Вестник Российско-Таджикского (славянского) университета. 2015. № 2 (49).

Николай ИЛЬИН

Телеграмма сапоги

Рассказ

Когда я еще не ходил в школу, мы жили неподалеку от Паркентского базара. Здесь были тихие улочки, одноэтажные домики самодельной постройки с двориками и садиками. Главной достопримечательностью была небольшая текстильная фабрика с примыкавшим к ее забору летним кинотеатром, официально именовавшимся «Вечерний кинотеатр имени Степана Разина».

Меня занимала мысль, каким образом демонстрация фильмов в нашем кинотеатре могла быть связана со Степаном Разиным. Конечно, я знал, что Разин – народный герой, защитник простых людей и борец с угнетателями. Он отбирал у богатых то, что они скопили за счет народа, и, как Робин Гуд, раздавал все бедным. Была улица Степана Разина, где находился сам кинотеатр, а еще я хорошо знал русскую народную песню «Из-за острова на стрежень...», которую тогда часто передавали по проводному радио. Она тоже рассказывала о Стеньке Разине, давшем имя нашему кинотеатру. Я никак не мог понять, зачем Стенька бросил персидскую княжну в воду. Да, она была княжна, то есть «буржуйка», из богатых, но ведь Стенька сам ее взял; она не ругалась, не дралась, не дразнилась, соглашалась с ним жить, кормить его, стирать и гладить белье...

Папа объяснял, что Степан Разин бросил персидскую красавицу в реку для того, чтобы друзья не сомневались в его дружбе и преданности. Что он останется верен их делу, которое они решили делать вместе, и что он не будет больше отвлекаться от борьбы ни на каких красавиц. Но чем и как могла эта девушка отвлечь от борьбы такого героя? – ну, пусть она была болтушка и приставака (как моя сестренка: от нее никак не отговоришься), но зачем топить? Закрой в чулан или прикажи стражникам не пускать к себе. И почему нельзя было просто дать товарищам «честное слово» (у нас, уличных пацанов, это немало значило), что если опять увлекусь красавицами – то «гадом буду», но непременно надо было бросать ее «в набежавшую волну»? А ведь я слышал от дяди Сережи, который бывал на Волге, что это очень большая река, шире даже Комсомольского озера. Пусть она была дочкой богача, врага простых людей, но можно было использовать ее на всяких работах – заставить убирать избу, жарить блины или делать пельмени...

В художественном произведении, пояснял папа, не надо все принимать за правду. Художники, поэты и писатели часто описывают события не так, как происходило на самом деле, могут что-то прифантазировать, и это называется гиперболой.

– Вот ты говорил, что Толик Головнюк сильнее слона, но на деле он же не сильнее слона, ты ведь это понимаешь, – значит, здесь гипербола.

– Да, и упрям как ишак, – подсказал я.

– Ну, тут еще может быть равенство, а вот слон – явное преувеличение.

– Но, папа, это же не песня и не стишок, – усомнился я.

– Ладно. Вот, помнишь ту песенку, которую вы разучивали в садике на Новый год? Напомни-ка мне.

Я напомнил:

Мы за елочкой пойдем,
Ах, как интересно!
Все топорики возьмем
И затянем песню.

– Хорошо. Видишь, здесь явное преувеличение. Если вы всей вашей оравой в шестьдесят человек, да каждый с топориком, пойдете в лес, вы там таких дров наломаете... Столько народа и не нужно: даже к стволу не подступитесь, а по очереди – очередь не дойдет, так что здесь явная гипербола.

– Но зачем гипербола, почему не послали за елкой просто дежурных? – поинтересовался я.

– А гипербола тут подчеркивает ваши коллективные действия, ваше единство и общее намерение весело справить Новый год. Все как один.

– Понятно, – сказал я, хотя что-то в теории преувеличения меня смущало.

Кинотеатр имени Степана Разина как культурно-просветительское учреждение представлял собой огороженный белой стеной двор, где стояли скамейки для зрителей перед сценой с экраном. С противоположной стороны была будка кинемеханика, откуда вечером проецировали фильм на экран, а днем сидел за своим столом и писал рабочие планы и отчеты сам директор кинотеатра – Ефим Аронович. Иногда он просто сидел на крыльчке и смотрел газеты, иногда курил папироску, но чаще всего читал.

Ефима Ароновича вся наша округа знала и любила. Наша толстая соседка Марья Ивановна говорила, что с директором нам просто повезло. По ее мнению, не меньше как сам Господь Бог назначил Ефима Ароновича директором в наш кинотеатр имени Степана Разина. Ефим Аронович умел «доставать» интересные фильмы: про любовь, семейные отношения, музыкальные комедии. Ефим Аронович был еще и очень приятным и деликатным человеком. Со всеми ласково здоровался, никогда не раздражался, даже когда местные бабки донимали его расспросами, терпеливо выслушивал их придирки: «мы думали, фильм будет хороший, а оказалось лабуда, дерьмо собачье» и т.д., – крутого и озлобленного народа после войны хватало.

Но особенно добр и ласков был Ефим Аронович к нам, детям. Мы его просто обожали. Он всегда совершенно серьезно, как с настоящими взрослыми, подолгу беседовал с нами, обсуждал наши «проблемы», приглашал зайти в будку, усаживал на стулья, подробно расспрашивал о наших «семейных делах», позволял рассматривать (хотя не трогать руками) аппаратуру и часто угощал конфетами «Кис-кис». Для меня последнее было просто удивительно: в моей семье никогда не баловали конфетами просто так. А еще – он удивительно приятно умел гладить по голове, почти как мама. Может показаться, что это всегда и ото всех приятно, – нет. Вот дядя Сережа – подойдет сзади, взъерошит тебе волосы и громко закричит: «Ну как она, жизнь, – достает?!». Тут поневоле ответишь: «Как она? – как арык без дна! Сами вы достаете, дядя Сережа». Ефим Аронович – другое дело. Позднее, уже школьниками, мы узнали, что раньше Ефим Аронович жил в Украине, а когда началась война, от бомбежки погибла вся его семья – жена и дети. Мне очень не нравилось, когда его называли просто Ефимом или, еще хуже, Фимой, и всем мальчишкам не нравилось, – нет, только Ефим Аронович (за исключением, конечно, уличных речевок, типа «Мы фильм хотим, где фильм, Ефим?»).

Еще одним удивительным свойством Ефима Ароновича было умение неожиданно раздуться, как накачанный мячик, и казаться, при своем низком росте, очень большим и широким, – а иногда сдуваться и выглядеть совершенно сморщенным и ссохшимся. Появится статья в городской газете об успешной работе его кинотеатра или похвалит его работу какой-нибудь интеллигентный папа – и он расправит свои покатые плечи, выпятит животик, разведет руками полы пиджака... А расскажут ему что-нибудь плохое, например, как наш сосед дядя Витя, инвалид, чуть не повесился или как дядя Андрей избил до полусмерти своего сынишку из-за разбитой бутылки спирта, – и он тотчас съежится и сдуется... Оттого-то некоторые считали, что он довольно полный и даже с пузиком, а другие уверяли, что он тощ, как щепка, непонятно, на чем штаны держатся.

К Ефиму Ароновичу мы приходили почти каждый день: рядом с текстильной фабрикой был асфальтированный съезд, где было удобно скатываться на самодельных шарикоподшипниковых самокатах – прямо до будки киномеханика. А так как раздраженный нашим грохотом охранник текстильной фабрики частенько выбегал и гонялся за нами, грозя отобрать самокаты, то защита Ефима Ароновича была ох как полезна. И потом, с ним можно было поговорить о чем-нибудь интересном, попить воды, посидеть в прохладной будке.

Часто мы приходили к нему «по делу»: взрослые, мамы и папы, хотели пораньше узнать, какой фильм будет вечером, а объявление вывешивалось только к обеду. Мы же, мальчишки, могли сбегать и спросить у самого директора часов в одиннадцать-двенадцать. Если черновик объявления был уже готов, Ефим Аронович просил нас самих прочитать название фильма и выпустившей его киностудии, а нам предстояло все это запомнить и не забыть по дороге.

Выше всего котировались картины «Мосфильма» («Они обычно серьезное делают»), студия имени Горького считалась так-сяк, студия Довженко оценивалась довольно низко («Эти вечно сделают какую-нибудь занудь»). «Ленфильм», по их мнению, мог показать что-то интересное, а мог и какую-нибудь заумь, халтуру: «выпендрей – фиг поймешь!».

Однажды жарким днем мама попросила меня сходить к кинотеатру и узнать программу на вечер. Больше того, она обещала дать мне после этого денег на мороженое. Я взял самокат и понес его от двора до асфальтового тротуара, так как по нашей пыли катить было невозможно. По дороге я зашел к Валерке, чтобы предложить ему сгонять вместе.

Валерка был моим приятелем и жил в переулке, который назывался, согласно табличке, «Баный пер». Никакой бани в том месте не было, а если и была когда-то, никто о ней уже не помнил. К названию переулка на табличке кто-то похожей черной краской старательно дописал необходимое окончание «дун». (Когда уже взрослым я вновь побывал в этих местах, на новой табличке с названием переулка опять было дописано то самое окончание, только более аккуратно, явно по трафарету, с учетом технического прогресса.)

Валерка слыл на нашей улице «умником»: он сам прочел еще до школы не только «Гуси-лебеди», «Три медведя» и «Курочку Рябу», но половину большой книжки «Чиполлино». Он был сыном какого-то «ответственного работника», к нему домой ходил репетитор. Валерка всегда был одет чисто и аккуратно, трусы у него были не просто черные, как у нас, детей «безответственных работников», а в клеточку. Он умел серьезно рассуждать и уже носил очки. У них был лучший дом на улице и машина «Победа». Я расслышал однажды, как Валеркин папа сказал своему Валерке: «Играл бы ты с кем-нибудь более причесанным». Но «более причесанных» на нашей улице просто не было.

– Валик, сгоняем до кинотеатра?

– С какой целью? – он серьезно взглянул на меня сквозь очки.

– Узнать, что будет вечером. – Я был особенно внимателен, говоря эту фразу: если б я сказал «Узнать, какое кино», то непременно получил бы в ответ зарифмованное уличей «Ишак играет в домино!»; а если бы спросил «Какой будет фильм?», то услышал бы – «Какой привезет Ефим».

Валерка важно кивнул и пошел в дом «переодеваться к выходу». Скоро он вышел, одетый в рубашечку (я-то был в одних трусах) и с заводским самокатом в руках. Этот самокат был предметом зависти всей улицы: он не грохотал подшипниками, как наши, и у него был настоящий руль (у нас – доска и брусок на штыре, поворачивающийся на петлях из закрученных гвоздей). А главное – у него был сигнал-звончок и ручной тормоз! У нас тормозов не было вовсе, или они представляли собой резинку от старой грелки над задним подшипником, куда мы жали голой пяткой. Но многим ребятам родители не позволяли резать грелку.

По дороге заговорили о Степане Разине. Я снова высказал свои сомнения насчет поведения народного героя с княжной.

– Это *исплицитаторы*, – сказал он, – они гады, их всех давить надо.

– Но это девушка.

– Ну и что? Их же отродье.

– А папа говорит, что Разин таким не был, что это просто... гипербола.

- Что-о?
- Ну, такое специальное преувеличение.
- Брехня, что ли?
- Не брехня, а прием такой. Вот ты же знаешь стишок:

Если завтра война,
Мы зарежем кабана,
В жопу пороха набьем,
Всех фашистов перебьем!

- Ну, знаю. А при чем тут гипербола?
- Как же: фашистов ведь много, одного кабана не хватит, сколько ни набивай. Значит, преувеличение.

- Зачем?
- Чтобы показать нашу решимость драться с фашистами. И что любым способом мы их одолеем.

Валерка подумал, а потом сказал:

- Нет, не должно быть никаких преувеличений. В народных песнях всегда правда. Народ всегда говорит правду.

Я задумался о правдивости народа.

Среди мальчишек немало было брехунов, да и среди соседей-взрослых вралей хватало, правдивых было гораздо меньше. Как так получалось, что поодиночке брехали многие, а собравшись в народ, говорили только правду?

«Свадьбу новую справляет...» Значит, он только что сделал ей предложение – и прямо в день свадьбы бросил жену в воду. Папа объяснял мне, правда, что это была не настоящая свадьба, что он «взял ее просто так, без документов». Но предложение-то он ей делал? Я полагал, что герой Стенька никак уж не мог колебаться, а, наверно, сильным басом, как и сам певец, исполнявший песню, сказал ей твердо: «Выходи за меня замуж!». Что же с ним случилось наутро, что он так резко передумал? «Хмельной»? Я уточнял, что такое хмельной. Пьяный, оказывается. Тогда все понятно. Выходит, он еще и пил...

Когда мы на наших самокатах подъехали к будке, Ефим Аронович сидел внутри и что-то писал. Увидев нас, отложил ручку, улыбнулся и вышел навстречу.

- Ну, как дела, молодые люди? Какие проблемы волнуют сегодня ваше поколение?

– Все нормально, ничего не волнует, – ответил я.

– А гипербола? – вдруг вставил Валерка.

– Гипербола?! – весело переспросил Ефим Аронович (при этом он заметно расширился). – Вы знаете, что такое гипербола?

– Знаем, – солидно ответил Валерка. – Это такая придумка, чтобы сильнее подействовало в стишке или в песне.

– Как это?

– Ну, вот вы же знаете стишок:

Один американец
Засунул в жопу палец
И думает, что он
Заводит патефон.

- Нет, я не знал этого произведения, – признался Ефим Аронович.
- Тут явное преувеличение, не могло так быть на самом деле, не идиот же он!
- Ну и зачем такая гипербола? – спросил Ефим Аронович.
- А чтобы подчеркнуть их нехорошие действия!
- Я тоже решил помочь ему:
 - Чтобы сказать, что американцы глупо себя ведут: они бомбами нам угрожают, я сам по радио слышал. А пугать нас глупо: мы фашистов победили. Пугать нас – все равно что думать, будто заводишь ручкой патефон, когда на самом деле...
 - Ладно, не уточняй, – попросил Ефим Аронович. – А тебе нравится этот стишок?
 - Смешной.
 - Смешной, – грустно согласился Ефим Аронович и немного сдулся, спина его сгорбилась, и на лице появились морщинки. – Лучше бы вы интересовались более приличными произведениями.
 - Мы и интересуемся... Вот Сашок все время интересуется песней про Стеньку Разина.
 - Чем же ты там заинтересовался?
 - А зачем Степан Разин утопил княжну? – выпалил я.
 - Зачем? Трудно сказать... Тут много всего. Наверно, хотел своим понравиться: они ведь завидовали, что у него такая красавица. Да и пьян был.
 - А мне говорили, что он хотел им показать, что не будет больше отвлекаться от борьбы.
 - Может, и это, но чем же девчонка могла так помешать ему?
 - Она была из богатых. Она могла заступаться за богатых.
 - Если у нее все отобрали, то она уже бедная.
 - Мы как-то не ждали такого поворота и оба замолчали.
 - А что, богатые все плохие? – спросил Ефим Аронович.
 - Все!
 - А если они добрые, заботятся о людях, дают им работу, платят?
 - Работы и так хватает, – уверенно сказал Валерка.
 - Да, если ее делать плохо, а если делать хорошо – ее становится меньше. Ведь можно, если богатый, хорошо платить, нанимать докторов, открывать школы для их детей.
 - Как же, откроют они, – классово озлился Валерка, – они только на свой карман работают. Это же буржуи, *эксплуататоры*. Мне папа точно говорил. Давить их надо!
 - Ефим Аронович окончательно сдулся и сморщился, как старая морковь. Он хотел что-то сказать или объяснить Валерке, но потом как-то странно взглянул на него и осекся.
 - А разве девушку не жалко? – спросил он.

– Мне жалко, – сказал я.

– А мне ни капельки! – вскричал Валерка.

Ефим Аронович помялся, помолчал, а потом вдруг поднял Валерку на руки и погладил его по голове.

– Ты ведь не злой?

Валерка не понял, но почувствовал, что в чем-то вел себя «не так», и явно смутился:

– Не злой... Но если враги...

– Да, если враги, но и враги разные бывают. Кто-то бьет и грабит, как фашисты, а кто-то, как эта девушка, просто выросла в княжеском доме, ее воспитали княгиней, но, может, она вовсе не злая и не жадная. Вот ты же не дерешься без всякой причины, просто так?

– Нет, конечно.

– И молодец.

Ефим Борисович опустил Валерку на землю. Тот продолжал чувствовать себя неловко, агрессия его сникла, тем более что Ефим Аронович вручил нам по конфетке «Кис-кис».

– Спасибо, – пробормотал Валерка.

– Ешь на здоровье, – сказал Ефим Аронович и еще раз погладил его по голове.

Я вспомнил о поручении:

– Ефим Аронович, а уже известно, какой будет фильм?

– Сейчас позвоним и узнаем, – ответил Ефим Аронович.

Он подготовил авторучку и бумагу. Телефонный диск с шумом крутился под его пухлыми пальцами. Он любезно поздоровался с невидимой собеседницей (мы слышали, что голос был женский), даже чуть приподнялся и, как бы кланяясь, задал несколько вежливых вопросов о здоровье и всяких делах, припомнил температуру дочку собеседницы и потом только перешел к делу.

– Да, записываю, – и он стал черкать что-то на бумаге, а затем переспросил: – Простите, я не ослышался? Как, как?.. Странное название. Разве так может быть?

Властный голос подтвердил, что может.

– А это не какая-нибудь ошибка, описка?

Голос в трубке стал раздраженным:

– Фима, пожалуйста, не умничай. Пиши, как сказали.

– Понимаю. То есть понимаю, что вы все проверили и уточнили, но странно...

Ладно, сделаю, придется сделать...

Ефим Аронович почесал затылок, протер очки и стал записывать название фильма.

– Так какой фильм, Ефим Аронович? – решил спросить я. – Давайте я сам прочту.

– Не надо, все равно не поймешь. Я сам не понимаю...

– А что сказать маме?

– Скажите, что название необычное... «Телеграмма сапоги»!

– Как?

– Вот так. «Телеграмма сапоги», – повторил Ефим Аронович.

В будку заглянул штатный художник кинотеатра, худощавый и сутулый Семеныч:

– Добрутро, Фимроныч!

У художника были седеющие волосы удивительно линиялого оттенка и серые мутные глаза. Он приходил часам к одиннадцати, как раз когда название нового фильма становилось известным.

– Что будем писать? – Семеныч провел ладонью перед глазами, словно стараясь снять какую-то паутину.

Ефим Аронович протянул ему бумажку. Семеныч перечитал и потрогал себя за линиялые усы, словно они были наклеенными и он проверял, не отвалились ли они случайно. Потом посмотрел на Ефима Ароновича, набрал побольше воздуха и произнес:

– Так не может быть!..

– Оказывается, может: я им говорил, что здесь ошибка, но они настаивают.

– Но ведь это белибердень?

– Белибердень, – согласился Ефим Аронович.

– Может, это в телеграмме было написано: «Сапоги»?

– Возможно.

– Так что будем делать?

– А что мы можем? – писать, как есть.

Оба замолчали. Семеныч крутил табачными пальцами бумажку с названием фильма и время от времени перечитывал текст губами, будто не вполне доверял глазам.

– Позвоните еще раз.

Ефим Аронович вновь позвонил в кинопрокат, и с тем же результатом.

– Начальство говорит, что все правильно, – сказал он уныло, ткнув пальцем в телефон и сдувшись.

Семеныч положил бумажку в нагрудный карман и отправился писать объявление. Мы тоже попрощались и пошли домой.

Дома я сказал название странного фильма.

– Все перепутал, – возмутилась мама. – Я же просила хорошенько запомнить!

Напрасно я объяснял, как все происходило: что не я один – вот и Валерка может подтвердить, и что сам Ефим Ароныч тоже не понял и удивлялся... Мама не поверила, и я остался без мороженого.

– Это не мелочь, – сказала она, – все настоящее в жизни складывается из таких вот мелочей.

Я пошел к Валерке. У него была та же проблема.

– Мама сказала, что стыдно людям, уже читавшим «Курочку Рябу», говорить такие глупости.

– Но мы ведь правду сказали?

– Конечно, но тут какая-то гипербола...

Вскоре Марья Ивановна, наша соседка, отправила к кинотеатру своего сына Вовку Индикатора (прозванного так за привычку постоянно подмигивать), и тот подтвердил странное название фильма. А он все-таки был тремя годами старше нас и уже учился в 3-м «А».

Вечером мы всей компанией пошли на киносеанс. Подходя к беленому забору, все, к нашему великому мальчишескому торжеству, увидели на афише «ТЕЛЕГРАММА САПОГИ». Объявление сопровождала картинка Семеныча: телеграмма на столе с неразборчивым текстом и пара сапог солдатского образца.

– Дерзают, новаторы, – недовольно пробурчала Марья Ивановна. – Известное дело: на голове густо, а в голове пусто. Дураки да бешены не все повешены!

Потом подвезли киноленту в круглых металлических коробках, и выяснилось (хотя узнали мы об этом только во время сеанса), что это были два разных короткометражных фильма, которые объединили в одну программу: «Телеграмма» по рассказу Паустовского и «Сапоги» по рассказу Чехова. Такое соединение делалось впервые, поэтому-то и произошла вся нелепость...

Выходя после просмотра, мы увидели у выхода Ефима Ароновича. Он стоял в дверях и провожал публику, всем кланяясь и извиняясь. Как всегда в таких случаях, он, даже жарким летом, был одет в костюм с галстуком. Наши мамы и папы успокаивали его. А Марья Ивановна громко сказала:

– Ничего, мы и не такое рылом хлебали, у нас каждый день на работе «телеграмма-сапоги».

Я шел домой, держась за руки родителей и думая, что первый сегодняшней фильм («Телеграмма») был очень тяжелым и скучным, а второй оказался увлекательным и веселым. Почему их соединили вместе, было совершенно непонятно. Еще я думал, отчего в такой серьезной вещи, как объявление о кинофильме, сделанном официально на всю округу, вышла эта смешная и позорная для взрослых ошибка. Ведь ее сделали дяди, окончившие школу, не говоря уж о прочитанных ими «Курочке Рябе» и «Трех медведях». И почему за ошибку взрослых чуть не влетело мне с Валеркой, хотя мы старались точно передать все, как они нам сказали?

Если б тогда я знал, какие *телеграммы-сапоги* взрослого мира я буду еще получать, читать и примерять...

И как часто, будучи уже совсем взрослым и ответственным человеком, я снова и снова ощущал себя тем беспомощным мальчиком и повторял в рассеянье: «Телеграмма сапоги, телеграмма сапоги!..»

Александр КОЛМОГОРОВ

Рецепт ханумок

Рассказ

Когда им стало предельно ясно, что оба в любой момент могут покалечить или убить друг друга, они развелись.

Муж улетел в Таиланд, а Женька с дочкой – в родной Ташкент.

В тот майский день их встретила в аэропорту Женькина школьная подруга, Алла. Пока ехали в такси, Алла рассказывала, кто в какую страну переехал, а кто остался... Леонид, первая Женькина любовь, здесь, в городе.

Подъехали к дому. Выгрузили чемоданы. Женька вдруг замерла в стойке охотничьей собаки. Принюхалась.

– Стоп! Чем-то очень-очень родным пахнет...

Навстречу ей шла пожилая смуглая узбечка с тазиком в руках.

– Ханумки! – застонала Женька.

Через пару минут она уже сидела на скамейке напротив подъезда. Не обращая внимания на раздраженное ворчание подруги, она методично доставала из-под вафельного полотенца скупленные оптом, вместе с тазиком, конвертики из вареного теста с мелко нарезанной картошкой внутри, приперченные, смазанные густым томатным соусом.

– Дурдом! – сокрушалась Алла. – Дур-дом! Ее плов ждет, самса-заказ, копченый сом! А она уличные ханумки жрет...

Женька блаженно щурилась от солнца и удовольствия. Она доставала из целлофанового пакета мелко нарезанную зелень, посыпала очередную ханумку и, причмокивая, поглощала ее.

Маша бегала вокруг скамейки. Наблюдала за матерью. И выкрикивала:

– Хочу к принцу! Скверный принц! Мороженое!..

Женька не обращала внимания. Она ела с таким вкусом, что дочь не сразу, с некоторой осторожностью, тоже присоединилась к трапезе. Скоро и у нее, как у матери, губы и щеки стали красными, перемазанными соусом.

– Я этой минуты сто лет ждала, – отдуваясь, сказала Женька, – у меня в Ташкенте три дела: ханумки, треп с одной девицей и мороженный скверный принц.

Через три дня, когда Алла уехала с утра на работу, Женька стала собирать Машу в поход по местам боевой славы. Когда-то мать возила ее, девчонку, по городу своего детства, Алма-Ате. Теперь вот настал ее черед.

Подходя с дочерью к своему дому, Женька заволновалась: а вдруг там, во дворе, все изменилось? Вдруг вместо детской площадки стоит какой-нибудь дурацкий магазин. Вдруг кусты сирени срубили, убрали качели.

Нет, никакого магазина не было. И хотя сирень уже отцвела, все огромные кусты были на месте.

– Это мой двор, доча... Смотри! – Женька указала рукой на окна четырехэтажки. – Раз, два, три, четыре... Видишь? Во-он там два окна на четвертом этаже. Там мы жили с бабушкой и дедушкой. Там твоя мама играла, когда была маленькой. Слушала пластинки со сказками.

– Пластинки. Что такое пластинки?

– Это как диски дивиди, только большие, как тонкие лепешки. Черные такие.

– Фу, черные, – поморщилась дочь, – а ты на кровати прыгала?

– Еще как! До потолка.

Женька развернула Машу в другую сторону.

– А вон там, смотри, во-он в том доме на первом этаже жила моя няня. Ей было много-много лет. Семьдесят! Но она ходила быстро-быстро. И курила папиросы. Когда кормила меня кашей, говорила: «Да ты ж моя сахаарна! Ты моя нерастанна!» Она мне пела смешную колыбельную песенку. Знаешь какую?

Женька запела протяжно, задушевно: «У мене пидакном расцвэтала сырэнь...»

Маша засмеялась. И Женька тоже.

– Ты полазь пока, покатайся. Только осторожно: я один раз тут упала и руку сломала.

– Было сильно больно?

– Уже не помню. Дедушке с бабушкой точно было больно.

Женька присела на скамейку. Закурила.

Глядя, как дочка раскачивается на качелях, вспомнила другие качели. Они висели в доме бабушки, в коридоре, возле входных дверей. Если дед возвращался с работы, а маленькая Женька в это время качалась на них, бабушка грозно пресекала его попытки пройти в комнаты:

– Стой! Не видишь – ребенок катается? Жди!

Маше между тем надоело качаться и лазать по лестнице, и она стала тянуть Женьку за руку: пойдём к принцу, ты обещала. Женька посмотрела на часы.

– Да, пора.

К скверному принцу они поехали на метро.

Маша снова стала спрашивать, что такое Сквер.

– Я же говорила тебе. Это центр города. Большой такой круг. Там раньше было много огромных деревьев, чинар. Там люди встречались. Ели в кафе мороженое, пили лимонад.

– Ура! Мороженое, лимонад!

– Сейчас там этого нет.

Маша встревожилась.

– Если нет мороженого и лимонада, зачем туда ехать?

– Опять двадцать пять! Я же говорила, что гуляла там с одним мальчиком. С принцем. Он вырос. Мы встретим его и где-нибудь рядом найдем мороженое.

Когда вышли из метро, Женька сосредоточилась. Медленно повернула голову в сторону Сквера. И тут же у нее перехватило дыхание. Сердце ухнуло, заколотилось панически. Женька развернулась, рванула Машу за руку, потащила ее прочь.

Она знала, конечно, знала, что столетних чинар больше нет. Что нет двух кафе, цветочного магазина и бесчисленных кустов сирени. И все же, когда перед ней возник огромный пустынный круг, покрытый брусчаткой, с всадником в центре...

Дочь оборачивалась, указывала рукой в сторону памятника.

– Мама, это принц? Это он на коне?

«Возьми себя в руки, – приказала себе Женька, – не пугай ребенка».

– Нет, не принц. Пойдем быстрее.

– А кто тогда?

– Ну, этот... Амир Тимур. Царь такой... Вот дура!..

– Что?.. А принц где? – не унималась дочь.

Женька шагала молча, закусив губу.

– А царь, он хороший? – теребила ее Маша.

– Царь? Не знаю. Про него разные сказки рассказывали.

– А во что он любил играть?

– О, господи... В кубики! В ашички! В войну!.. Пойдем быстрее.

– А как он в кубики играл?

– Как, как! Строил из них домики, дворцы. Строил, ломал...

– А зачем ломал?

– Откуда я знаю?! Может, настроение у него было... как у меня сейчас, прости, господи! Ты же тоже, когда злишься, ломаешь свои домики!

Женька закивала.

– Ага. А мороженое он любил?

– Слушай, отстань, а?! Он мне не докладывал!

«Ведь знала же, знала, – угрюмо думала Женька, – чего поперлась? Что хотела найти, увидеть? Тени? Призраки? Идиотка...»

Откуда-то сбоку просигналила машина. Послышался голос:

– Женя! Куда же ты!

Женька повернула голову и увидела едущую рядом с тротуаром «Мазду», а в ней мужчину в белой майке и темных очках.

– Леня... Ой, прости!

Женька только сейчас вспомнила, что они должны были встретиться возле выхода из метро.

Леонид вышел из машины. Обнялись. Он разглядывал Женьку с удовольствием. По-дружески и по-мужски.

– Женька!.. Ну, ты, блин, королевой стала! А принцессу как зовут? – обратился он к Маше.

– Я Маша Суворова, – с достоинством ответила Маша, – а «блин» – нехорошее слово.

– Понял, исправлюсь. Очень приятно, Маша Суворова. Солидно звучите! А я дядя Леня. Мы с вашей матушкой учились в одном классе.

– Я тоже скоро в школу пойду.

– Замечательно! А мороженое, Маша, вы любите?

– Очень!

– Тогда садитесь в машину. Отвезу вас с мамой в кафе!

На берегу Анхора, на Урде, они нашли свободный столик под тентом. Заказали «Фанту» и мороженое.

Не упуская из вида Машу, бегающую вокруг клумбы с анютиными глазками, Женька и Леонид стали расспрашивать друг друга обо всем на свете.

– Как я тебе рада, Ленька! Как хорошо, что увиделись! А то бы... А то прям руки тряслись и колотило всю.

– А что, что случилось, Жень?

– Да Сквер увидела. Вспомнила молодость, называется.

– А-а... Ну, да, да. Непривычно. Со временем обрастет, конечно...

– Да понимаю, Лень! Неужели не понимаю?! Но что-то вдруг так переклинило всю.

Леонид виновато отвел глаза, словно это он сам, своими руками, спилил в Сквере все чинары. Чтобы сменить тему, спросил:

– А твой муж чем занимается?

– Ищет себе новую жену.

– Ух, ты! – Одноклассник оживился. – Так не переживай, мать. Мы тебе тут быстро нового найдем.

– Не сомневаюсь. Но я, Лень, не затем прилетела.

– А зачем?

Женька посмотрела на него. Ответила не сразу.

– Узнать рецепт ханумок.

– Да? – Леонид заулыбался. – И как, узнала?

– Узнала. Не только рецепт, но и секрет. Ты, давай, про себя рассказывай.

Леонид посерьезнел.

– Долго мы с тобой не виделись. Двенадцать лет? Больше? Столько всего... До тебя вести обо мне не долетали?

– Нет. Перед самым прилетом Алла случайно встретила Карима. Узнала у него твой телефон. Вот я и позвонила.

– Понятно. Ты уехала сразу после школы? Ну да. А я в тот год поступил в политех. На четвертом курсе женился. Дочь родилась. Когда ей было три года...

Леонид кашлянул. Продолжил не сразу.

– ...жену убили.

Женька вскрикнула:

– Как?!

– Днем. В квартире. Я в душе купался. Вышел – сквозняк. Входная дверь настежь. Вбежал в комнату – шкафчик у зеркала распахнут, все разбросано. Жена на ковре лежит. Голова в крови. Их нашли потом. Двух наркоманов. Судили. Сидят. А я тогда... сорвался. Чуть не... Пил по-черному. Работу бросил. Дочку мать с отцом забрали к себе.

Женька застыла.

– Господи... Леня...

– Да, Жень. Я долго уничтожал себя. Однажды утром проснулся. Все болит. В горле пересохло. А встать не могу. Слышу – дверной замок щелкнул. Кто-то зашел. Разлепил глаза – девчонка у дивана стоит. Соседка по подъезду. Ты чего, спрашиваю. Ничего, говорит. Притащила тебя вчера. Ты на детской площадке лежал избитый. Смотрю на нее и не верю: как притащила? Она, правда, спортсменка. Не высокая, но крепенькая. Я ее Чипполиной дразнил. Сходи в магазин, говорю. Купи чего-нибудь на опохмелку. Уже купила, говорит. И достает из пакета бутылку кефира, еду какую-то. Меня чуть не вырвало. Захрипел, заорал на нее. Она положила на стол бумажку. Это мой телефон, говорит. Как протрезвешь, позвони. И ушла. Я через какое-то время встал. Оделся, чтоб в магазин сходить. А дверь заперта. Вот, думаю, паразитка. Звоню, ору на нее. А она, как попугай, в паузах вставляет: как протрезвешь, позвони. В общем, взялась за меня. Вцепилась, как бульдог. День за днем пасла, следила. Я злился. Гнал ее. Ноль реакции. А один раз как закричит: «Не ори на свою будущую жену!». Я от неожиданности заткнулся... Короче. Через год поженились. Дочь привыкла к ней. Они ладят. Потом сын у нас родился. Четыре ему сейчас.

Пока он говорил, Женька смотрела на него неотрывно.

– Такие вот дела, Жень.

Они помолчали.

– Так что за секрет у твоих ханумок? – спросил Леонид.

– Что?

Женька тряхнула головой, пытаясь переключиться с рассказа Леонида.

– А-а... Ханумки. Да я в эти дни все искала одну опу, старушку, которая их тут рядом, на Хадре, продавала. У нее были самые вкусные в городе. Представляешь, вчера нашла. Она вспомнила меня. Обнялись. Спрашиваю, почему у нее самые вкусные ханумки в Ташкенте. Она говорит: не знаю, дочка. Я опять: ну, в чем секрет-то? Ведь продукты у всех одинаковые – тесто, картошка... Она снова: не знаю. И вдруг раскалывается. Выдает свой главный секрет.

– Какой?

– Она говорит: «Секрет не знаю, дочка». – И так смущенно добавляет: «Правда, я сама их люблю...» Вот, Леня. В этом главный секрет. Сама люблю.

Женька бросила взгляд на бегающую вдоль газона Машу.

– Повезло тебе со спортсменкой. Слава богу.

– Ну да. Одного до сих пор не понимаю: что она во мне нашла?

– Наверное, ты ее ханумка.

Леонид посмотрел на бывшую одноклассницу. Кивнул.

– Наверно, Женька. Наверное.

...Минут через десять Леонид повез Женьку с Машей в их школу на встречу с учительницей.

Женька слушала его рассказ о городских новостях, смотрела из окна машины на проплывающие мимо деревья, здания.

«Господи!.. Все-таки Ташкент – моя ханумка. Что бы здесь ни случилось, как бы кто его ни лепил под себя, он моя ханумка. Так сердце болит только за родное».

Машу сморило. Она пристроила голову у Женьки на коленях, задремала.

Женька достала платок, вытерла дочке вспотевший лобик.

Ей тоже захотелось быть маленькой девочкой. Чтобы все ее любили. Чтобы бабушка лежала рядом с ней на кровати, обмахивала ее, сонную, «Правдой Востока» и шептала: «Ангел мой... мой ангел небесный...».

О человеке, его природе и его предназначении.

О телесном здоровье и медицине

О человеке, его природе и его предназначении

Для чего человек существует?

Если по действиям машины можно судить о намерении художника, ее производшего, то, к сожалению, должно сказать, что человек существует, чтобы грешить, ибо человек, взятый в сложности всех людей, ничего столько не делает, как грешит.

Таков человек! Но он не машина; поэтому не должно прилагать к нему закона о машинах и их отношении к художникам. Или, если угодно удержать сравнение, человек – машина, но испорченная. Часы испорченные врут и показывают не тот час; но как глупо было бы заключать из сего, что они сделаны художником для того, чтобы врать и обманывать!

О назначении, следовательно, человека должно судить не по действиям его, а по его составу; а состав человеческий говорит о цели его совсем другое – что он создан для добродетели.

Свт. Иннокентий Херсонский (Борисов) (1800–1857)

Человек – тайна для самого себя. <...> Запечатлел ее для человека грех, запечатлело ее для него падение его. Человек лишен истинного самовоззрения и самопознания. Доколе я пребываю в падении моем, доколе тайна – человек – пребывает для меня неразъяснимою: извращенный, пораженный слепотою и ложью разум мой недостаточен для раскрытия ее.

Свт. Игнатий Брянчанинов (1807–1867)

Ни одна наша смертная мерка не годится для суждения о небытии, о том, что *не есть* человек.

Антон Чехов (1860–1904)

Наша так называемая реальная действительность – только полуреальна и мало действительна. Своим отношением мы делаем явления такими или иными, доделываем их, обращаем в добро или зло. Так же и с людьми. Каковы они на самом деле – никому, кроме Бога, неизвестно; вернее, что они нечто зыбкое и пластичное, и мы формируем сами, часто по случайному признаку, воображаемую схематическую фигуру и потом сами же или восхищаемся ею или поносим ее. Насколько мудрее люди простые: они не выдумывают людей, а берут человека, как он есть, и без протеста принимают часто вопиющие диссонирующие качества.

Иерей Александр Ельчанинов (1881–1934)

Каждый человек видит в других то, что в опыте духовном познал в себе самом, поэтому отношение человека к ближнему есть верный показатель достигнутой им степени самопознания.

Преп. Силуан Афонский (1886–1938)

В течение веков мы в Церкви пытались максимально возвеличить Бога за счет умаления человека. Это можно увидеть даже в произведениях искусства, когда Господь Иисус Христос изображается большим, а Его творения – очень маленькими у Его ног. В этом было стремление показать, насколько велик Бог, но оно привело к ложному, ошибочному, почти кощунственному представлению, что человек – мал, или к отрицанию Того Бога, Который относится к людям так, будто они не имеют никакой ценности. Обе эти реакции неверны.

...Когда мы стараемся понять, какое значение Сам Бог придает человеку, мы видим, что мы куплены дорогой ценой, что цена человека в глазах Божиих – вся жизнь и вся смерть, трагическая смерть Его Единородного Сына на кресте. Вот как Бог мыслит человека – как Своего друга, созданного Им для того, чтобы он разделил с Ним вечность.

Вы, наверно, помните место в Деяниях апостолов, где говорится, как апостол Павел нашел в Афинах алтарь, посвященный неведомому богу (Деян. 17, 23). Не является ли человек этим «неведомым богом»? В наше время это кажется верным как никогда. Те, кто отрекся от Бога и отверг Христа, сделали человека своим богом, мерой всех вещей. <...> Они сделали человека своим богом и вознесли его на алтарь, однако тот человек, которого они сделали своим богом, – это идол. Это двумерный человек, пленник двух измерений: времени и пространства. Этот человек, ставший богом, лишен глубины.

Митр. Антоний Сурожский (1914–2003)

О телесном здоровье и медицине

...Как не должно вовсе бегать врачебного искусства, так несообразно полагать в нем всю свою надежду.

Свт. Василий Великий (ок. 330–379)

Не будем ни слишком высоко ценить здоровье, ни слишком осуждать болезнь...

Свт. Григорий Богослов (ок. 325–389)

Для стяжания [истинной] славы <...> нет ничего равного терпению, проявляющемуся при болезнях.

Свт. Иоанн Златоуст (ок. 347–407)

В болезнях прежде врачей и лекарств пользуйся молитвою.

Прп. Нил Синайский (? – 450)

Врачу показывать телесные болезни есть не грех, но смирение.

Прп. Варсонофий Великий (? – ок. 563)

Как лекарство приносит пользу телу, так и болезнь – душе.

Древних христиан враг искушал мучениями, а нынешних – болезнями и помыслами.

Преп. Амвросий Оптинский (1812–1891)

Можно не лечиться в ожидании, что Бог излечит; но это очень смело. Можно не лечиться для упражнения в терпении, в преданности в волю Божию, но это очень высоко. Уместно же [в болезни] только одно благодарное радование...

Многие болезни Господь исцеляет через врачей и другие средства. Но есть болезни, на излечение которых Господь налагает запрет, когда видит, что болезнь нужнее для спасения, чем здоровье.

Бывает, что Бог болезнью укрывает иных от беды, которой не миновать бы им, если бы они были здоровы

Свт. Феофан Затворник (1815–1894)

Не убий. Убивают, между прочим, и врачи от неведения болезни больного, прописывая ему вредные лекарства. Убивают и те, которые не хотят лечиться или лечить больного, коему необходима помощь врача. Убивают те, которые раздражают больного, для которого раздражение губительно <...>. Убивают те, которые не подают в скором времени, по скупости или по другой недоброй причине, врачебного пособия больному...

Св. прав. Иоанн Кронштадтский (1829–1908)

[Безропотное] терпение болезни Господь принимает вместо поста и молитвы.

Прп. Анатолий Оптинский (1855–1922)

Страдание есть глубочайшая сущность бытия, основной закон всякой жизни. Все живущее болеет и страдает. В этом отношении пессимизм метафизически прав.

О человеке, его природе и его предназначении. О телесном здоровье и медицине

Всякая оптимистическая метафизика плоска и поверхностна. Но отношение к жизни совсем не решается тем, что жизнь есть боль и страдание. Пессимизм есть все-таки ложь, потому что он пугается страданий жизни, отрекается от жизни, бежит с поля сражения, совершает предательство по отношению к жизни. Я могу знать, что жизнь есть страдание, и вместе с тем принять жизнь, принять страдание жизни, понять смысл страдания. И это делает только христианство.

Николай Бердяев (1874–1948)

Болезнь – вот школа смирения, вот, где видишь, что нищ, и наг, и слеп.

Болезнь самое благоприятное время для возвращения в свое сердце, к Богу. С выздоровлением эта возможность опять отходит в бесконечную даль.

Иерей Александр Ельчанинов

Надо <...> считаться со здоровьем, а то можно уподобиться ведь самоубийцам. Мы должны быть страстеубийцами, а не телоубийцами.

Игумен Никон (Воробьев) (1894–1963)

...Пастырское попечение о больных должно начинаться, когда люди здоровы, начинаться с установления простых, дружеских отношений.

Митр. Антоний Сурожский

Размышления над Евангелием: страницы
протоиерея Сергия СТАЦЕНКО

В чем состоял подвиг жен-мироносиц?

Удаляясь с течением времени от Воскресения Господа Иисуса Христа, мы удаляемся от того аутентичного понимания этого события, которым обладали его современники. Чтобы прийти к адекватному восприятию мыслей, заложенных в Священном Писании, мы должны, для начала, попытаться понять те законы, по которым иудейский народ жил в античные времена.

Известно, что роль женщины в обществе даже в первые века христианства была принижена. Сказывалась предвзятость дохристианских времен, когда женщина не считалась самостоятельной личностью. И тем не менее, с первых веков своего существования Церковь бережно хранит память о сподвижницах Христа и Его апостолов – женах-мироносицах, чтит их бесстрашную верность своему Учителю.

В Евангелии от Луки, в эпизоде, связанном с темой Воскресения, рассказывает об одном из подвигов этих бесстрашных женщин.

...В первый же день недели, очень рано, неся приготовленные ароматы, пришли они ко гробу, и вместе с ними некоторые другие; но нашли камень отваленным от гроба. И, войдя, не нашли тела Господа Иисуса. Когда же недоумевали они о сем, вдруг предстали перед ними два мужа в одеждах блистающих.

И когда они были в страхе и наклонили лица свои к земле, сказали им: что вы ищете живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее, сказывая, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть. И вспомнили они слова Его; и, возвратившись от гроба, возвестили всё это одиннадцати и всем прочим. То были Магдалина Мария, и Иоанна, и Мария, мать Иакова, и другие с ними, которые сказали о сем Апостолам.

И показались им слова их пустыми, и не поверили им. Но Петр, встав, побежал ко гробу и, наклонившись, увидел только пелены лежащие, и пошел назад, дивясь сам в себе происшедшему» (Лк. 24, 1-12).

...Для большинства из нас посещение кладбища не является из ряда вон выходящим событием. Может, лишь для особо впечатлительных или суеверных людей оно будет сродни походу в страну ночных кошмаров...

В древности же визит в «страну смерти» был событием более значимым по своим последствиям.

В ветхозаветной религии мертвое тело считалось чем-то нечистым, и человек, прикоснувшийся к нему, также считался нечистым. Хотя усопшему члену иудейской общины все же отдавали последнюю дань, – но при этом человек, прикоснувшийся к нему, носил на себе клеймо нечистого, как минимум до вечера (Лев. 11, 24-25).

В случае со Христом жены-мироносицы, которые помогали снимать Его тело с креста, по сути, не похоронили Его достойно, а спешно оставили в гробнице, прикрыв заготовкой савана – плащаницей, чтобы не оскверниться и отпраздновать главный праздник иудеев – Пасху, наступавшую с вечера пятницы с переходом на субботу. Когда же прошло время и пасхальный день закончился, они вновь приходят ко гробу рано утром в первый день недели, чтобы воздать последние почести этому мертвому телу. Это, по иудейскому обычаю, предполагало натирание тела покойного благовонными веществами. Натирание не являлось необходимостью, а было, скорее, проявлением особой любви к умершему.

Некогда апостол Павел сказал о Законе Моисея, что тот имеет *тень будущих благ* (Евр. 10, 1). То есть в Законе уже потенциально существовало то, что станет основой христианской веры. Покойник в христианской традиции – это не объект гнушения и нечистоты, а святыня, требующая благоговейного отношения. Традиции, которые касались иудаизма, частично перешли и к нам. Когда мертвому телу, даже несмотря на запреты, воздавалась определенная почесть, то Господь как бы намекал, давал возможность понять, что человек после смерти не умирает, связь с материальным миром сохраняется, тело и душа непосредственно связаны. А раз так, то мы должны заботиться о мертвом теле, ради того, чтобы оно неким более благоприятным образом достигло воскресения из мертвых.

Сподвижницы Христа, жены-мироносицы, не погнушались воздать Учителю дань любви, которую Он обрел в их сердцах при жизни. Подвиг женщин, принесших благовонное миро к месту захоронения, был связан и с самопожертвованием. Им грозила смертельная опасность. Их могли схватить как учениц Христовых. Ведь Христос Своей проповедью буквально расколол иудейское сообщество. И уже не так было опасно мертвое тело Христа, как учение, которым Он заразил людей. Опасность была велика. И все же мироносицы пришли к телу Спасителя, понимая, что оно связано с бессмертной душой Учителя. Но тела уже не нашли...

Здесь можно увидеть еще одну параллель с нашими днями. В христианстве мы почитаем тело умершего христианина как своего рода развалины храма Духа Святого, обитавшего в нем при жизни (1 Кор. 6, 19). А развалины храма тоже святы.

Но есть в Церкви и необычные христиане, которых у нас принято называть святыми. Теми, кто при жизни особо усердно призывал Бога и в подвигах служил своему Творцу. Тела таких людей почти сразу после возникновения Церкви Христовой стали почитаться. Среди римских патрициев – не только христиан, но и язычников, – стало модным хоронить на территории своего поместья христианина, казненного за исповедание веры. Существовало стойкое убеждение, что нали-

чие дома могилы умученного христианина приносит в семью мир, счастье, удачу и достаток. Торговля телами казненных христиан стала целой отраслью бизнеса стражей арен и могильщиков. И это поверье было отнюдь не беспочвенным.

Каждый человек при жизни наполнен страстями и похотями, побуждающими его ко греху. Не являются исключением из этого правила и благочестивые подвижники. Но когда святой умирает, страсти уходят вместе с ним. И остается обнаженное, не укрытое слоем страстей, присутствие благодати Бога в этом теле. Именно по этой причине в нашей Церкви возникла традиция почитания святых мощей.

Любой материальный объект, в присутствии которого происходит призыв имени Божиего, рано или поздно становится святыней. В пример можно привести платки и опоясания апостола Павла, через которые происходили исцеления людей (Деян. 19, 12). В последующем это стало проявляться в феномене чудотворения у «намоленных» икон. И в этом отношении святые мощи, которые мы почитаем как святыню, имеют такую же силу,

А что касается нашего страха перед покойниками, кладбищами и даже храмами, расположенными на кладбище, то он связан с суеверной боязнью ускорить приход собственной смерти. Многие приметы и суеверия уходят корнями в магическое сознание человека, и, в частности, в симпатическую магию, которая подразумевает создание связи между предметами, если они прикоснулись друг к другу. Мы боимся прикоснуться к смерти, опасаясь получить ее «бациллы», которые будут убивать и нас.

В действительности же нас больше всего убивает наше маловерие. Нам порой очень трудно доверять словам Евангелия, где обещается воскресение из мертвых. Гораздо легче убеждать себя, что мы можем обмануть законы биологического угасания и избежать естественного завершения жизненного цикла нашего тела. Поэтому мы поступаем как младенцы, которые в случае стыда или страха закрывают руками глаза. Так и мы пытаемся просто уйти от темы смерти, вместо того чтобы ее осмыслить. Мы не хотим «портить себе настроение». И вновь выходит из небытия ветхозаветное гнушение мертвым телом, тогда, когда христианство говорит, что в любом виде это тело – святыня.

И тогда живым укором для нас становятся жены-мироносицы. Их вера, пусть на момент похода к гробнице Христа еще не оформившаяся до конца, подспудно созревшая где-то в глубинах души, заставила пренебречь ритуальной нечистотой и суеверным ужасом. Даже собственной свободой или жизнью для того, чтобы почтить останки Спасителя.

Христианство предписывает своим последователям подражать тому примеру отношения к людям, который дал нам в своей земной жизни Христос. Но и смерть Христа, Его погребение и отношение к Его телу Его учеников тоже способны многому научить. Прежде всего – благоговению к нашим ближним, в которых угасла искра жизни. И той крепкой вере, благодаря которой можно без предубеждения относиться к смерти. Эту веру некогда нашли в себе жены-мироносицы; ее вполне по силам найти и нам. И уверенно повторить, вслед за апостолом Павлом: *...Как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни!* (Рим. 6:4).

«Царство Божие – здесь»

*Избранные записи в Фейсбуке последних лет**

Быть тем, кому «много дано», умным, самому строить жизнь...

По этому поводу думаю: трудно быть богом.

Какое там трудно... часто это страшно и губительно.

А ведь себя не изменишь...

Если только со всем терпением, каждодневным на годы, не доверять себе, доверяя Христу – тогда швах.

Тогда только – «чую с гибельным восторгом»... пропасть.

– Прорцы, авво! вот измучила меня проблема: просящему у меня – дать ли не рассуждая, или сперва проверить его аусвайс, подлинность больничных выписок, номеров счетов и так далее, пока милостыня, как сказано, не прикипит к руке моей?..

– «Проблема»!.. слово-то какое... вот, например, помню, раньше на исповеди говорили про грехи, а щас всё «проблема», да еще эта... как же, язвы ее... «ситуация»... А что, так много вокруг тебя просящих?

– Еще бы!

– Хм... не знаю, не знаю... Знаю, что гораздо больше – дающих тебе. Сомневаешься? да посмотри вокруг внимательно. Вот про дающих – могу кое-что сказать... От дающего тебе – ну, пожалуй что и прими. Носом-то шибко не крути, прими в простоте, как есть, с благодарностью... Только успевай израсходовать данное тебе – Суд ведь скоро. Вот на Суде – там то, что ты взял, точно прикипит к руке твоей... Успевай потратить. Как, говоришь, потратить? Самое простое и надежное – возьми у дающего тебе и отдай просящему у тебя.

Один из взглядов: религия – человек служит святыне, христианство – Святыня служит человеку.

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (XLIII–XLV), 2017; 1, 2–3 (XLVI, XLVII), 2018. (Все примечания – ВС.)

Любить кого-то – вовсе не значит любить, сиречь принимать или перенимать, всё, что *его*: привычки, взгляды, интересы, опыт...

Всё это у любящего и любимого может быть совершенно непохожее.

Просто...

Принимать как есть.

Как подарок.

В этом – ценнейший опыт *поздней* любви.

Опыт, совершенно недоступный школите (несмотря даже на то, что она, хлебнув портвешка, считает себя прожженной и многоопытной, и орет со слезами под гитару: «Боже, как давно это было, помнит только мутной реки вода!...»).

Правда жизни – она, как известно, бывает одна и та же, но разная.

Смотря кем пересказана.

В пересказе бесов она – грязноватый цинизм.

В пересказе ангелов – грозный хорал, билет в один конец в огненную печь.

В пересказе человека – просто жалкий лепет.

И только в пересказе Богочеловека правда – и есть правда. Живая и животворящая.

В слове «вознесение» нам порой слышится надменное «возвеличивание»... вот, стяжал Христос славу – и вознесся с этой славой к Отцу, и теперь там сидит на троне, взирает на нас сверху...

На самом деле, Его вознесение – это кенозис (в иудаизме есть похожее – цимцум, умаление, «самоужатие» Бога, чтоб дать место сотворенному Им).

Он дает место для действия – нам, для со-творчества в деле преображения мира. На равных. Он равен был с нами в смерти – и мы равны с ним в Церкви и в воскресении.

Я и Отец – одно...

И мы и Сын – тоже одно. Невероятная близость.

Каждый человек имеет право на счастье.

Единственное, на что он не имеет права – иметь счастье за счет несчастья других.

Смотрю – Савва читает «Декамерон».

Осторожно спросил, где он это взял... Оказалось – на лето задали, по школьной программе.

Да... отстал я от жизни.

Помню, когда мне было лет что ли восемь, мама откуда-то принесла растрепанный том «Декамерона», с гравюрами и цветными вклейками (многие книги тогда имели статус «дефицита»). Пока она была на работе, я книгу стащил и успел прочесть там о немалых дивных для ребенка дивах; затем вечером мама пришла

и книгу отобрала, настраивая, что она «для взрослых». Помню, от обиды залез под кровать и там страдал...

А сейчас вон как просто – по школьной программе, летнее чтение.

Беседовал тут с врачом-наркологом.

Как тут в Минусинске, спрашиваю, обстоит дело с программой Анонимных Алкоголиков «12 шагов»?

Да почему-то не приживается тут эта программа, уныло говорит врач. В чем дело, не пойму никак... Понимаешь, вот собирается группа из шести человек – и вроде худо-бедно идет дело. Но только седьмой появляется – всё, их срывает, и идут бухать. Мистика какая-то.

Электричка «Москва – Сергиев Посад». У окна сидит мужик в спецовке, за сорок, с пухом, лысоватый, нос картошкой, глазки белесоватые, шея и запястья обветренные до красноты – один из признаков не загорающего, но регулярно физически работающего под открытым небом человека; пальцы тоже такие пролетарские, с темной каймой под ногтями, толстоватые, кривоватые.

Из пакета, стоящего у ног, он вытаскивает, движением, каким обычно вытаскивают еду в электричке с тяжелой малооплачиваемой работы подмосковичи свою схваченную на вокзале шаурму или бутылку пива, – книгу.

Раскрыл, погрузился в чтение.

Я присмотрелся – какая-то знакомая синеватая обложка, затрепанный вид...

Гончаров. Томик из огоньковского собрания сочинений, изд. «Правда», год по моему, 1953-й.

Мужик жадно вчитывается, от удовольствия шевелит белесыми кустистыми бровками, домиками крышующими мешочковатые, как у бегемота, веки; перелистывает страницу и сдержанно, но искренне и заразительно смеется.

Чем Гончаров его развеселил? – кто исповедь.

Во сне сегодня видел войну. Великую Отечественную... Зима, эшелоны, остановка в снегах, какая-то усадьба заброшенная, водокачка, толпа военных и штатских, тетки, дети, узлы; говор, вокзальный голос что-то объявляет в репродуктор, музыка; мы в шинелях все, толкаемся у костров, суета, бегаем кто с котелком, кто с чайником...

Оглянулся случайно от костра – и вижу: подходишь ты. В каком-то пальто, шаль на голове.

Наконец-то.

Как и обещала, приехала, чтобы быть со мной. Как и витало облако наших дум, как и в стихотворении «СМС» – во время войны и передвижения народов... Я вижу, как мы состарились за эти годы оба; вижу отпечатки пережитой жизни на лице и в глазах...

Обнять наконец – такое счастье.

Сразу поднялось со дна: как мы дальше, как дети, тем более война же?..

Тут я проснулся; долго сидел в темноте, не думая ни о чем, все еще – там.

Откуда берутся сны? Не все так с ними просто. Откуда в них приходят – внезапно – те, кого вроде бы накануне днем не ждал... но, как становится ясно, самые главные.

Видимо, сердце в глубине своей ждет, вот и.

Много лет назад периодически летом выезжали к родным в деревню. Однажды нашли на дороге коровий череп; унесли его в траву, подальше от дороги. Маленький Андрюша горестно вздохнул: «Зачем унесли? Придет корова искать свой череп, а его нет...»

И Андрюша давно вырос, и всяческая вода утекла... а корова, поди, так и бродит в тех местах, и всё ищет и ищет свой череп.

Единственное оправдание привлечения человека ко Христову Православию – желание поделиться с тем, кого любишь, лучшим, что у тебя есть. Все остальные причины дурно пахнут.

(Откопал несколько старых тетрадей с записями и перед тем, как выбросить, перелистываю).

Осень – бодрый, пряный запах кладбища; мишура; основа светит сквозь ве-тошь; уток – пока еще снуёт.

Много лет назад освящал я дом в деревне.

Разложил на столе тревник, крест, кропило, зажег свечу, стою читаю молитву...

Случайно посмотрел вниз – у меня полы подрясника сами собой шевелятся. Зашевелились и власы на главе моей. Был я тогда еще сравнительно молод, настроен мистически, потому и подумал: «!!!».

Осторожно приподнял подрясник – оказалось, вовсе не «!!!», а котенок залез под полы и поднимается когтями ввысь, как скалолаз. Маленький, серый, усатый, пузо как барабан, очи, светящиеся светом дикого энтузиазма, размерами по полтиннику.

«На горе преобразился еси...»*

И небо преобразилось над Минусинском: последние дни было хмурое, серое, дождливое, а сегодня с утра – солнце как румяная сибирская ранетка, выкатилось на голубое блюдце вышины.

В соборе – подходит старушка, уже не в первый раз. Такая сухая, свилеватая, коричневая, бодрая, морщины вокруг живых обезьяньих глазок, по виду – из мордвы. И каждый раз говорит: «Можно тебе сказать? Желая тебе, чтоб ты жил до девяноста девяти лет!» Так с напором говорит и сжимает узловатые коричневые кулачки, как бы усиливая пожелание, вколачивая сказанное в реальность жизни.

И сегодня подошла и говорит: «Можно тебе сказать? Желая тебе, чтоб ты жил до девяноста семи лет!»

* Из тропаря Преображения.

Поблагодарил, конечно, а сам беспокойно заёрзал внутри себя: еще-то два года куда девала?!..

Вспоминаю часто нашего духовника, о. Александра Суматохина... Вечная ему память.

И всякие его слова.

Например, про знаменитые православные «искушения» он говорил: «Какие там искушения, обыкновенное головоунытие».

Про зубную боль (когда сам ездил к стоматологу): «Самое спасительное дело: помереть – не помрешь, а венец, пожалуй, стяжешь».

Про священников: «Ты служи, отец, служи. В аду, конечно, грешников много, будут их там кипятить в котлах, а печку топить будут – священниками. Но ты служи, ничего...»

...Был чрезвычайно подвижный, очень живо всем на свете интересующийся, глаза все время на улыбчивом месте, и по-деревенски всегда как бы немного смущенный, типа рука так и тянется в затылке почесать. Но кристально твердый и ясный внутри.

Из комментариев в Фейсбуке – отвечая женщине, бросившей курить:

У всех людей по-разному, конечно. Но общее в борьбе с зависимостью (алкоголь, табак, наркотики) есть. Например, вот о чем скажет любой нарколог: навсегда освободиться нельзя, ты остаешься зависимым. Просто можешь стать «сухим» – всю жизнь не пить, не курить и пр. (чем именно это достигается – другой разговор, большой). Но если и через 20 лет воздержания начинаешь снова – то именно с того места, на котором когда-то остановился, т.е. организм не восстанавливается, в прошлое, где ты мог удовольствоваться рюмкой/одной сигаретой и пр., возврата не будет. С этим надо смириться и трезво отдавать себе в этом отчет.

Уточню: «остаешься зависимым» – В ЧЕМ именно?.. Если ты сознательно воздерживаешься (ради чего-то, вот тут вопрос мотивации – наиважнейший), то воздерживается именно твой «царь в голове». И в этом отношении ты – независим и свободен. Тело, физиология (бренная) – зависимы, а ты сам – нет. Это и есть шаг к свободе.

Почему фраза «что Бог разлучил, того человек да не сочетает» бессмысленна?

Потому что Бог ничего не разлучает, только сочетает.

Он рождает и творит, но смерти не производит.

А как же заповеди, скажете вы, в которых всяческие «не»?

А они про людей, не про Бога.

Про тех, которые наблатыкались разлучать, до поры до времени считая, что «прикольнo же, чо, и удобно».

Чем должна увенчаться жизнь, чтобы состояться? – колоссальной неудачей.

Стать семенем, которое умирает в земле; если нет этой смерти – нет и надежды на всходы.

Пелевин в романе «S.N.U.F.F.» выводит профессию «сомелье» – составляют новую культуру из вороха старой; композитор Мартынов выводит в интервью образ диджея с чемоданом пластинок; Олег Пашенко в монологе поминает Барта и вещает «новое средневековье»...

Похороны автора.

«На кладбище ветер свищет, сорок градусов мороз».

Скучно на этом свете, господа.

Думая задним числом о пляшущих человечках...

Что сказали о себе «Пусси Райот», сплясывая в храме? Очевидное лежит на поверхности: они пришли сплясывать и являть кричащий контраст скандала в святое место именно потому, что так или иначе признавали его святость.

Признает ли, исповедует ли эту святость и всякий православный, который в храме вовсе не сплясывает, но ведет себя подобающе, – большой вопрос.

Вспомнилось...

Много лет назад. Подымаюсь – в рясе, с требным портфельчиком – по лестнице старой пятиэтажки-хрущевки на пятый этаж. Густо пахнет котами, мочой, подвалом; ступени выщерблены; полутемно... Навстречу – тетенька. Шарахнулась, вжалась в стену, даже в полутьме заметно, как побелела. «Ой!!! Кто умер-то?!!» – «Да никто, что вы; я вот освятить квартиру иду...» – «Ааа?!!»

Так и миновал ее, бедную, бледную, полуобезумевшую. Покачал головою про себя: вот что вид попа животворящего делает.

В то время я в подъездах автоматически отмечал про себя, насколько удобны лестничные пролеты для выноса гроба с покойником, есть ли где развернуться на площадке.

В одном доме, в котором жилья (жильи?.. ну, жилища пусть будут) устроены как тесные норки-«гостинки», крупного старика в крупном же гробу вынуждены были спускаться с балкона на веревках; хорошо, этаж был невышший, второй что ли.

Похоже, гомосексуализм – последняя тема, которая непрерываемо греховна с точки зрения православной морали в России.

Остальные темы, весь богатый спектр грехов, таки размыло и в отстойник слило. Может, уже и навсегда. Нету их.

– А помнишь, брат, я воон в этом храме когда-то в сребролюбии на исповеди каялся, и в карьеризме?..

– Ага. А я – в осуждении... было же время... эхх.

Вздыхнут печально, сидя на лавочке осенним погожим деньком, такие два вышедших в тираж православных старикана.

Первое сентября, день знаний.

Встречаю трудом – разбираю старые отслужившие своё кухонные шкафы, выношу вниз, к помойке.

Разговор двух юношей, лет по 16-17 на вид, идущих мимо из школы, с праздничной, видимо, линейки:

- А в прошлом году на последнем звонке знаешь кто эту носил?
 - Чо носил?
 - Ну эту... как же называется... блин... ну... мелкую бабу со звонком...
 - Первокласницу?
 - Во, точно!
 - И кто?..
- (далее не слышал)

Вспомнилось: много лет назад – гостим в деревне, у отца (он с женой каждое лето туда уезжает из Красноярска, – что старикам летом в городе делать, кроме как по поликлиникам сидеть).

Однажды собрались на рыбалку.

В четыре утра вышли, подождали автобус, который везет доярок на ферму, уехали за деревню, вылезли за поскотиной, на бережке старицы (заросший кусок протоки Енисея, старое русло, весной разливанное).

У папани – эка страсть: снасти заморски, прикорм наварен, червей накопано, мотыля напасено!..

Только развели костерок отгонять бодро приступившее к фриштику комарье, сытной каши в воду навалили, закинули лески в мутную травяную гладь, – деревенское стадо пришло: коровы, несколько коз да овец.

Овцы, от роду прикинувшиеся ветошью, разбрелись, с ландшафтом слились.

Козы с вертикальными чертячьими зраками пришли к костру – пропитанием интересоваться.

Коровы просто обстали нас и, пошевеливая ушами, буддически вековечно смотрели.

Пастух – пиджачишко, трико, сам коричневый, как сучок, – слез с коня, прочапал галошами (там все в галошах ходят с весны до осени) под береговые кусты, вынул из кустов сухую палку, размотал на ней какую ни на есть лесу, банка там у него ржавая с червями – и ну этой палкой окуней тягать одного за другим.

А у нас, ровно метрах в пяти рядом, на японский спиннинг, да с прикормом, – шиш с маслом. Что за оказия?..

Плюнули мы, комарами изъеденные, на это дело, через часа полтора смотали снасти и, пока домой шли, так рассудили: пастуху надо кормиться, жрать-то в деревне нечего, – вот ему Господь и послал.

А мы чего – так, баловства ради...

Всё справедливо в Божием мире.

Еще ту же деревню вспомнил, куда мы к отцу гостить ездили.

К первому сентябрю и вспомнил как раз...

Именуема – Пакуль, Больше-Муртинский район Красноярского края.

Две улицы всего, но – асфальтированы (последний председатель был хозяйственный немец), на каждые два дома – по колодцу с чистой водой, освещение по улицам фонарное, школа-восьмилетка, клуб, детский сад... Потом колхоз захирел, стали дачники из Красноярска жить, благо полтора часа по асфальту. Ими

деревня держалась, какой-то частник пилораму открыл, ну, еще ферму не закрывали... Сейчас-то вроде ничего, а в 90-е совсем туго было деревенским. Деревня была из тех, которые с собственных столбов провода продавали во вторсырье.

Местные парнишки от нас через дорогу жили, погодки. Мать с отцом у них пьют, огород бурьяном зарос... Отец еще более-менее, как-то гоношился, подрабатывал в колхозе на подхвате, мать же – совсем спилась. Чего еще парнишкам делать – только летом грибы-рыбу приезжим продавать, ну и воровать. Курицу поймают на соседней улице у зазевавшегося односельчанина, обдерут и продадут дачникам. А зимой – к тем же дачникам в дома залезали. Залезали и к нам, без этого никак не могли, но вели себя деликатно: воровать-то особо было нечего, не потащишь же с пустой дачи продавленный диван или старый холодильник, хоть не пакостили, и то ладно.

«Без этого никак не могли»: к нам, соседям, у них все-таки особое было отношение. Жена отца их жалела, подкармливала, иногда денег подбрасывала, перед школой их стригла машинкой, нарезала у себя в палисаднике цветов для вручения учителям.

Рассказывал другой сосед, дядя Федя, одинокий старик, коренной пакульский, державший хозяйство – корову, свиней (младшая дочь только наездами из города у него бывала, привозила продуктов, помогала по мере сил), бывший моряк... Вышел, говорит, в баню, свиньям варить, возвращаюсь – дверца холодильника открыта. Что за притча? Смотрю – пусто в холодильнике, а дочь только на днях колбасы привезла. Слышу, под кроватью кто-то сопит... заглянул – а эти двое под кровать забились, глаза навыпучку, и во все щеки колбасу доедают, давятся. Ну всыпал им, конечно... что с ними сделаешь. Жрать-то охота детям...

Отец мой Геннадий Николаевич и жена его Тамара Яковлевна так и ездят в Пакуль каждое лето. Дядю Федю лет десять назад схоронили на местном лесном кладбище, среди могучих берез, комаров да конской крапивы, под синим сибирским небом, вечная ему память. А пацаны те... выросли и они. Слышал, сидят оба.

Все в России смотрят телевизор.

По поводу увиденного – смеются, стебаются, плюются, жалуются, негодуют, редко – восхищаются, и всё такое. Испытывают, в общем, гамму чувств, выдают набор реакций.

Только одни при этом дико извиняются и краснеют, что мол «случайно увидели», а другие телевизор любят и с ним разговаривают, точно как персонаж передачи «Наша Раша».

Одни относятся к телевизору как порядочный обыватель к случайной связи с проституткой, а другие – как порядочный обыватель к законной жене.

Вот и вся разница.

Но лицо при этом, как самураи, стараются сохранить все.

«Окружение – это душа вещей. Каждая вещь имеет свое собственное выражение, и оно приходит к ней извне. Каждая вещь – пересечение линий, ее формирующих: определенное количество материи, способ ее истолкования и окружение, в котором она находится»

Потрясающе.

Только Пессоа* относит сюда же и человека; мне же хочется верить, что душа человека – не вне, а в нем самом, и в этом его отличие от вещи (но не повод превозноситься над вещью: имение души в себе, а не вне, то есть подобность человека Богу, есть основа головокружительнейшей Жизни, но и потенция такого Страдания, которого не знает ни одна вещь).

Гений и злодейство несовместны?

Да ну, бросьте. Вполне совместны.

Все происходит в человеке; автоматически не быть злодеем человек не может, может только усилием отказываться от злодея в себе. И это усилие отменяет злодея как фатум, потому что злодей – это смерть, а усилие – это жизнь. Так человек следует за воскресшим Христом, так совершает свое личное воскресение. Воскресение – результат прежде всего нашего выбора (выбери жизнь и проч.).

По наитию вытянул с полки том культурологических трудов Льюиса – и обрел единомышленника. На первых же страницах «Аллегии любви» сказано: «Человечество в своем развитии не проходит различные фазы, как поезд минует станции; оно – живое и обладает привилегией все время двигаться, не оставляя ничего позади. Чем бы мы ни были в прошлом, тем же, в определенной степени, мы остаемся и теперь».

Абсолютное росло в Эдеме – на древе жизни. А относительное – на древе познания добра и зла.

Есть и другая крайность: душа доказала, что науки не существует; от искренности до солипсизма – один шаг.

Чего бояться смерти.

Ведь и так уже столько себя – и тела, и души – похоронено: выпавшие волосы, остриженные ногти, сгнившие и выдранные зубы, рухнувшие мечты и иллюзии, извергнутая сперма, слюна и прочее...

Думаю: как, интересно, себя чувствовал Ирод наутро, с похмелья, когда ему, по обыкновению, доброхоты рассказывали про «вчерашнее», что ты, мол, «как раненый зверь напоследок чудил – выбил окна и дверь, и пророка казнил»?..

Святой Иоанне, крайний Пророче и Предтеча Христов, моли Бога о всех нас.

Был бы я Андерсен – написал бы сказку, как в ночь накануне выборов в кабинете секретаря уездного горкома КПРФ оживают вещи.

И как между собой разговаривают, например, пресс-папье, иконка святителя Николая Чудотворца и гипсовый бюст Ленина.

* Фернандо Пессоа (1888–1935) – португальский поэт.

Как-то возникла была тема в разговоре: что было бы, если бы на Суде вместе с человеком, ежели он автор, предстояли бы и давали бы о нем показания не только люди, ангелы и бесы, но и созданные им персонажи.

Картинка: персонажи автора погрёбают.

(Автор казанской, ум астраханской, разум сибирской.)

Ночью, когда мы спим, многочисленные смайлики в нашем фейсбуке шумно ведут свою самостоятельную, таинственную, пошлую, возвышенную жизнь и смерть: проникают в комменты, прыгают, словно по умозрительным кочкам преодолевая собянинские уличные стиксы, как по лайкам, так и по делайкам, составляют пирамиды в сталинском духе 30-х годов, сбиваются в болотные демонстрации, организуют облавы и зачистки, поют хором, задают парадигмы, жонглируют паттернами, летом собирают ягоды, варят варенье, а зимой пьют с ним чай, десятками жгутся на молоке и дуют на воды, совокупаются в пестрые камасутры, ведут войны стенка на стенку, закатываются в осенние философские нети и там рефлексируют, стекловатой подтирают друг другу срачи, а туалетной бумагой – промакивают оноли-тегу, голосуют сердцем, рожают чудовищ, строят дворец и разрушают город.

Вот оно что, оказывается. А мы-то. Мы – даже если мы не спим и караулим, – мы все равно крепчайше спим, а потом наутро, войдя в Фейсбук, удивляемся, как и с чего бы вдруг с утра троллят нас вчерашние друзья, из какой такой из мглы из темноты наплывают какие-то братания и дискурсы, как вчерашнее минное поле банов и отфрендов оказывается гладкой, новенькой, в полпроезжейчасти, вело-дорожкой, по которой стаями бегут туда и сюда юные бородатые голошиколотные призрачные существа в наушниках (см. мультпляски страусов и обезьян в старинной заставке к телепередаче «В мире животных»), и нет всему этому конца, края, мыслимого истолкования.

И посты, вот жеж фокус, перемешались, как карты в пальцах неумелого шулера, а новенькая аватарка вовсе куда-то делась, не иначе проклятый ФБ сожрал, горько вздыхаем мы.

Поэту Александру Кушнеру исполнилось 80 лет.

Некто однажды написал о нем свысока примерно так: «Редкий случай поэтической производительности при температуре 36,6».

Думаю: ну и что.

Случай Кушнера – скорее тот случай, когда поэт нарочно сдерживает свою температуру на уровне 36,6, чтобы оставаться дееспособным в палате для неходячих: прислушаться к дыханию, принести воды, позвать медсестру, негромко поговорить...

Потому что сам Кушнер назвал сутью поэзии, как он ее понимает, – утешение.

Упирания на «духовное» всегда отдают преизбытком платонизма, коего Платона, собственно, в основном и наковыряли восточные отцы православия из Плотина и неоплатоников, как изюма из булочек. Нет, я не говорю, что надо было так же удариться в Аристотеля, как Августин, Аквинат и пр., – но изрядную долю ари-

стотелевского материализма добавить в эту всю эйдологию в свое время не мешало бы... Ну что ж теперь. Отвечаем на сие одно: душа без тела – не человек; Бог стал человеком – во плоти. И Царство Божие – вовсе не то, что «Царство Небесное» в смысле «загробного поместилища душ» из пономарского народного богословия.

Вспомнил двух знакомых православных ревнителей (минусинских художников), которые однажды келейно выпивали, сопровождая это дело духовной беседой – один другому объяснял отличие Исаака Сирина от Ефрема Сирина. Дело кончилось дракой и переломом руки одного из совопросников.

В Минусинск часто летом приезжают туристы. Зашла как-то в Спасский собор группа европейских бабулек, немецких что ли. Позитивные, подвижные, фарфоровые смайлы до ушей, шорты, фотоаппараты, розовые букли... Сидят они во дворе собора, ждут экскурсовода. Вышли наши местные, работающие в храме, на них поглазеть. Одна из наших – старуха крупная, тяжелая, в сером халате, изработанная за жизнь, изъеденная, как паутина и комарьем, пьющими чадами. Говорит без злобы, но с сердцем, как говорят о погоде, когда огорожина выгорает, а осадков нету, или когда надо картошку копать, а неделю дожди и грязь непролазная: «Вишь какия. Сидят нога на ногу... Их бы на нашу пеньсию, дак не сидели бы нога на ногу, а лежали бы рука на руку...»

У храма Воскресения Словущего в Брюсовом переулке – престольный праздник, осенняя Пасха.

Завершен, наконец, и ремонт Никольского и Елисеевского приделов храма. Когда там переделывали полы – нашли немалое количество человеческих останков. Кости были собраны вместе, над ними отслужили панихиду и погребли снова.

Кто эти люди? Несчастные ли жертвы пожара 1629 года, когда весь Успенский вражек выгорел дотла и на месте прежней деревянной Воскресенской церкви стали строить новую, каменную? Умершие ли в эпидемию чумы 1771 года? Именитые, безродные? Дети какого века?.. Кто исповесть; центр Москвы – такое уж место, слой на слое, эпоха на эпохе, память на памяти.

Сегодня в Словущем – праздник. И, поздравляя с ним всех днесь сюда пришедших, мы знаем, что будут они молиться не только о своих родных и близких, но и о служителях и прихожанах храма, тоже молившихся в этих стенах в течение минувших столетий. И молитва эта радостна, проста и жизнеутверждающа – служба-то по пасхальному чину, и будет под сводами купола ликующе греметь вечное, вечно новое: «Христос воскрес!».

Тело – это еще ладно...

А вот этак приснится фотовыставка обнаженных душ.

Толпа посетителей у входа; предутренний час – с первым лучом солнца двери откроют, но пока еще темно... Толкаешься, чтоб быть первым, чтоб успеть разыскать свою фотографию, сорвать, уничтожить, чтоб никто не успел увидеть, не то сгоришь со стыда... И весь кошмар сна в том, что и проснуться не можешь (бывают

такие усилия. когда понимаешь, что спишь, и хочешь проснуться, пытаешься совместиться с телом и всплыть уже – ан никак), и утро все медлит и не наступает, и не понять, где открыли экспозицию: в вестибюле ада, в раю, в зале суда.

- Рцы ми, подвижнице, ревнителю веры: стараешься ли Богу угодить?
- Стараюсь, честный авво.
- И как, получается угодить?
- Получается... да только всё или под дых, или в глаз...

Вспомнил, как я однажды в Москве потерялся.

Было это году, наверное, в 80-м, учился я в 7-м классе, и ездили мы с классом из Богучан, с Ангары, на экскурсию в Краснодар, в музей «Молодой гвардии», в какое-то зимнее время. В Москву приехали поездом из Красноярска, там надо было полдня ждать еще.

Ну, и поехали, конечно, в мавзолей.

Вышли все с Павелецкого вокзала и организованно пошли, а я прилип к киоску «Союзпечати»... Когда оторвался от него – ан уж и нету класса-то. Ну что ж, пошел я гулять по Москве, в окрестностях вокзала. Когда проголодался, зашел в какую-то столовую, и самым ярким и поразившим меня впечатлением от всей этой поездки именно эта столовая и стала, а более всего то, что, оказалось, в ней ругаются матом совершенно так же, как и у нас в Богучанах.

Классная наша руководительница, приведши группу назад и найдя меня живым и здоровым, тоже каким-то образом осталась жива и здорова, уж и не помню каким.

А положенной всякому советскому человеку инициации в зиккурате у мумии Ленина я так-то вот и избежал.

Когда я работал в редакции газеты, на меня возложилась обязанность (не начальством, а как-то само) беседовать с графоманами, принесшими в редакцию свои объемные рукописи в стихах и прозе. Все прочие сотрудники куда-то исчезали при их приходе...

Позже, когда я уже служил в храме, ситуация сия тоже повторялась, когда в храм приходили скорбные главою. С ними я ничего не делал, просто терпел и выслушивал. Среди них была тетенька солидных лет, лицом точь-в-точь Блаватская, в очках с толстенными линзами. Впервые я ее увидел как раз в редакции, куда она пришла на что-то напористо жаловаться, начав свою речь так: «Начнем с того, что я мать Бога и у меня миллион детей...». А второй раз я встретил ее, когда дьяконом впервые вышел на каждение. Она дико обрадовалась, увидев меня, быстро следовала за мной и кричала: «А! И ты здесь!», а я скорым шагом убежал от нее, стараясь сохранить лицо и не выронить кадило.

Был и дяденька, высокий и седой, говорят, бывший математик или физик. Он приходил в храм, спокойно ставил свечи, а потом, найдя собеседника, начинал рассказ о том, что совершил важнейшее открытие военного назначения, и если церковь не окажет ему содействие, то открытие похитят китайцы, и приходил в воз-

буждение и гнев по ходу рассказа, а потом, выплеснувшись, притихал. Мне он по секрету поведал, что он пришелец с Вифлеемской звезды.

А еще была джуноватого вида дамочка, приехавшая откуда-то издалека специально меня повидать, кто-то ей про меня рассказал. Она начала бурно и приятно знакомиться, и по ходу знакомства стало выясняться, что она то ли экстрасенс, то ли что-то в этом роде: «жрица, Постум, и общается с богами»*. Однако вскоре она, услышав мои ответы на ее речи, скисла, разочарованно и ядовито усмехнулась, бросила мне: «Нет, я ошибалась! Вы – не наш!» – и ушла. А я мысленно вознес славу Богу, что оказался «не их».

Торкнуло: вот часто говорят, что смерть ребенка – трагедия падшего мира, а не наказание за грехи, ребенок не успел нагрешить... Это так.

А смерть взрослого? Это что, наказание за его грехи? Смерть ребенка нельзя рационально объяснять и оправдывать – а взрослого можно, типа поделом? Ребенка жалко, потому что мимими, а взрослого не жалко, потому что он небритый, пошлый и противный?.. Смерть взрослого, что ли, не трагедия?

Еще: вот, например, Христос умер – вовсе не за грехи, хотя был взрослый.

И что, Его смерть и воскресение ничего не изменили в положении вещей?

Смерть как была, так и осталась наказанием за грехи? Разве она не стала чем-то *совсем иным*, по крайней мере для христиан?.. О чем говорил Франциск, говоря: «сестра моя Смерть»?

Антропоморфизм: чтобы, бесконечно силясь понять Бога, понять, наконец, в чем-то самого себя.

Особенно в такую вот промозглую осеннюю ночь.

Давно не укладывал спать младенцев, тем паче таких гиперактивных, как внук...

Перепел весь репертуар, от «Воскресенья» до Аркаши Северного. Слушает, но сна ни в одном глазу.

А потом до меня дошло: эх я debil!..

И запел «Царица моя преблагая».

И Максим успокоился и мирно уснул.

Продолжение следует.

* Из стихотворения И. Бродского «Письмо римскому другу» (1972).

Неостывшая память

Совсем недавно исполнилось сто лет со времени восстания в Туркестане. Поколение заставших эти события хотя бы детьми успело уйти из жизни – последние свидетельства очевидцев были собраны историками и журналистами в начале девяностых. Но историческая память о восстании, кажется, так и не успела остыть за столетие.

В этом убеждаешься по прочтении коллективной монографии «Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.)» (М.: Русский импульс, 2017). Монография, представляющая собой сборник докладов международной конференции, прошедшей в Москве 18 сентября 2015 года, вышла под редакцией известного российского историка-туркестановеда, уроженки Ташкента Татьяны Котюковой.

Пятьдесят исследователей из России, Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Азербайджана выкладывают «мозаику», которая призвана отразить социальный взрыв, предшествовавший революции 1917 года, а по сути – и приблизивший ее.

Сегодня вряд ли можно найти сторонников прежнего, господствовавшего в советской историографии, подхода к восстанию, когда оно объявлялось революционным выступлением трудящихся масс, где узбеки, казахи, киргизы плечом к плечу с русским пролетариатом боролись за свои права. В статьях монографии преобладает взгляд на восстание как на яркую страницу национально-освободительной борьбы народов на южной окраине Российской империи, еще не изученную в должной мере и не рассмотренную во всей полноте факторов, причин и последствий.

Исследователи пытаются ответить на вопрос: как, впервые почти за полвека существования Туркестанского генерал-губернаторства, смогло произойти такое масштабное выступление против российских властей? Ведь очевидно, что царский указ о привлечении «инородческого населения» к тыловым работам и неудачно выбранный момент для него (мужчины-скотоводы кочевали в это время вдали от своих зимовок) оказались не столько причиной, сколько поводом.

К 1916 году назрело много проблем. Несправедливое распределение земель, когда территории пастбищ отчуждались у коренного населения в пользу переселенцев. Злоупотребления царской администрации, в том числе со стороны ее

представителей из местных жителей. Неграмотность большинства коренного населения, которая не позволила им в полной мере понять смысл указа и его последствия, а значит оставляла простор для подстрекательства. Активность агитаторов из Турции и Китая, заинтересованных в ослаблении России.

Екатерина Озмитель (Бишкек–Москва) называет еще один, на первый взгляд неожиданный фактор. В среде русских крестьян, отмечает она, «в начале XX века резко нарастал религиозный индифферентизм и даже атеизм, что крайне отрицательно сказывалось на их нравственном состоянии. Добрососедские отношения с местным населением... были нарушены новоселами второй волны переселения». К своему новому месту жительства переселенцы второй волны относились «как к временному пристанищу, а к местным жителям – не как к соседям, с которыми надо выстраивать долговременные отношения, а как к средству легкого обогащения. <...> По мысли российской администрации, христианство должно было нести в Туркестан идеи и опыт цивилизованных отношений, этим и занимались усердно многие представители православной интеллигенции края. Но рядовые мусульмане сталкивались чаще всего не с ними, а с резко секуляризирующимися переселенцами, которых они принимали за христиан».

Православная церковь не осталась безучастной к событиям в Туркестане. Предвидя возмущение переселенцев и их возможное противодействие восстанию, епископ Туркестанский Иннокентий (Пустынский) обратился к верующим с посланием, фрагмент которого приводит в своей статье преподаватель Ташкентской Духовной семинарии Юрий Флыгин. Туркестанский архиерей призвал православных «в своем поведении... явить не только спокойствие, но и храбрость, и находчивость – всякому в своей сфере жизни и деятельности... помолиться, чтобы сердца... людей от кровопролитного их желания Господь приложил к братолюбию и усмирению и утолил возгорающуюся междоусобную брань...»

А жестокости хватало с обеих сторон – и местных жителей, и пришлых. Но были и проявления подлинной человечности. Например, когда работники-киргизы предупреждали хозяев о предстоящем нападении. Так было спасено население Покровки, чьи жители успели покинуть свои дома и убежать в Пржевальск. Имя батрака, сообщившего переселенцам об опасности, не сохранилось. А в Пишпекском уезде группа киргизов отстояла русское село от своих соплеменников, не дав его разорить.

В 1917 году восставшие, которые бежали от карательных отрядов в Китай, начали возвращаться в родные места. Чаще всего без скота, имущества и средств к существованию. Переселенцы, как и прежде, делились с ними хлебом и нанимали на работу. Были случаи усыновления детей, в ходе восстания потерявших родителей.

Отдельные главы книги посвящены джадидам, чья роль и позиция в восстании оказалась различной и до сих пор не получила однозначной оценки. Представители движения – Мунаввар-кары, Расул Ходжаев, Завки, Аваз Отар, Хамза и другие – оказались по разные стороны баррикад. Одни призывали к исполнению указа, стремились сотрудничать с властями, обращались к депутатам Государственной Думы с просьбами разобраться в злоупотреблениях и обеспечить права и защиту призываемых на тыловые работы туркестанцев. Другие открыто поддержали восстание.

В целом, книга напоминает огромный, шириной в пол-Евразии театр: ведь помимо Туркестана царский указ всколыхнул и затронул Закавказье, юг Сибири, север Персии и северо-восток Китая. Многоголосье исторических лиц, от министров, генерал-губернаторов и ханов до рядовых дехкан, кочевников и переселенцев, сливается в нестройный хор, участники которого едва ли слышат друг друга. Бурление масс, приведшее в итоге к взрыву, при большом удалении выглядит как неизбежная цепь физических процессов и химических реакций. И вместе с тем, при приближении, можно рассмотреть отдельные «молекулы» – участников событий, наделенных судьбой, сознанием, совестью. Зачастую стоявших перед нелегким выбором, который предстояло сделать иногда за считанные минуты.

Перед непростым выбором стоят сегодня и историки. Оценки их, в зависимости от того, какая сторона конфликта им ближе, остаются полярными и субъективными. Фактов оказывается в избытке для любых, иногда абсолютно противоположных выводов. Не случайно один из авторов, Саттар Мажитов (Казахстан), сравнивает описание восстания с чашей легендарного правителя Джамшида: «Когда он смотрелся в нее, то имел возможность наблюдать за всем, что происходит в мире». Однако чаще всего чаша показывала «только то, что хотел видеть сам правитель».

Как признают авторы книги, туркестанское восстание сегодня выглядит по-разному в западной историографии, российской, турецкой, не говоря об исторической науке самих государств Средней Азии и Казахстана... И как много еще предстоит сделать для того, чтобы вместо политических спекуляций сложилась объективная картина происходивших событий.

АВТОРЫ НОМЕРА

ГАЛАК Александр – художник, иконописец. Член Академии художеств Узбекистана. Преподаватель Воскресной школы и работник Свято-Покровского храма в Самарканде. Живет в Самарканде.

ДБЯЧКОВ Алексей – поэт. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Новый мир», «Арион», «Волга», «Новая Юность» и др. Автор двух книг стихов. Живет в Туле.

ИЛЬИН Николай – поэт, прозаик. Преподавал в Государственном университете международных языков (УзГУМЯ); сотрудник СП Узбекистана. Автор нескольких стихотворных сборников. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Звезда Востока», «Восток Свыше» и др. Живет в Ташкенте.

КОЛМОГОРОВ Александр – актер, прозаик. Работал в Ташкентском Молодежном театре, театре-студии «Ильхом» в Ташкенте, театрах Ростова-на-Дону и Москвы. Публиковался в журналах «Новая Юность», «Иерусалимский журнал» и др. Живет в Москве.

КОТЮКОВА Татьяна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела сравнительно-исторических исследований стран постсоветского пространства Института всеобщей истории РАН. Живет в Москве.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – поэт, публицист. Автор семи книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и др. Публиковался в журналах «Арион», «Воздух», «Знамя» и др. Служит и живет в Минусинске.

МУРАТХАНОВ Вадим – поэт, прозаик, критик. Автор пяти книг стихов. Публиковался в журналах «Арион», «Дружба народов», «Звезда Востока», «Октябрь» и др. Лауреат поэтической премии «Московский счет». Работает в журнале поэзии «Арион». Живет в Подмосковье.

ПАВЛОВ Дмитрий – историк Церкви. Окончил магистратуру Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), работал в Издательском совете РПЦ. Живет в Москве.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

Иеромонах Михаил (СТОЛЯРОВ) – журналист, пресс-секретарь Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

ТАЛАЛАЙ Михаил – историк, кандидат исторических наук. Лауреат Макарьевской премии (2013). Автор многочисленных статей в российских и итальянских периодических изданиях по истории Русской Церкви в зарубежье. Живет в Милане.

Содержание журнала «Восток Свыше» за 2018 год

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Ксения РОГОЖНИКОВА. «Мои руки становятся крыльями...». – № 1 (XLVI). С. 5.

Галина КЛИМОВА. Сестры. – № 2-3 (XLVII). С. 5-6.

Алексей ДЬЯЧКОВ. Первые апостолы. – № 4 (XLVIII). С. 5.

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

Близнецы. 1475 лет преставления преподобного Венедикта Нурсийского (14 марта 543 года). – № 1 (XLVI). С. 6-12.

Свет египетский. 1650 лет преставления преподобного Феодора Освященного (16 мая 368 года). – № 2-3 (XLVII). С. 7-12.

Поэтул. 325 лет преставления святителя Досифея, митрополита Молдавского (13 декабря 1693 года). – № 4 (XLVIII). С. 6.

Новостные страницы *иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)*

145-летие со дня основания епархии и другие события. – № 1 (XLVI). С. 13-15.

Первый съезд православной молодежи, «Русские писатели в Средней Азии» и другие события. – № 4 (XLVIII). С. 12.

ХРИСТИАНСКИЕ СИМВОЛЫ В ИСКУССТВЕ

Владимир БАРАНОВ: «И иконоборцы, и иконопочитатели использовали античную философию...» – № 1 (XLVI). С. 16-22.

Елена ПОТОРОЧИНА. Небесный Иерусалим на серебряных блюдах из Согда? – № 1 (XLVI). С. 23-28.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Тема: Среднеазиатский период служения архиепископа Ермогена (Голубева) (1948–1960 годы)

«...Навсегда родной Церкви ташкентской...» Три речи архиепископа Ермогена (Голубе-

ва). Публикация, вступительная статья и примечания Евгения Абдуллаева. – № 2-3 (XLVII). С. 13-21.

Александр ГАЛАК. Настоятель самаркандского храма. – № 2-3 (XLVII). С. 22-26.

Тема: «Среднеазиатские пути» Александроневского братства (к 100-летию со дня основания)

Дмитрий ПАВЛОВ. Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова). – № 4 (XLVIII). С. 15.

Александр ГАЛАК. «Высший подвиг – в терпении, в любви и мольбе...» Жизнь архимандрита Серафима (Суторихина). – № 4 (XLVIII). С. 44.

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Всеволод СТРАТОНОВ. Туркестан. Главы из воспоминаний «По волнам жизни». Публикация, предисловие и примечания Татьяны Котюковой. – № 1 (XLVI). С. 28-50; № 2-3 (XLVII). С. 27-45; № 4 (XLVIII). С. 67.

Бахтиёр АЛИМДЖАНОВ. Взлет и падение туркестанского купца Николая Иванова. – № 1 (XLVI). С. 51-58.

Борис ЛОНГОБАРДИ. Путевые впечатления невольного путешественника. Публикация Михаила Талалая. – № 1 (XLVI). С. 59-77.

Людмила ЖУКОВА. Вооруженное восстание в Ташкенте в октябре 1917 года: два свидетельства. – № 2-3 (XLVII). С. 46-50.

Эссад БЕЙ. Последний потомок Тамерлана. Глава из книги «Белая Россия. Люди без родины» (1932). Перевод с итальянского и предисловие Михаила Талалая. – № 4 (XLVIII). С. 97.

ДИСКУССИЯ

Бахтияр БАБАДЖАНОВ. «Научное самоубийство»: взгляд из прошлого и будущего. – № 1 (XLVI). С. 78-84.

Шухрат МУХАМЕДОВ, Карим ЕГЕУБАЕВ. Ответ «научных самоубийц»: взгляд из настоящего. – № 2-3 (XLVII). С. 68-76.

Татьяна КОТЮКОВА. О «трудностях перевода», или «Кадры решают всё». – № 2-3 (XLVII). С. 50-55.

Обсуждение книги Т.В. Котюковой «Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы». – № 2-3 (XLVII). С. 56-67.

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Мария БУБНОВА. Слышать и говорить. – № 1 (XLVI). С. 117-129.

Виктор МОЙСЕЕНКО. От Сырдарьи до Калинина. *Сырдарьинские этюды.* – № 1 (XLVI). С. 130-140.

Александр КОЛМОГОРОВ. Роман Ткачук и другие. *Отрывки из новой повести.* – № 2-3 (XLVII). С. 151-158.

Геннадий СУКОННИКОВ. Записки ташкентского охотника. – № 2-3 (XLVII). С. 159-164.

ПЕРЕВОДЫ

Слово свт. Иоанна Златоуста о целомудрии. Перевод с греческого, предисловие и комментарии Алексея Пернбаума. – № 1 (XLVI). С. 93-96.

К.С. ЛЬЮИС. Исследуя скорбь. Фрагменты. Перевод с английского, предисловие и примечания Светланы Панич. – № 2-3 (XLVII). С. 85-100.

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О смирении. – № 1 (XLVI). С. 99-102.

О скорби. О борьбе с похотью. – № 2-3 (XLVII). С. 101-104.

О человеке, его природе и его предназначении. О телесном здоровье и медицине. – № 4 (XLVIII). С. 118.

Размышления над Евангелием:
страницы протоиерея *Сергия СТАЦЕНКО*

Первосвященство Христово и наше призвание. – № 1 (XLVI). С. 103-105.

«...Последний же враг истребится – смерть». – № 2-3 (XLVII). С. 105-109.

В чем состоял подвиг жен-мироносиц? – № 4 (XLVIII). С. 122.

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь». Избранные записи в Фейсбуке последних лет. – № 1 (XLVI). С. 106-116; № 2-3 (XLVII). С. 110-123; № 4 (XLVIII). С. 125.

ОЙКУМЕНА

Вадим МУРАТХАНОВ. По ту сторону гор. – № 1 (XLVI). С. 85-87.

ПРОЗА

Ольга ПИНЧУК. Какая же я матушка? – № 1 (XLVI). С. 88-92.

Павел СУСОЕВ. «Друг друга тяготы...» – № 2-3 (XLVII). С. 77-84.

Николай ИЛЬИН. Телеграмма сапоги. – № 4 (XLVIII). С. 103.

Александр КОЛМОГОРОВ. Рецепт ханумок. – № 4 (XLVIII). С. 112.

ПОЭЗИЯ И ВЕРА

Сергей ДУРЫЛИН. «Венец лета» и другие стихотворения. Публикация Анны Резниченко и Михаила Гоголина. Предисловие и примечания Анны Резниченко. – № 2-3 (XLVII). С. 124-143.

Игорь ДУАРДОВИЧ. «Умирал, умирал и не умер...» Между строк стихотворения Юрия Домбровского «Амнистия». – № 2-3 (XLVII). С. 144-150.

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА*

Неостывшая память. – № 4 (XLVIII). С. 138.

РЕЦЕНЗИИ

Юлия КОЛОТОВКИНА. Не стесняться своей веры. (Приход Русской Православной Церкви в России и за рубежом: Материалы к изучению приходской жизни. Вып. 6: Приходы Русской Православной Церкви в исламском контексте (Узбекистан, Казахстан, Кабардино-Балкарская Республика) / [Отв. ред. И.П. Рязанцев, ред.-сост. М.А. Подлесная]. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. – 376 с. (Серия «Социология Православия»). – № 2-3 (XLVII). С. 165-168.

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск XLVIII
№ 4, 2018, октябрь-декабрь

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . .2019 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . .2019).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568